
ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У Нарвских ворот на площади Стачек.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В ЛЕНИНГРАДЕ

Фото Л. Зиверта и И. Наровлянского.

На Канале Грибоедова.

На первой странице обложки: Скоро елка! В детском саду московской фабрики «Большевик» ребята готовят елочные украшения.

Фото Е. Тиханова.

На последней странице обложки: На лыжной прогулке.

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 52 (1385) 27 ДЕКАБРЯ 1953 31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

РЫНОК РОСТОВА

Города, как и люди, имеют не только свое лицо, но и свой характер. И как человек — где бы он ни был, нрав его ощутим всегда,— так и город. На площадях и в учреждениях, на улицах и в цехах — повсюду видна «повадка» города.

Но, казалось бы, рынок — всегда рынок, он везде одинаков. Разве что больше или меньше, изобильнее или скуднее. Разве что главенствуют на прилавках оранжевая лакированная хурма или глыбы мороженого молока. Но это не так: характер города виден на рынке особенно отчетливо.

Разной жизнью живут цветистые восточные базары, деловитые северные рынки, веселые украинские ярмарки.

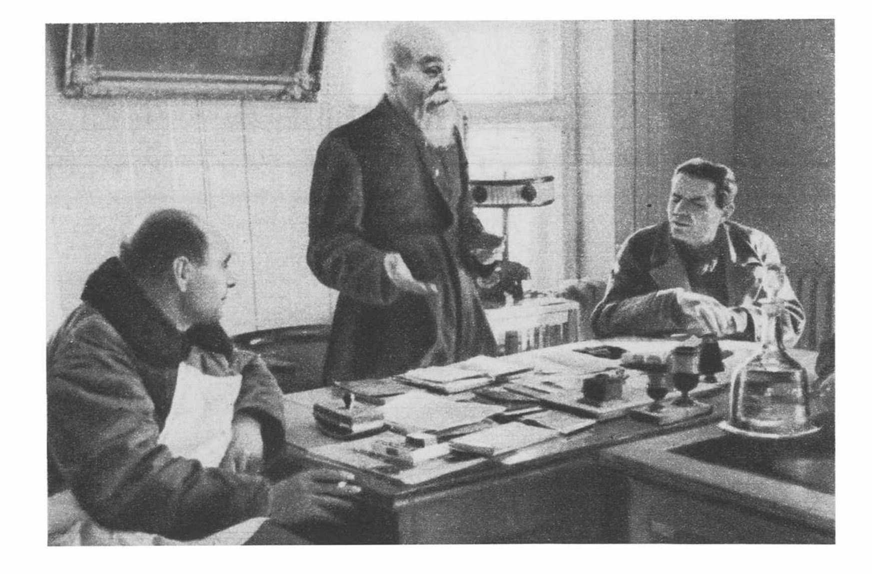
Мы бывали в Ростове-на-Дону в разные времена года: когда весенние улицы пятнала первая листва — светлозеленая и мелкая,— будто город обрызгали из пульверизатора; и ранней зимой, когда белые домики на склоне горы кажутся изморозью, которая сойдет при первых теплых лучах. Но всегда Ростов выходил навстречу жизнерадостный и деятельный. И всегда достаточно было побывать на его центральном рынке, чтобы почувствовать, что это город щедрый, гостеприимный и широкий.

Мы сказали «центральный рынок», так как колхозных рынков в Ростове десять. Но все, характерное для центрального, характерно и для других. Поэтому постараемся рассказать об этом рынке.

Можно было бы начать рассказ с описания сверкающих белизной мрамора и кафеля новых павильонов, один из которых вы видите на этом снимке, или рассказать, как клубится над машинами с живой птицей пуховая пурга, или заглянуть под навесы, где сгрудились крепкие яблоки и готовые истечь соком груши. Можно рассказать, как в разные времена года меняет рынок цвета: он то зеленеет, то краснеет, то желтеет, заливаемый плодами колхозного урожая.

Но хочется начать с того, что отличает нынешний колхозный рынок от рынков старых времен. А это новое — самый дух, атмосфера. И чтобы лучше почувствовать это, начнем со знакомства с Иваном Григорьевичем Шмыровым. Он начальник управления городскими рынками.

Входим в кабинет Ивана Григорьевича. Это пожилой чело-

век с лицом, пожалуй, ученого, в военном кителе, с которого, кажется, недавно сняты погоны. Шмыров — старый коммунист, комиссар времен гражданской войны, подполковник в Великую Отечественную войну. Он берет свежую газету и, попыхивая папиросой (из-под его пышных усов торчит только ее конец), говорит:

— Что пишут о нашем фронте? — И весело поблескивают его глаза.

За сотни километров едут в Ростов колхозники, заключено 209 договоров. Вот и сейчас у Ивана Григорьевича гости из Краснодарского края и Марийской АССР. Шмыров только что говорил по телефону с их колхозами.

Дело в том, что произошло непредвиденное: цены на рынке оказались ниже, чем указано в накладных, данных колхозами. Иван Григорьевич согласовал с председателями артелей новые цены.

Но вот Шмыров надевает пальто, шляпу и выходит на площадь. Сегодня воскресенье, и площадь буквально забита грузовиками, десятки тысяч людей заполнили рынок.

Шмыров идет мимо складов. Чернеют раскрытые пасти подвалов. У каждой двери — люди.

— Откуда? — допытывается Шмыров.

Слышатся ответы: «Из Чувашии! Из Ярославской! Из Черкесии!»

— А вы орловские? — спрашивает Иван Григорьевич, подходя к продавцам картофеля.—Что вас так далеко занесло?

— Привет у вас хороший,— улыбаются орловцы. — Холодильники и склады есть, ларьки даете, весы и спецодежду получаем, автотранспорт.

Но Шмыров мрачнеет и недовольно бормочет: «Ох, уж этот транспорт! До войны пятьдесят машин у этого рынка было, а теперь десять. Поди управься тут! Вот он, и привет!»

А рынок живет своей разноголосой жизнью. «Кто хочет жить до ста лет — пей наше дагестанское вино!», «Гуси! Гуси! Гуси-лебеди! На стол выплывет — не поймаешь!» И вдруг рядом возникает озабоченный мальчишеский дискант:

— Петька, а ты спроси: это веселовский рис? А то опять купишь не веселовский, мать тебе даст жару!

Так неожиданно мы встречаемся с интересным фактом. Еще недавно газеты писали, что благодаря Волго-Дону в Веселовском районе колхозники смогли разводить рис. И вот он уже завоевал популярность на рынке.

Как во всяком речном городе, рыба здесь — один из самых любимых продуктов. К рыбному столу с трудом подступишься.

— Гражданочка, берите, красавец какой! — несется оттуда.— Это же кит целый! Только усов нема.

В другом конце рынка тоже идет рыбная торговля. Но тут покупатели не гонятся за весом и вкусом. Их интересуют «кислородный режим», «корма». И, бодро шмыгая на морозе носом, южным говорком ребята произносят латинские названия.

А Иван Григорьевич Шмыров держит путь в молочный павильон. Это новостройка. Бело-розовый, весь в полотнищах света, па-

Здесь проверяют молоко.

дающего из окон, поднялся он над мраморными столами. Млечные шары ламп распустились над прилавками, легкая вереница арок охраняет входы в боковые «боксы».

Но Шмыров идет сначала не через главный вход павильона, а в боковую дверь. Там контрольно-пищевое отделение санитарно-эпидемиологической станции рынка. Ни одна кружка молока, ни один стакан меда не попадет на рынок, пока на станции не проверят все качества продуктов. Ни один килограмм мяса не минует ветеринарного врача.

Вот лаборант О. П. Дерманская наклонилась над ведром молока. Сейчас будут установлены жирность, кислотность, чистота.

Мы подходим к прилавкам, на которых сочными тонами вспыхивают порошимые снежком ситцы и вуали. На рынке колхозники покупают материю, туфли, кровати, зеркала...

Удовлетворенный Шмыров продолжает обход. И вдруг что-то заставляет его брезгливо поморщиться. Шустрый маленький человечек хлопочет возле аляповатых картинок. Причудливое нагромождение блесток должно изображать цветы, сорт которых не взялся бы определить ни один ботаник.

— Посмотрите на это искусство,—кричит человек замотанной шалью старухе,— чистый Репин, дышит!

— Частноторгующий,— голосом, исполненным презрения, роняет Шмыров.— Всю песню мне подобные экземпляры портят.

А «песня» рынка широкая, щедрая. Рынок напоминает сельскохозяйственную выставку, где на виду все достижения колхозных сел. И часто приходится здесь слышать, как люди обмениваются опытом выращивания картофеля и посадки садов. И тут все меньше того, без чего, кажется, раньше невозможно было представить рынок,— торгашества.

Проходя по рынку, Иван Григорьевич перебирает в уме цифры. Что и говорить, они отрадны: только за десять месяцев года почти в полтора раза перевыполнен план продажи продуктов.

— Много у вас ларьков,— говорим мы.

— Много, триста двадцать,— отвечает Шмыров, но в голосе у него недовольство.— А лучше бы полсотни магазинов открыть. Есть такие на рынке, и хорошо: просторно и удобно. Да и ассортиментом руководить легче. А то галантереи видимо-невидимо, в чулках запутались, а шорных изделий, например, не хватает.

Мы продолжаем путь по рынку, и, обгоняя нас, идут горожане, щеголяя покупками.

— Хороши? — поднимая двух трепещущих петухов, спрашивает молодой человек у старушки, безусловно, компетентной в вопросах птичьих достоинств.— Не попадет мне от жены?

Но есть и такие покупатели, которых сомнения не одолевают. Тут каждый—крупный специалист по «живой птице».

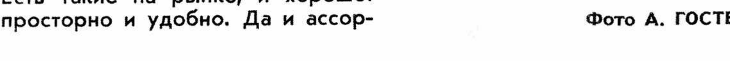
...И вот снова Иван Григорьевич Шмыров сидит в своем кабинете. Он смотрит через окно на стайки снежинок, вьющиеся над желтыми тушками гусей, и думает. Думать есть о чем. Вот гостиница для колхозников необходима, невозможно без нее. Стройматериалы для новых павильонов добывать в исполкоме придется. Работники квалифицированные нужны.

И он разрабатывает широкий план наступления на своем важном фронте.

Галина ШЕРГОВА

Фото А. ГОСТЕВА.

Этих покупателей интересуют кислородный режим, корма...

Суда выходят на промысел сельди.

На Сахалине

И. ОСИПОВ

Фото Г. Соколова.

У островных земледельцев

Мы выехали из Александровска с восходом солнца. Машина с трудом взобралась на Камышевый перевал.

Несмотря на ранний час, к перевалу поднимались одна за другой десятки грузовых машин. В долину реки Тымь везли горючее для тракторов, строительный лес, семена, удобрения.

Вот наконец горы немного расступились, открывая взору широкую, протянувшуюся с севера на юг плодородную долину, житницу Сахалина.

По обе стороны извилистого русла реки, которая несет свои воды в Охотское море, простирались возделанные поля. Черные прямоугольники пахоты появлялись все чаще среди кустарников и на склонах сопок.

Еще в середине прошлого века русские поселенцы занялись в этой долине земледелием. Они привезли сюда семена, взращенные на черноземе Тамбовщины, полях Украины и Сибири. По берегам таежной реки, среди жестких кустов багульника и огромных, в рост человека, лопухов заколосился ячмень, зацвели картофельные поля.

Природные богатства Сахалина поразили русских мореплавателей, открывателей новых земель: горы каменного угля, нефтяные источники, неисчислимые запасы рыбы и леса! Но климат острова казался им слишком суровым, неблагоприятным для земледелия.

Сахалинский земледелец действительно не избалован дружной весной и ранним летом. Когда в южных районах страны уже готовятся к уборке, здесь еще не прошел лед у охотского побережья, и ветер с востока холодом обдает долину реки Тымь. Но давно прошли те времена, когда земледелие на Сахалине казалось каким-то недоступным или, попросту говоря, невыгодным занятием. Колхозы и совхозы острова успешно решают задачу обеспечения сахалинцев своими овощами — картофелем, капустой, огурцами и даже помидорами. А кое-где в первые теплые дни можно увидеть, как садовники обрезают ветви яблонь, взрыхляют почву между кустами смородины и грядками хорошо перезимовавшей клубники.

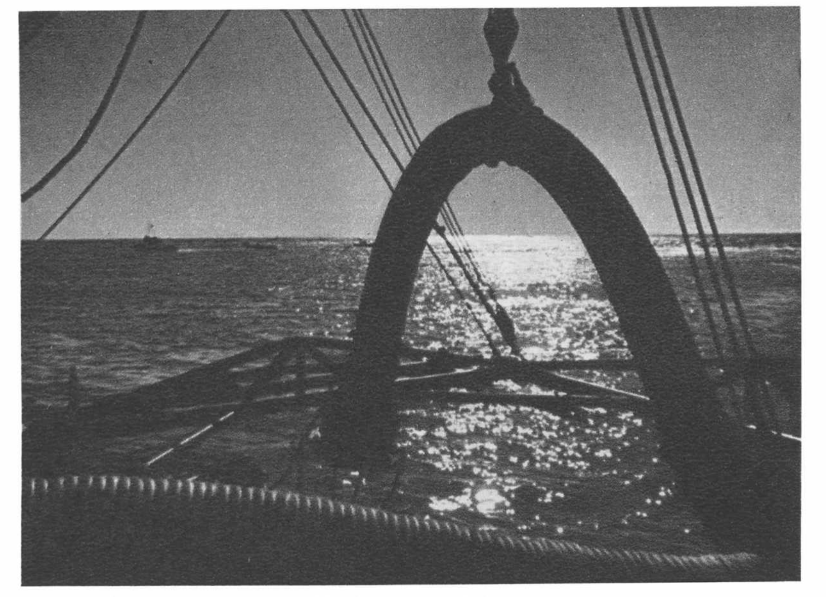
Самым убедительным свидетельством успехов сахалинского земледелия является награждение орденами и медалями передовых колхозников и колхозниц за высокие урожаи. Аксинья Лукьяновна Гранкина из колхоза имени 1 Мая награждена орденом Трудового Красного Знамени. На трех гектарах она вырастила по 303,1 центнера картофеля. За высокие урожаи картофеля и капусты награждены орденами и медалями более тридцати колхозников и колхозниц. Переселившись на Сахалин из центральных областей страны, они вывели здесь скороспелые морозоустойчивые сорта овощей. И теперь нет такого района на острове, где бы не было огородов. Даже на восточном побережье, куда весна приходит чуть ли не на месяц позже, чем в долину Тыми, выращивают многие овощные культуры.

А здесь, на берегах Тыми, уже не хватает пахотных участков, засеваются все мало-мальски доступные для земледелия площади. И ежегодно колхозы ведут наступление на тайгу, вырывая у нее новые поля для посевов.

Вот один из участков такого наступления. Колхоз «Советский Сахалин» осваивает новые земли. Мощный трактор «С-80» двинулся напролом, словно танк, в густую заросль курильского бамбука и ольховника, подминая под себя гибкие, очень крепкие ветви кустарников. А с противоположной стороны уже врезался в кустарник бульдозер. Толкая впереди себя широкое стальное лезвие, он очищает землю от густых зарослей. Завтра этот участок будет распахан.

— Пятьдесят гектаров целины,— говорит председатель колхоза, коренной сахалинец Анатолий Осипович Кубыра.— Поднимем этот участок, а потом возьмемся и за тот вон...

Он указал на густой хвойный лес, подступивший вплотную к свежей пахоте. В будущем году двинутся и туда тракторы, бульдозеры.

В Охотском море.

Сто миллионов мальков

На берегу ручья, в поселке Сокол, стоит небольшое деревянное здание — не то водяная мельница, не то просто сарай с потемневшими от времени дощатыми стенами. Мы входим, и в косых лучах солнца, пробивающихся через маленькие оконца, перед нами возникает необычайное зрелище.

В длинных деревянных лотках, наполненных проточной водой, мечутся, словно бесчисленные капельки пролитой ртути, крохотные рыбешки. Живое серебро переливается через края и скатывается в ручей.

Рыборазводный завод готовится к «путине». У берегов Сахалина рыбаки вылавливают сотни тысяч центнеров рыбы, а здесь выращивают из икринок кеты и горбуши — ценных лососевых пород — миллионы мальков. Отсюда они «скатываются» в реки Сахалина, а потом уходят в море. Так из года в год пополняются запасы рыбы в водах, омывающих Сахалин.

Летом и в начале осени на Сахалине можно наблюдать рунный (косяком) ход кеты и горбуши. Неисчислимые стаи крупных серебристых рыбин устремляются к устьям сахалинских рек. Рыба идет метать икру. Повинуясь законам природы, вся рыба, родившаяся в верховьях рек, неизменно возвращается сюда же, когда приходит срок метать икру.

Ничто не в состоянии задержать рунный ход кеты и горбуши. Пробираясь между корягами и камнями, рыба проникает в верховья рек. Она идет так густо, что можно вычерпывать ее из воды корзинами. Но лов рыбы в реках строго запрещен в такие дни. Рыбаки ставят неводы только в море, вдалеке от устья. А здесь, на реках, кету и горбушу оберегают от истребления.

Но вот стаи рыбы добрались наконец до того места, где они вылупились три — четыре года тому назад. Выметав икру, рыба уже не возвращается в море. Она почти поголовно гибнет. Изнуренные долгим странствием, голодом (рыба ничего не ест с той минуты, когда попадает в реку), лососи уже не в состоянии вернуться в море.

Всю зиму икринки лежат между камнями в верховьях рек. Тысячи опасностей подстерегают их. Лакомятся икрой раки, хищные рыбы — щука, форель, красноперка. А когда вылупятся мальки, за ними охотится чуть ли не все «взрослое» население рек... Но все же с наступлением лета стаи мальков добираются до моря.

Изучив биологию лососевых пород, сахалинские рыбоводы стали «засевать» морские глубины. Взамен выловленной рыбы человек отправляет в море стаи мальков, выращенных в лотках рыборазводных заводов.

Во время рунного хода работники заводов вылавливают некоторое количество наиболее крупных рыб, освобождают их от икры, поливают эту икру молоками и укладывают в лотки с проточной водой. Всю зиму лежат миллионы икринок на сетках, омываемых пресной водой. Люди зорко следят за температурой воды. Здесь, под сводами завода, в точности воспроизводятся все условия, при которых обычно происходит возникновение малька из икринки.

Наступает весна. Солнце пригревает все крепче, и в его лучах оживает, быстро набирается сил население лотков. Зародыши постепенно превращаются в маленьких рыбешек с темными спинками и светлосерым брюшком.

Мы попали на рыборазводный завод в поселке Сокол как раз в тот день, когда отсюда выпустили на волю тринадцать миллионов мальков кеты. Научный сотрудник Надежда Павловна Шацкая, восемь лет проработавшая на этом заводе, приступила к заключительной операции, венчающей шестимесячную работу завода. Она подняла проволочную сетку, преграждавшую выход в ручей, и, увлеченные быстрым потоком, мальки выскользнули из лотков.

В одну минуту весь ручей наполнился рыбешками. Оказавшись на свободе, они устремились вниз по течению, и не успели мы оглянуться, как все миллионное население лотков бесследно исчезло, словно растаяло в быстрой воде. Только небольшие стайки некоторое время еще метались вдоль берегов ручья, но потом и они уплыли дальше, обгоняя друг друга.

Пройдет четыре года, и эти мальки, превратившись в крупную серебристую кету, возвратятся в ручей. Они придут сюда, чтобы здесь дать жизнь новому потомству лососевых.

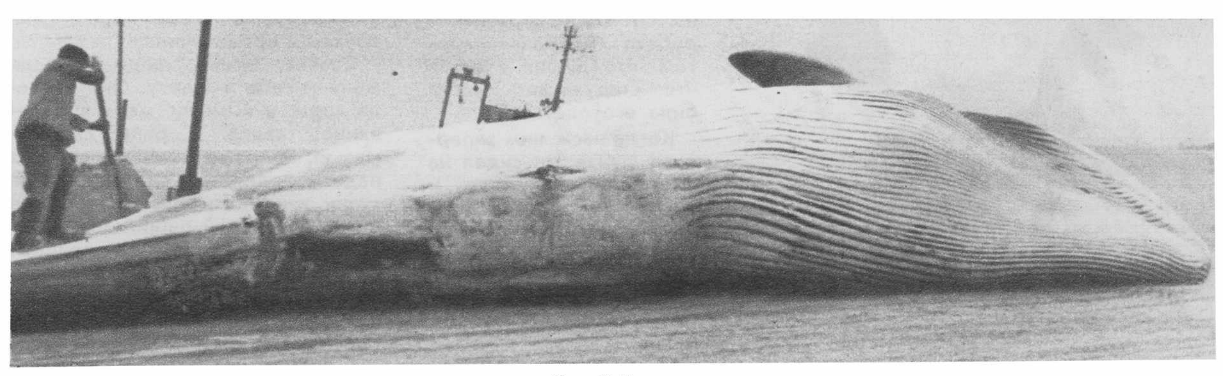
— А много ли вернется из этих миллионов? — спросили мы Надежду Павловну Шацкую.

— Много,— ответила она.— И уж, конечно, во много раз больше, чем выловят в море...

За восемь лет этот завод-инкубатор, «засевающий» море, выпустил почти сто миллионов мальков кеты. Вспомнив, что на Сахалине шестнадцать таких и более крупных заводов, мы не могли не согласиться с Надеждой Павловной, что сахалинцы возвращают в море гораздо больше рыбы, чем вылавливают ее в самые горячие дни путины...

На лесоразработках. Знатный лесоруб Поронайского леспромхоза И. И. Кулинич.

Голубой кит.

Уголь

Тонкую, поднятую почти вертикально стрелу шагающего экскаватора мы увидели еще до того, как перед нами открылась угольная шахта № 14.

Дорога обогнула крутую сопку и вырвалась на простор равнины, окаймленной с севера и востока длинной цепью гор. Отсюда хорошо было видно, как работал шагающий экскаватор. Мы начали знакомство с шахтой здесь, у оврага, где возвышалась на сорок метров его заметная издалека стрела.

Залежи угля на Сахалине были открыты еще в середине прошлого столетия Невельским и его отважным, неутомимым спутником — лейтенантом Бошняком. У сахалинских углей есть одна особенность: они почти всюду залегают совсем неглубоко. Кое-где угольные пласты даже выходят на поверхность земли. А здесь стоит лишь снять небольшой слой почвы, и под ним открываются мощные, в пять — семь метров, пласты угля. На таких открытых разработках нет нужды применять механизмы, которыми пользуются в шахте. Здесь главную роль играют экскаваторы.

Неподалеку от шагающего, в таком же глубоком овраге, выбирают уголь два экскаватора-«воронежца». Только что здесь взорвали заряды, заложенные вглубь пятиметрового слоя угля. Разрыхленный взрывом, он устилает все дно оврага.

Самосвалы въезжают в забой, принимают уголь и уходят на станцию. Там уголь попадает в вагоны через бункер. На всем протяжении этого конвейера рука человека почти не прикасается к углю. Все процессы добычи, транспортировки и погрузки механизированы. Не удивительно поэтому, что добыча угля на шахте из года в год растет.

Сорок лет в этих местах хозяйничали японские захватчики. Они безграмотно, хищнически эксплуатировали природные богатства острова. Убогая, примитивная техника поразила наших шахтеров, когда они приехали сюда. Здесь не было ни одной машины, уголь добывали и транспортировали вручную — корзинами и на тележках.

За восемь лет, минувших со дня освобождения Южного Сахалина, угольная промышленность острова получила передовую технику. Заложены новые мощные шахты в тех местах, где залежи угля расположены под сопками, электровозы и подвесные дороги появились там, где недавно вручную откатывали добытый уголь. Врубовые машины, комбайны, углепогрузчики, транспортеры можно увидеть теперь во многих шахтах Сахалина.

И, глядя на эшелоны с «черным золотом», идущие вдоль берега Охотского моря к портам, невольно вспоминаешь слова Чехова, совершившего путешествие по Сахалину в 1890 году: «Богатство воды, разнообразный строевой лес, трава выше человеческого роста, баснословное изобилие рыбы и залежи угля предполагают сытое и довольное существование целого миллиона людей».

Настало время, когда сбываются эти проникнутые светлой верой в творческие силы народа слова великого русского писателя...

Советские люди разумно используют сокровища Сахалина для процветания нашей Родины.

Котики на острове Тюленьем.

ТАКИМИ ГОРДИТСЯ НАРОД

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Ли Фун-лен.

Теплый, тропический ливень звонко пляшет на желтых черепичных крышах.

Из водостоков, сделанных в виде разверстых пастей драконов, хлещут изгибающиеся в дугу потоки и падают в глиняные чаны, покрытые зеленой глазурью.

Гранатовые деревья просвечивают сквозь водяную мглу круглыми пунцовыми фонариками плодов.

...В маленькой комнате студенческого общежития пекинского Народного университета на низкой табуретке спиной к окну сидит Ли Фун-лен. Синяя куртка и такие же брюки свободно сидят на ней, высокой, тонкой, с сильными сухощавыми плечами. На ее взволнованном лице блестят темные глаза. Она говорит медленно, тихо, почти шепотом:

— Когда товарищ Мао Цзэ-дун взял мою руку в свои руки и, словно отец, ласково и озабоченно осведомился, как я живу, я не могла сразу ничего ответить — я расплакалась. Товарищ Мао протянул свой платок и спросил:

— У тебя большое горе, если ты плачешь?

— Нет. У меня большое счастье, а плачу я впервые в жизни.

Товарищ Мао попросил меня сесть рядом с ним и сказал:

— Расскажи мне твою жизнь.

— В моей жизни не было ничего значительного.

— Для нас, коммунистов,—сказал товарищ Мао,— жизнь человека — это жизнь народа. Это самая великая книга познания.— Потом он произнес задумчиво и грустно: — Я знаю, что жизнь у тебя была очень тяжелой. Твой отец был батрак, и ему нечем было кормить своих детей...

Я воскликнула с радостным удивлением:

— Вы знали моего отца?!

— ...Миллионы крестьян влачили тяжелую, беспросветную жизнь, и твой отец не был среди них исключением, — сказал Мао.

— Да, мой отец не был исключением. В неурожайный год, когда мне было восемь лет и два моих младших брата умерли с голоду, отец, чтобы спасти остальных детей, продал меня помещику. Этот помещик родился кретином. В сорок лет он не умел говорить, а только мычал. С его толстых губ всегда свисала слюна. Он ходил в женской рубахе и развлекался тем, что душил кур, за что старуха-мать часто била его плетью.

Когда нас с ним заперли в фанзе, он сидел на корточках на полу и смотрел на меня выпуклыми слезящимися глазами. Потом он вскочил, схватил меня за волосы и высыпал мне за ворот горящий уголь из жаровни. Я стала кричать.

Прибежала старая помещица вместе со слугами. Они избили меня и бросили в овечий загон.

Потом меня отвели в горы. Я стала пасти скот. На мне не было одежды. Я содрала острым камнем шкуру с павшего козла и прикрылась ею. Мне никто не давал еды. Я ела траву и сосала у коз молоко. У меня не было даже глиняного черепка, куда я могла бы надаивать молоко. Я спала в пещере, которую выкопала палкой в стене оврага. Годами я не видела людей и почти разучилась говорить...

Однажды дикие степные собаки набросились на ягнят. Я кидала в них камнями, отбивалась палкой, пока одна собака, вцепившись, не повалила меня. Я выдавила ей пальцами глаза и этим спаслась от смерти. Но я была так сильно искусана, что не могла ходить, а только ползала. Потом раны начали гноиться.

Помещица узнала, что собаки загрызли ягнят. Меня притащили во двор усадьбы. Помещица заткнула себе нос ватой — зловоние исходило от моих ран — и била меня палкой по животу: это было единственное место, не искусанное собакой.

Меня снова отнесли в горы и бросили. От ненависти, не зная, как отомстить за истязание, я столкнула лучшего козла стада в пропасть. Меня снова избили и сломали в нескольких местах руку, которой я старалась защищаться от ударов.

Так прошло четыре года... И вдруг ко мне пришла моя тетка.

Два дня она стояла на коленях перед домом помещицы, умоляя отпустить меня на похороны матери. Я узнала от тетки, что мать приходила в усадьбу просить мешок чумизы в счет долга, который еще не уплатили за меня родителям. Слуги сбросили мою мать в глубокий ров, окружавший усадьбу.

Помещица отпустила меня на похороны. Но у нас не было ни денег, ни земли, чтобы похоронить мать. Ночью мы отнесли ее тело в горы. Возвращаясь обратно, я нарочно отстала от тетки, села на землю, обвязала шею веревкой, которой была подпоясана, и стала душить себя. Но я была слишком слаба, и у меня ничего не получилось.

На рассвете я пришла в деревню, чтобы попрощаться с родными. Крестьяне окружили меня, они спрашивали: что случилось со мной, отчего я такая страшная? Но я не могла говорить. Веревкой я повредила себе шею, она опухла и кровоточила.

Совсем чужие люди привели меня к себе в фанзу. Они нагрели воды и вымыли меня в деревянной кадке, а раны смазали мазью. Впервые в жизни на меня надели одежду, сделанную из ткани, а на ноги обувь. И впервые я поела горячей пищи.

Потом меня вывели на площадь, где собрались все жители деревни. Люди показывали на меня пальцами и кричали, что нельзя больше терпеть, чтобы помещики так мучили людей. Молодой парень с большим серпом за поясом поднял руку и сказал: — Я иду к партизанам. Кто хочет со мной, идемте!

Я сказала ему: — Возьмите меня с собой.

Он посмотрел на меня сверху вниз и покачал головой:

— Ты слабая, а нужно идти далеко и быстро.

Тогда я попросила его:

— Дайте мне, пожалуйста, свой серп на минутку, я зарежусь им, и вы сможете его взять обратно. На моем теле нет больше такого места, по которому можно бить, не попадая на рану. А если я вернусь к помещице, она снова будет бить меня.

Люди стали кричать: — Возьми ее, возьми! Мы ее еще раз хорошо накормим, и, может быть, у нее хватит сил идти с тобой!

Я стала на колени, сняла с головы повязку и показала рану с ладонь величиной. Я сказала:

— Когда помещица таскала меня по двору за волосы, я даже не простонала; она вырывала у меня волосы — я молчала. Я очень ненавижу ее. Почему же ты не веришь в мои силы?

— Сестра,— сказал тогда парень,— прости меня, сестра. Если у тебя не хватит сил идти, у меня хватит сил нести тебя.

Шестьдесят ли я прошла почти без отдыха. И только под конец пути меня несли на скрещенных руках.

Мы пришли к партизанам совсем изнуренные.

Ночью, когда все спали, я не спала и с тоской думала: если на следующий день люди увидят, какая я слабая, они будут ругать крестьян, которые привели меня в отряд!

Чтобы они не думали, что я слабая, я ушла в горы ломать кустарник для топлива. Я наломала его целую кучу, но потом, вконец обессиленная, упала.

Когда я очнулась, на мне лежала баранья шуба командира отряда. У изголовья стоял котелок с бобовой кашей. Но я не могла есть: мне было очень плохо.

Меня отнесли в партизанский госпиталь. Когда снимали присохшие тряпки, которыми были перевязаны мои раны, я чувствовала такую боль, словно с меня сдирали кожу.

Скоро я выздоровела. Я не умела разговаривать с людьми, дичилась их, боялась каждого человека. Меня все время терзала тревога; спокойная жизнь среди партизан, хорошее обращение — все это казалось чем-то ненастоящим, как во сне.

Днем я помогала повару, ночью ходила связной между отрядами.

Когда японцы стреляли в меня, я испытывала гордость, зная, что каждый патрон стоит денег врагу.

Комиссар отряда, студент Фань, часто беседовал со мной.

— Товарищ Ли,— говорил он мне.

А я оглядывалась вокруг, думая, что он к кому-то другому обращается так уважительно.

— Товарищ Ли,— повторил он,— мы боремся за светлую и прекрасную жизнь, за такую, которой живут народы Советского Союза.

— Если вы позволите,— шептала я смущенно,— я хотела бы как можно дольше жить так, как я живу сейчас. Мне кажется, что нет ничего лучше такой жизни.

— Товарищ Ли,— говорил он строго,— вам нужно учиться, вы должны знать перспективы революционной борьбы. Нельзя быть такой ограниченной.

— Хорошо,— соглашалась я,— я больше не буду ограниченной.

С поваром У Бао я часто ходила в деревни за продуктами. У Бао очень любил торговаться. Его упрекали: человек, как тебе не стыдно? Ты же видишь, за мешок чумизы мы просим с тебя только стоимость пустого мешка.

Но У Бао, не смущаясь, говорил:

— Разве вы не замечаете, что я не только торгуюсь, но и просвещаю вас своим красноречием? Когда наши братья тайпины нашли у мандарина несколько ящиков жемчуга, они столкли этот жемчуг в ступках, сварили и съели его. Они презирали богатство и роскошь. Я тоже презираю богатство и роскошь. И если я торгуюсь, так только для того, чтобы побеседовать с вами. А если вы считаете, что я плачу мало, то в придачу могу дать вам бесплатный совет, как стать богатым: для этого берется усадьба помещика и делится поровну между всеми неимущими.

Он был очень хорошим человеком, У Бао. Когда японцы поймали его и палач вынул саблю, чтобы его казнить, У Бао успел крикнуть крестьянам: если бы я вам говорил неправильные вещи, японцы не стали бы рубить мне

голову! Пока она у меня на плечах, я снова говорю вам: идите к Мао! Китай будет свободным!

* * *

Отдел снабжения армии организовал фабрику для шитья обмундирования. Я стала работать в отряде, который доставлял хлопок. С тяжелыми тюками на спине в зимние стужи и бураны мы пробирались горными тропами из тыла врага. Многие из нас погибли: одни падали в пропасти, другие замерзали в пути, третьих сожгли вместе с хлопком враги.

В годовщину Октябрьской революции я была награждена шапкой. На ней было написано: «Отличник труда». Я долго думала, чем мне отблагодарить за эту награду. Я достала светильник и стала по ночам шить ватники. Потом я отнесла их в политотдел.

Как-то ко мне подошел политработник по комсомолу и спросил:

— Ты можешь, если понадобится родине, отдать свою жизнь?

— Могу, — сказала я.

— А ты хотела бы вступить в комсомол?

Я растерялась и сказала:

— У меня много недостатков.

— Да, у тебя есть один странный недостаток. Почему ты всегда молчишь? Ты даже не рассказала никому о том, что, когда связной не доставил тюки хлопка к месту явки, ты две недели по ночам собирала хлопок в тылу врага с поля помещика, и, когда тебя поймали и били, ты не призналась, куда спрятала хлопок. А потом чуть живая принесла хлопок на базу.

Я не знала, что говорить, и промолчала.

Через некоторое время меня приняли в комсомол. Я думала, что мне поручат тяжелое задание, а послали меня на работу в швейную мастерскую. Мне было очень обидно. Но я смолчала.

Во время маршей наша швейная мастерская следовала за партизанским отрядом. Мы несли на плечах тюки с хлопком, тканями, чумизой и вязанки хвороста для костров. Коробку с иголками, как самую большую драгоценность, хранил у себя наш бригадир, старик Хун Чао.

В горах на нас напали вражеские самолеты. Несколько человек было убито, многие ранены. Взрывом бомбы старика Хун Чао сбросило с горной тропы в пропасть, на дне которой текла река. Вместе с Хун Чао погиб весь запас иголок. Потеря иголок означала для нас то же самое, что для солдат — потеря оружия.

Я решила спуститься в ущелье, чтобы разыскать тело Хун Чао. Я нашла его лежащим среди камней. Коробка с иголками была глубоко вдавлена в его сломанные ребра.

Стал падать влажный снег. Я скользила по мокрым камням и не могла подняться по отвесной стене ущелья. Я ранила себе грудь о камни и была вся мокрая от крови.

Без иголок наша швейная мастерская не могла работать. А в наш отряд пришли крестьяне; они были плохо одеты и без теплой одежды могли погибнуть от холода в горах. Я решила сделать то, что сделал бы каждый на моем месте, если бы догадался.

На берегу валялось сломанное дерево. Я стащила его в воду, и, когда течение реки подхватило дерево, я уцепилась за его ветви. Я мчалась по реке с такой скоростью, будто падала с горы. От боли холода я не чувствовала боли ударов о камни.

Сколько длилось это падение в воде, я не помню; что думала тогда, не помню. Там, где горы полого спускались к реке, я выбралась на берег. Одежда стала смерзаться. Я шла, как в каменном чехле, который все сильнее сжимал тело. Я доползла до дороги, двигаясь, как черепаха. Примерзшую к земле, меня нашли наши партизаны...

Ли Фун-лен подняла свои черные лучистые глаза и проговорила с извиняющейся улыбкой:

— Позвольте мне теперь на этом остановиться... Завтра у нас семинарские занятия по химии, а мне очень не хотелось бы оказаться недостаточно подготовленной.

Ливень разбился в водяную пыль, невидимую в темноте. Я шагал к гостинице, прижимая рукой в кармане блокнот с записями. Огромный город сиял огнями, и зарево их освещало сизые низкие тучи, плывущие с океана.

Вождь китайского народа Мао Цзэ-дун говорил, что такими жен-

щинами, как Ли Фун-лен, гордится китайский народ. Ли Фун-лен избрана в национальный комитет Народного политического консультативного совета Китая; она видный деятель Всекитайской федерации профсоюзов, демократической федерации женщин; она Герой Труда и ныне студентка подготовительных курсов руководящих работников при Пекинском университете.

* * *

Прошло много дней, прежде чем мне удалось вновь встретиться с Ли Фун-лен. Это произошло на стройке нового машиностроительного завода на северо-западе страны. Ли Фун-лен проходила там производственную практику.

Трещали пневматические молотки. Голубым пламенем вспыхивали огни электросварки. Краны поднимали пучки арматуры и осторожно опускали их на сводчатые бетонные арки цехов.

Мы сидели на ящике, на котором черной краской было выведено: «Москва, Красный пролетарий». Ли Фун-лен продолжала прерванный рассказ о своей жизни:

— Наша швейная мастерская расположилась в пещере...

Она говорила ровным голосом, стараясь вежливой улыбкой скрыть, что ей сейчас больше всего хотелось бы быть со строителями, а не со мной.

— ...Мы работали днем и ночью при свете факелов,— продолжала она.— Однажды меня вызвали в политотдел. Не меньше тысячи партизан стояли, выстроившись на площади деревни, недавно освобожденной от врагов.

Начальник политотдела подвел меня к партизанам и сказал им:

— Вы спрашивали вчера товарища Мао Цзэ-дуна, кому вы обязаны своим теплым обмундированием. Его сшили женщины-бойцы.

Я обошла строй, и каждый партизан с благодарностью пожимал мне руку. Вернувшись в мастерскую, я впервые в жизни произнесла речь. Я рассказала нашим женщинам о тех почестях, которые воздали нам партизаны, и о том, что это посоветовал им товарищ Мао.

Стояли жестокие морозы. Мы сильно мерзли, но ни у кого не было даже в помыслах истратить хотя бы немного хлопка, чтобы сшить себе зимнюю одежду. От плохой еды и постоянной темноты в пещере многие женщины стали слепнуть. Мне приказано было таких женщин отправлять в госпиталь. Но они не бросали работы, они шили на ощупь. В походе эти женщины шли, навьюченные поклажей, держась друг за друга, нащупывая дорогу палками.

Комиссаром нашей мастерской была товарищ Лю, уже пожилая женщина. Она рассказывала нам историю освободительной борьбы китайского народа, начиная с восстания «Медных коней», «Железных мышц» и «Больших пик». Сама она участвовала в баррикадных боях в Шанхае, и там погибли ее муж и два сына. В Великом северо-западном походе она прошла 25 тысяч ли. Она же рассказала нам о том, как товарищ Мао Цзэ-дун проделал весь этот путь пешком вместе с бойцами, как он голодал вместе со всеми, как во время похода был вынужден оставить своего ребенка у крестьян.

И когда мы изнемогали от трудностей переходов в горах, Лю пела нам стихи товарища Мао Цзэдуна о Великом северо-западном походе:

Облака пролетают, как снег,
холодны,
Гуси к югу летят — в милый,
отческий край.
Если мы не дойдем до Великой
Стены —
Значит мы недостаточно любим
Китай.

Однажды у нас кончились все нитки. Мы отправились во вражеский тыл, чтобы добыть их там. Японцы поймали нашего комиссара. Стали пытать. Они обматывали ей руки и ноги хлопком, обливали бензином и зажигали. Они втыкали ей в лицо иголки, которые она несла. Но Лю молчала. Живую, ее стали закапывать в землю. Офицер спросил: может, теперь ты скажешь, где находится Мао Цзэ-дун?

Она ответила:

— Скажу! Там, где вас бьют,— там находится всегда товарищ Мао!

Ей отрезали язык и закопали в землю.

Меня направили в Яньань работать в центральной типографии,— продолжала Ли Фун-лен.— Нужно было срочно выпустить много брошюр для освобожденных районов. Кроме того в Яньани существовали академии: Военно-политическая, Антияпонская, Партизанская, академия искусств имени Лу Синя, много других. Для учащихся нужно было выпускать книги.

Каждый из нас должен был проработать не меньше двух часов в поле. Японцы и гоминдановцы блокировали освобожденные районы, и партия поставила задачу — не только обеспечить армию и население продовольствием, но и создать резервы. Вместе со всеми на поле работали Мао Цзэдун, Чжу Дэ. Я видела, как самоотверженно эти два великих человека выполняли свой долг.

В поле я познакомилась с молодым рабочим Чжоу Юн-танем. Мне все время хотелось смотреть на него, быть ближе к нему.

Я была в смятении. Я видела здесь только суровую сдержанность между мужчинами и женщинами. А меня тянуло к нему. Я проклинала себя за то, что смею искать личное счастье. Я ушла на другой участок и там работала до изнеможения, чтобы не думать о Чжоу. Меня наградили за хороший труд званием «Образцовая работница». Я пошла к секретарю партийной организации Ли Пину. Я рассказала ему обо всем и попросила снять с меня высокое звание, которого недостойна. Ли Пин сказал:

— Чистая и большая любовь возвышает человека. Низкая же, только для наслаждения, покрывает его грязью.

Я ушла с твердым решением никогда больше не встречаться с Чжоу. Но он ждал меня на улице, и я пошла с ним, потому что он держал мою руку в своих руках и говорил о том, что любит меня самой возвышенной любовью.

На следующий день мы пришли к Ли Пину и поклялись на красном знамени быть образцовыми мужем и женой.

Я была переполнена счастьем. Я стеснялась этого огромного счастья. Я старалась трудом отплатить за него. И никогда даже самый тяжелый труд не казался мне таким легким.

У одного рабочего типографии,

Чжан Чуна, было много детей, а жена его погибла во время похода. Он приходил на работу усталый и не всегда выполнял норму. Я стала ходить ночью в цех и работала за его станком. Однажды он застал меня. Чжан Чун сказал мне сурово:

— Теперь я знаю, кто выдает свою работу за мою. Если бы ты была коммунисткой, ты так не поступила бы. Нельзя обманывать коллектив.

Тогда я перешла на ночную работу, а днем стала ухаживать за детьми Чжан Чуна. Но он отверг мои заботы. Он сказал: — Если бы ты была коммунисткой, ты подумала бы обо всех детях рабочих, которые остаются без надзора. Я пошла к Ли Пину и рассказала о своих неудачных попытках помочь Чжан Чуну. Ли Пин посоветовал мне организовать детские ясли.

Очень трудно было найти помещение. Большинство людей в Яньани жили в пещерах. Политотдел отдал мне фанзу. Я вымыла и побелила ее, рабочие типографии смастерили детские кроватки. Командир партизанской дивизии, бывший гончар, сделал посуду детям. Белье подарил армейский госпиталь. И я, еще не будучи матерью собственного ребенка, стала сразу матерью ста пятидесяти детей.

2 декабря 1938 года меня приняли в партию. Я так волновалась, что до сих пор не могу вспомнить, что я говорила и что говорили мне. Помню только: я вышла на улицу, увидела небо, огромное, чистое, сияющее, все в звездах, и я протянула к нему руки.

* * *

— В пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся открыли швейную фабрику — это был уже 1940 год. Меня направили туда. На фабрике было много машин, а до этого я работала только вручную.

Пришлось учиться на курсах. Во дворе я нашла плоский камень, обмазала его глиной и по ночам писала на нем иероглифы. Мне удалось окончить курсы досрочно. Я восхищалась своей машиной. Не у всех наших воинов было хорошее оружие. Какую же заботу проявила народная власть, снабдив рабочих такими дорогими машинами! Я стала думать о том, как можно окупить эти большие расходы.

За месяц я сэкономила 45 дин ниток. Потом я предложила шить обувь из лоскутков, остающихся от закроя; мы сшили из них 3 тысячи пар. Так я стала инициатором движения за экономию, охватившего все освобожденные районы. Мне присвоили звание отличника труда 1-й степени, а в 1943 году избрали отличницей труда высшей степени.

Нашей фабрике с каждым месяцем приходилось увеличивать план пошивки обмундирования. Рабочие трудились день и ночь, у них почти не оставалось времени позаботиться о себе.

Мы решили организовать потребительский кооператив. Мы собрали у рабочих немного денег, заняли еще у профсоюза, и я поехала в деревню. Оттуда я привезла мяса, чумизы, соли. Через неделю почти все рабочие вступили в члены кооператива.

Из цыновок, обмазанных глиной, построили во дворе фабрики магазин, купили мула с тележкой для поездок за продуктами. Цены у нас были на 40 процентов ниже, чем на рынке, и все-таки мы имели доход. Вскоре кооператив начал отпускать бесплатно продукты многосемейным, больным, вдовам погибших на войне. Мы организовали на фабрике столовую, построили баню, прачечную, даже родильный дом...

Старый рабочий Лу Ян однажды встретился с товарищем Мао Цзэдуном, когда тот осматривал наши жилища. Товарищ Мао спросил его, в чем нуждаются сейчас рабочие. Лу Ян ответил:

— Я уже начинаю забывать, что значит слово «нужда». У меня впервые над головой крыша, я ем три раза в день, а слово «рабочий» здесь произносят с большим почтением.

Товарищ Мао сказал ему:

— Мы находимся сейчас только в самом начале великого пути. Не нужно бояться больших трудностей, но и не следует упиваться маленькими успехами. Впереди у нас еще много лет тяжелой борьбы, а затем — большого труда.

В 1944 году враг бросил на нас все свои силы.

Мы погрузили на мулов оборудование фабрики, а тюки с хлопком, тканями и мешки с едой взвалили себе на плечи. Снова начались походы в горах.

Вражеские самолеты бомбили нас непрестанно. У меня был последний месяц беременности и уже начались схватки, когда на горном перевале появились вражеские войска. Я поручила командовать фабричной колонной своему заместителю, а сама забралась в пещеру, чтобы родить там. Через три дня я несла завернутого в куртку своего первенца. Вьюга мела океаны снега; я шла одна по горной дороге, низко согнувшись, держась одной рукой за каменный откос: я боялась, чтобы ветер не сбросил меня с ребенком в пропасть.

Об этом пути трудно рассказывать. Через два дня ребенок замерз у меня на руках. А еще через восемь дней я доплелась до нашего отряда. Черная, обмороженная, я пришла в наш отряд как раз в те минуты, когда начальник политотдела, собрав людей на митинг, говорил:

— Нужно за три месяца сшить тридцать тысяч пар теплого обмундирования для новых бойцов, которые пришли к нам, чтобы начать наступление на врага и разгромить его. Если вы не хотите, чтобы эти люди погибли от холода, помогите армии.

Я подошла к начальнику политотдела и сказала ему:

— Я очень хотела умереть, когда мой ребенок замерз у меня на руках. Но я буду жить, чтобы бороться...

26 декабря — 60 лет вождю китайского народа, председателю Центрального народного правительства КНР товарищу Мао Цзэ-дуну

Председатель Центрального народного правительства Китайской Народной Республики товарищ Мао Цзэ-дун голосует на всеобщих выборах народных представителей в Пекине.

Передано по фототелеграфу.

Мы сделали шалаши из цыновок и соломы и в них поставили машины. И мы работали, работали так, словно сражались с врагами. Через полтора месяца заказ был выполнен. Наша армия перешла в наступление. С тех пор она ни разу не останавливалась, пока не освободила всю страну.

Я была назначена директором швейной фабрики в Харбине, потом в Пекине. Меня избрали делегатом Первой сессии политического консультативного совета. Здесь я и встретилась с товарищем Мао Цзэ-дуном.

Я была в составе первой делегации трудящихся Китая, поехавших в СССР.

* * *

...Ли Фун-лен указала рукой на огромную стройку.

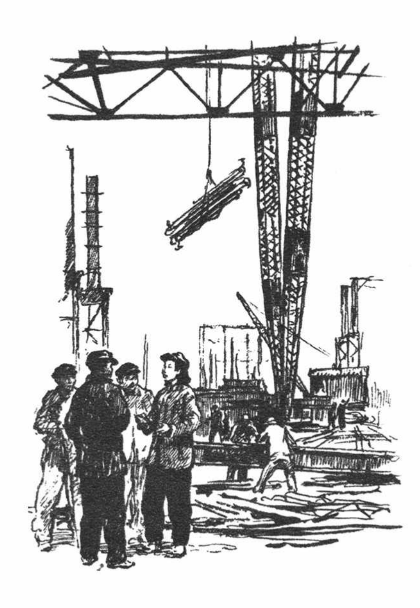
— Вот теперь так же строится новая жизнь и моего народа. В этом теперь вся моя жизнь. Хотите посмотреть?

Я ходил по лесам стройки вместе с Ли Фун-лен, осматривал фундаменты, на которые ставились машины, изготовленные в Советском Союзе. Я смотрел на Ли Фун-лен, когда она беседовала с рабочими, смотрел на ее лицо, озаренное улыбкой, и радовался той уверенности, с какой она высказывала свои познания в строительном деле.

Бронзовый, осенний лес окружал стройку. Бетонные корпуса освещались голубыми зарницами электросварки, на каменных постаментах монтировались гигантские машины.

Багровое солнце скатывалось за горы. Гигантские зазубренные их вершины обрели цвет раскаленного металла, а откуда-то, с вершины стройки, раздавался голос невидимого певца. И вот о чем он пел, этот рабочий человек:

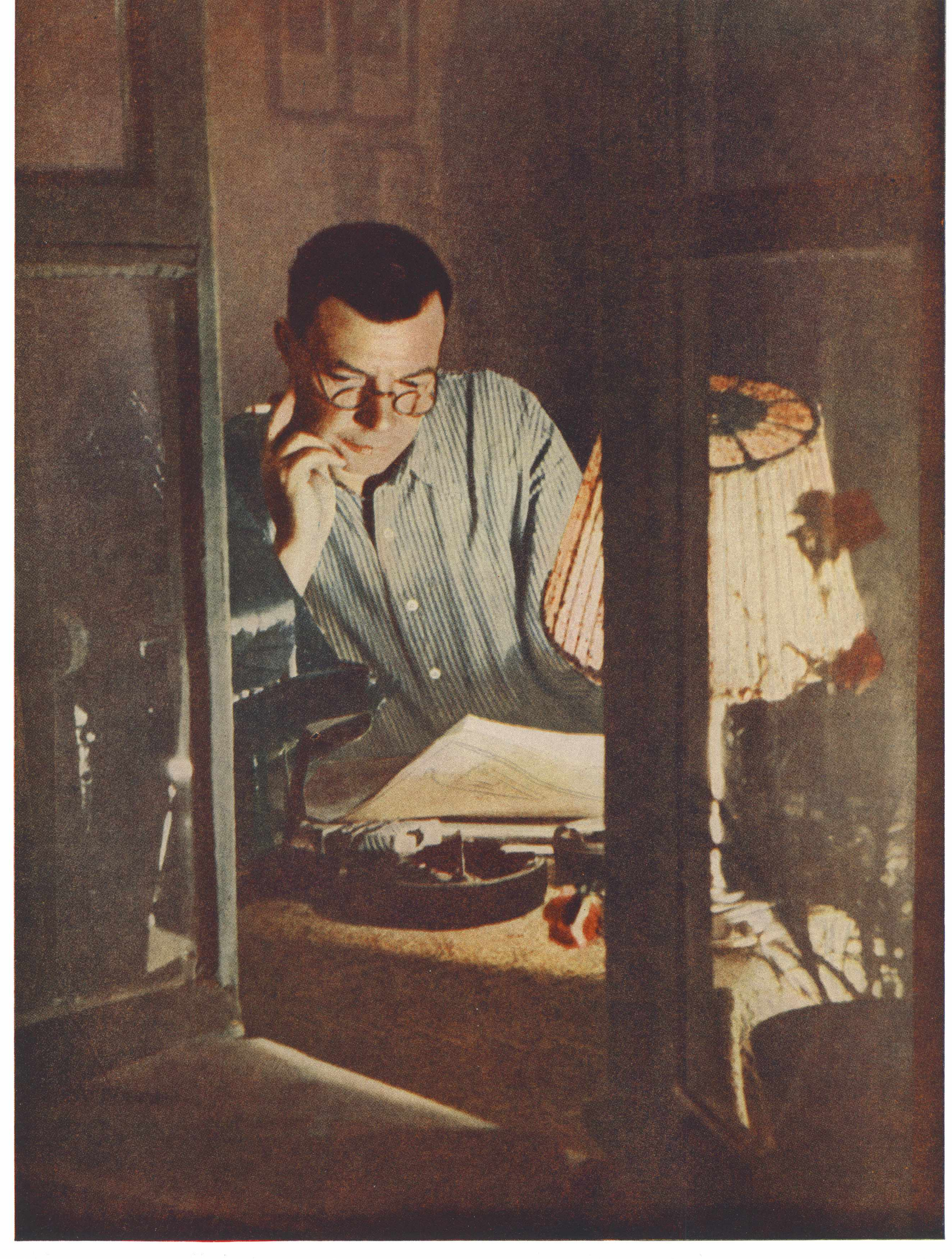
Горят повсюду фонари,
И флаг в сверкающем венке.
Бьют барабаны. И греми,
Орудий радостный салют!
Победа наша велика,
Мы строим счастья новый дом.
Уже фундамент прочно лег,
Забито много прочных свай...
Поля бескрайные свои
Таким засеем мы зерном,
Что позабудет дни нужды
Познавший счастье наш Китай.

Д. А. Налбандян. МАО ЦЗЭ-ДУН.

«Огонек» 1953.

Яков Федорович Борщов, комбайнер Бакурской МТС Саратовской области. Он сконструировал веялку-зернопульт и теперь работает над ее усовершенствованием.

Фото И. Тункеля.

Славные борцы за мир

Новой плеяде выдающихся борцов за мир присуждена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами». Этой высокой чести удостоились славные сыны и дочери десяти стран мира: депутат Национального собрания Франции **Пьер Кот**, член Совета штатов парламента Индии **Сахиб Синг Сокхей**, итальянский священник **Андреа Гаджеро**, депутат бельгийского парламента **Изабелла Блюм**, американский писатель **Говард Фаст**, английский ученый **Джон Бернал**, польский писатель **Леон Кручковский**, чилийский поэт **Пабло Неруда**, шведский врач **Андреа Андреен**, советская общественная деятельница **Нина Попова**.

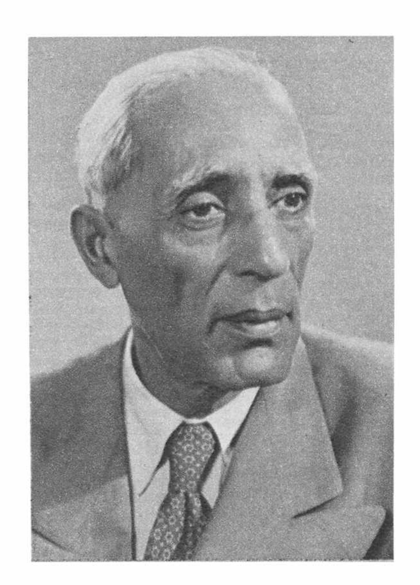
Люди эти говорят на разных языках, они придерживаются различных политических и религиозных убеждений, принадлежат к различным общественным слоям. Но все они получили признание мировой демократической общественности за то главное, что их объединяет,— ненависть к войне, самоотверженная борьба за священное право человека на мир, жизнь, творчество.

Присуждение премий новому отряду выдающихся борцов за мир — свидетельство того, что все лучшее, передовое, что есть в человечестве, отдает свои силы служению народу, борьбе за сохранение и упрочение всеобщего мира.

Никаким силам не удастся остановить величайшее в истории народов движение миллионов людей, все решительнее берущих дело сохранения и укрепления мира в собственные руки.

Пьер КОТ — депутат Национального собрания (Франция).

Сахиб Синг СОКХЕЙ — член Совета штатов парламента Индии.

Андреа ГАДЖЕРО — священник (Италия).

Изабелла БЛЮМ — депутат парламента (Бельгия).

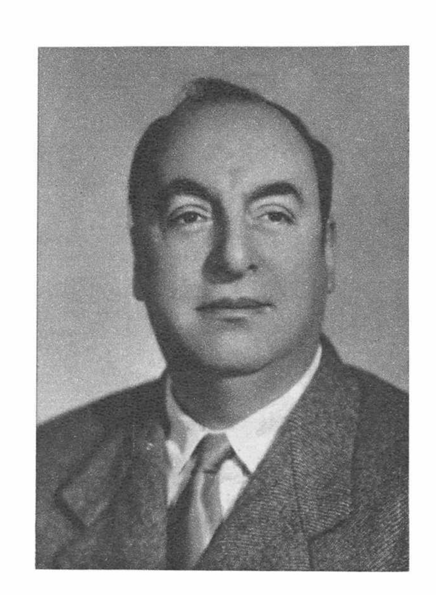
Говард ФАСТ — писатель (США).

Джон БЕРНАЛ — профессор Лондонского университета (Англия).

Леон КРУЧКОВСКИЙ — писатель (Польша).

Пабло НЕРУДА — писатель (Чили).

Андреа АНДРЕЕН — доктор медицины (Швеция).

ПОПОВА Н. В. — секретарь Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов (СССР).

В ПРЕДДВЕРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДАТЫ

Интервью «Огонька»

Всенародный праздник

Г. САВИН,
вице-президент Академии наук Украинской ССР

Академия наук УССР, созданная в 1919 году по инициативе Владимира Ильича Ленина, при активной помощи многих выдающихся русских ученых, в настоящее время представляет собой крупнейшую научную ассоциацию, объединяющую до 50 институтов и самостоятельных лабораторий. В состав пяти отделений нашей академии входят 97 действительных членов и 104 члена-корреспондента. Две цифры с достаточной убедительностью характеризуют академию: в академических учреждениях работает около 500 докторов и свыше 1 500 кандидатов наук.

Как же мы, деятели украинской советской науки, крепкими узами связанной с русской наукой и совместно с ней решающей основные научные проблемы, готовимся ознаменовать историческую дату — трехсотлетие воссоединения Украины с Россией?

К празднику выйдет из печати ряд крупных трудов, монографий. Многие из них выполнены совместно с родственными институтами Академии наук СССР.

В январе появится на полках магазинов первый том двухтомного «Курса истории Украинской ССР», доведенный до периода Великой Октябрьской социалистической революции. Объем его — 50 печатных листов. «Курс истории Украинской ССР» издается на украинском и русском языках общим тиражом в 100 тысяч экземпляров.

Таким же тиражом выйдет в марте — апреле первый том труда «Курс истории украинской литературы».

К трехсотлетию приурочен выпуск очередных сборников научных трудов институтов нашей академии. Содержание этих сборников отражает совместную деятельность русских и украинских ученых в разрешении многих научных проблем.

Институты истории Академий наук СССР и УССР выпускают сборник документов, относящихся к периоду освободительной борьбы украинского народа против польской шляхты, за воссоединение с Россией. В трехтомном сборнике — свыше 70 писем Богдана Хмельницкого. Часть публикуемых документов получена в качестве дара из архивов Польской Народной Республики.

В юбилейные дни будут выпущены очередные томы собраний сочинений классиков украинской литературы — Шевченко, Франко, Коцюбинского, Панаса Мирного.

В первые месяцы 1954 года состоятся научные сессии отделений академии и расширенные заседания ученых советов наших институтов при участии русских ученых. Сессия отделения общественных наук будет проходить в Переяслав-Хмельницком и во Львове, а наш Львовский филиал намерен устроить выездное заседание ученого совета в местах, где войска Богдана Хмельницкого отважно сражались со шляхтой.

В апреле — мае последуют две заключительные сессии. Первая из них — юбилейная сессия Академии наук СССР — соберется в Москве. На нее приглашены все действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук УССР. Особо хочется отметить, что несколько основных докладов на сессии в Москве сделают украинские ученые.

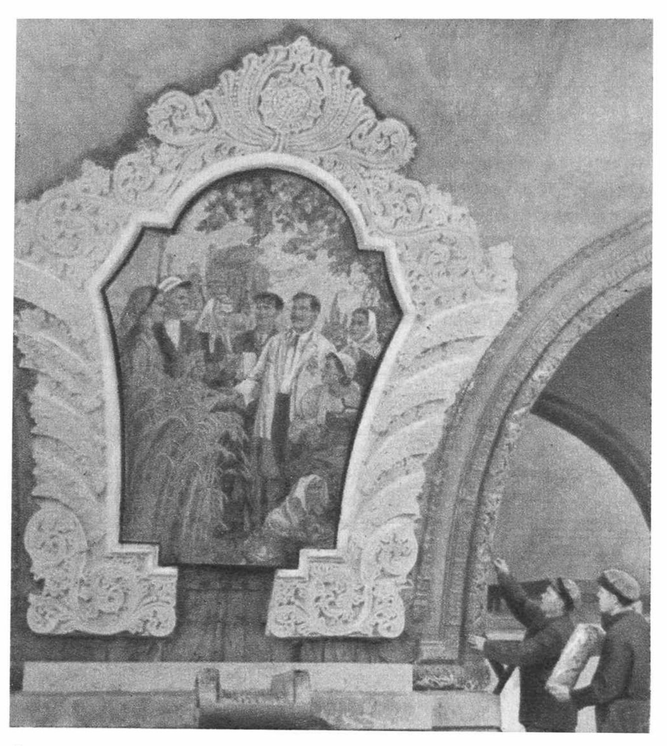
Вторая сессия — Академии наук УССР — созывается в Киеве. С любовью и признательностью встретим мы в столице Украины московских гостей, а также представителей науки Белоруссии и других союзных республик. Вместе с нами они примут участие в обсуждении важных научных проблем, выступят с докладами.

Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией становится праздником всех народов СССР. На специальных юбилейных сессиях Академий наук союзных республик выступят видные украинские ученые.

Коллектив нашей академии стремится достойно встретить большой всенародный праздник.

Академия наук Украинской ССР

Станция «Киевская-кольцевая». Мозаичное панно «Обмен опытом украинских и русских колхозников».

Фото А. Столяренко.

ПАННО СТАНЦИИ «КИЕВСКАЯ-КОЛЬЦЕВАЯ»

А. МИЗИН,
член-корреспондент Академии архитектуры УССР

Вскоре по замкнувшемуся Большому кольцу московского метрополитена начнется сквозное движение: вступят в строй две последние станции — «Краснопресненская» и «Киевская-кольцевая».

Напомню читателям «Огонька» историю строительства этого подземного дворца. Более двухсот зодчих Москвы и Киева прислали на специальный конкурс семьдесят два проекта станции. В результате нескольких просмотров и обсуждений был принят проект, выполненный действительным членом Академии архитектуры УССР Е. Катониным, архитекторами В. Скугаревым и Г. Голубевым и художником А. Мизиным.

Сейчас, когда в залах станции устанавливаются последние плиты мрамора и гранита, снимаются леса и завершают свое дело штукатуры и лепщики, отчетливо представляю станцию такой, какой она будет выглядеть в завершенном виде.

...Центральный зал, залитый светом хрустальных люстр. На стенах, в обрамлении украинского орнамента, восемнадцать мозаичных панно — своеобразная картинная галерея, которую смогут осматривать десятки тысяч людей.

На первой картине изображена Переяславская Рада. Далее следуют картины, рассказывающие о Полтавской битве, пребывании Пушкина на Украине, петербургской встрече Тараса Шевченко с Чернышевским и Добролюбовым, о революционном движении на Украине в 1905 году, о Великой Октябрьской социалистической революции.

Послеоктябрьский период. Несколько картин посвящено вдохновенному труду металлургов, борьбе русских и украинских колхозников за высокие урожаи, освобождению Киева от фашистских захватчиков, бурному послевоенному расцвету всех отраслей народного хозяйства Украины.

Первый оперный спектакль

Открывается занавес, и начинается первый акт музыкальной комедии С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», поставленной самодеятельным коллективом Дома культуры имени М. Горького (Москва) в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Поет Оксана (К. Медведева), тоскуя о своей далекой Украине и о возлюбленном Андрее. Голос певицы звучит чисто, свободно льется мелодичная украинская песня. У артистки небольшой голос, но сколько у нее искренности и непосредственности!

На сцене появляется Одарка (А. Якимова), жена казака Карася (Б. Ламинский), в доме которого живет сирота Оксана. Одарка поджидает своего загулявшего муженька.

Сцены Одарки и Карася едва ли не лучшие в спектакле. Ярко, темпераментно проводит свою роль Якимова. У нее хороший голос и несомненное актерское дарование. Резкие переходы от гнева к грусти у Якимовой органичны; она тонко раскрывает характер Одарки — своенравный, вспыльчивый, но в то же время по-женски мягкий и лиричный. С чувством юмора играет свою роль Ламинский.

Постановщик спектакля Иван Иванович Тулин тщательно работал над основными и эпизодическими ролями и над массовыми сценами. Спектакль получился праздничный, веселый, передающий национальный характер музыки и образов оперы.

В репертуаре самодеятельного коллектива эта опера была первой, поэтому работать над ней пришлось долго — почти год.

После большого трудового дня собирались участники самодеятельности — инженеры, бухгалтеры, рабочие, медицинские работники, студенты и школьники — на репетиции. Изучали материалы, относящиеся к созданию оперы, слушали на эту тему лекции, посещали театральные музеи.

Постановка оперы стала делом всего коллектива Дома культуры, в ней приняли участие все его кружки. Даже симфонический оркестр (дирижер Б. Н. Томашев) был свой, самодеятельный, состоящий из школьников. Декорации, театральный реквизит, костюмы — все делалось по эскизам изостудии Дома культуры, а часто самими кружковцами.

Т. КОНЮШКОВА

Сцена из музыкальной комедии С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». В центре — А. Якимова, исполняющая роль Одарки.

Фото Е. Тиханова.

ДВА СОГЛАШЕНИЯ

НАВТЕДЖ,
индийский писатель

Я сидел за обеденным столом с крестьянами в одном из колхозов Грузии. Председатель колхоза встал и обратился ко мне:

— Вы разделили с нами хлеб. По грузинским обычаям вы наш брат.

И он обнял меня. Девушка затянула песню; это была мягкая, мелодичная песня дружбы, она разливалась по комнате, как свет.

Это происходило за тысячу миль от моей родины, но мне казалось, что я сижу в своей привычной комнате, у своего очага. На моем родном языке — пенджаби — есть выражение, которым мы пользуемся, когда хотим описать глубокую дружбу: «Они вкусили от одного куска хлеба».

Еще утром я узнал о советско-индийском торговом соглашении. То, что в изобилии растет на полях советских колхозов, согреваемое солнцем счастья и довольства, будет направляться в мою страну, Индию. И мне подумалось, что не только я один разделил хлеб с советскими колхозниками,— теперь весь мой народ будет иметь «общий кусок хлеба» с советским народом. Я чувствовал себя представителем миллионов индийцев...

Скоро на столе у советского человека появятся перец и пряности, выросшие в моей стране. Советские люди будут пить наш чай, наш кофе. Крестьяне СССР будут ссыпать свое зерно в мешки, сделанные из индийского джута.

И вместе с тем книги индийских писателей будут печататься на советской бумаге советскими типографскими машинами. Лекарствами из Советского Союза наши врачи будут лечить больных. Мы будем строить дороги, добывать ценные минералы, делать обувь с помощью советских механизмов и станков. То там, то здесь в Индии советские тракторы будут вспахивать нашу землю, прокладывая путь для усовершенствования и машинизации старинного индийского земледелия. Торговые суда под советским и индийским флагами станут обычными и желанными гостями в портах наших стран. Не только машины, изготовленные умелыми руками советских тружеников, прибудут к нам, но и люди советской техники, готовые от всего сердца поделиться с нами своими знаниями.

Индия будет посылать в Советский Союз товары, которые по традиции являются предметом нашего экспорта. Но торговать мы будем не на тех условиях, которые некоторые «джентльмены» устанавливали по своему произволу, диктуя цены, то соглашаясь покупать у нас, то отказываясь и тем самым играя в плохую, опустошительную игру с нашим народом. Эти «джентльмены» давали нам то, что было выгодно им,— объедки со своего стола — и совсем не то, чего хотели мы. Они вели себя согласно английской пословице: «Мы выигрываем головы, а вы теряете хвосты».

Индия всегда испытывала крайнюю нужду в промышленном оборудовании для индустриализации страны. Но по каким-то «высшим» соображениям, во славу «свободы и демократии» все это считалось «вредным» для нас.

Индийский народ получил возможность крепко пожать руку советскому народу, мужественную и благородную руку, которая всегда была протянута с дружеской готовностью. Это — славное событие в жизни нашего народа. Это означает, что мы уже стали достаточно сильны, чтобы отстранить от себя нажим и запугивания вышеупомянутых «джентльменов». Это путь процветания для народа Индии. Советско-индийское торговое соглашение поможет развитию нашего земледелия, нашей торговли, промышленности. Оно откроет двери и окна моей страны правде о Советском Союзе, более широкому обмену культурными ценностями.

Народ Индии долго, очень долго грабили под видом торговли. Это началось давно, в те времена, когда на нашей земле обосновалась британская Ост-Индская компания. Теперь индийский народ впервые в своей истории испытает нечто иное: он увидит, что значат торговые отношения со страной социализма. Он убедится на собственном опыте, что советские люди желают только одного: мира, счастья, процветания всех соседних народов, всех народов земли...

* * *

...Но вот я слышу: говорят о подготовке соглашения совершенно иного характера, соглашения между Соединенными Штатами и Пакистаном.

Пакистан и Индия, как известно, были искусственно отрезаны друг от друга империалистами. Оба эти народа связаны тысячами неразрывных уз.

Я, например, родился в городе, который ныне относится к Пакистану. Все воспоминания моих юношеских лет связаны с прекрасным городом Лахором, который теперь в Пакистане. Язык, на котором я говорю, пишу,— это язык, более распространенный в Пакистане, чем в Индии. И когда я слышу о соглашении между американским и пакистанским правительствами, я остро чувствую в своем сердце боль и горе моих пакистанских братьев. То же самое, я уверен, испытывают и все люди Индии.

Между правительствами Пакистана и Соединенных Штатов, как сообщает печать, заключается пакт, по которому США получат в Пакистане военные базы в обмен на оружие и военное снаряжение, которое будет поставляться Пакистану. Этот пакт — заговор против пакистанского народа. Это заговор и против индийского, китайского и других народов. Этот пакт может принести моим пакистанским братьям лишь новые несчастья, нужду и нищету.

В советско-индийском торговом соглашении каждый честный человек увидит прекрасное лицо мира и дружбы. В пакистано-американском пакте — жестокий лик войны и разрушения.

Трудно сегодня народу Пакистана, но он борется.

И настанет день, когда он одержит победу в борьбе против поджигателей войны. И, быть может, реальные плоды советско-индийского торгового соглашения, столь благоприятные для Индии, помогут и народу Пакистана в этой его борьбе.

Мы, народ Индии, окажем братскую поддержку пакистанским братьям. Мы дождемся, я надеюсь, того дня, когда пакистанский народ сумеет отвергнуть навязываемое ему кабальное соглашение и будет ставить свою подпись под равноправными актами, подобными соглашению о торговле между Индией и Советским Союзом. Мы дождемся дня, когда не будет больше иноземных военных баз на нашем священном полуострове.

30 декабря — шестая годовщина провозглашения народной республики в Румынии.

Ион Бэрбэцяну рассказывает...

Сын Николае прислал письмо из Саратова. Ион Бэрбэцяну читает его своим детям Михаю и Виорике.

Фото А. Ловинеску.

Как только вы попадаете на территорию этого большого старого завода, занимающего несколько городских кварталов Бухареста, вы невольно проникаетесь уважением к его пропахшим дымом каменным стенам и трубам, к политым рабочим потом и кровью мостовым — ко всему, что дало старой, седой «Гривице» славу «Красной»— «Гривица Рошие».

Теперь вы увидите не только задымленные десятилетиями корпуса, но и новые здания — такие, как ночной санаторий для гривицких рабочих; увидите и пышные ковры цветочных газонов и обрамленные нежной зеленью деревьев асфальтовые дороги от цеха к цеху.

...Иона Бэрбэцяну мы встретили на заводе в обеденный перерыв. Невысокого роста, коренастый, с лицом, словно вылитым из бронзы, он казался моложе своих лет. Мы знали, почему встречные рабочие с таким почтением снимают шляпы, приветствуя Иона. Двадцать семь лет назад он впервые пришел на этот завод, и с тех пор судьба Иона неотделима от судьбы «Красной Гривицы».

— О чем я думал в тот день, когда Румыния стала республикой? Вспомнил, сколько дней и ночей провел у железных решеток заводских ворот в ожидании работы. Теперь я знал, что эти ворота уже никто и никогда не закроет передо мной. Сколько раз получал я у окошка заводской конторы тощий, почти пустой конверт с так называемой заработной платой и узнавал, что из четырехсот заработанных лей триста восемьдесят удержаны на налоги и разные мошеннические вычеты! Теперь я знал, что завод не обворует меня, не обманет. Мы, рабочие, сами стали его хозяевами.

Ион помолчал с минуту, потом улыбнулся и сказал:

— Какая была у меня тогда самая сильная мечта? Работать и жить по-новому, в труде, в семейном благополучии, чтобы дети наши были счастливы. Все это стало возможным с установлением народной власти.

Мы не ждали, пока истощенная наша страна сможет помочь нам: мы вернули завод к жизни собственными силами и средствами. А когда Советский Союз протянул нам братскую руку помощи и мы получили первые советские машины, завод начал быстро расти...

Да, моя мечта осуществилась.

Я свободный рабочий, права на работу у меня не отнимет теперь никто. Мой заработок в месяц — девятьсот лей. Каждый год езжу в дом отдыха, вместе со мной отдыхает семья. А в каких прекрасных местах! Разве мог я мечтать о том, что буду каждое лето проводить на лучших наших курортах: Борсек, Совата, Говора, Предял? В этом году я побывал на курорте в Бэйле-Тушнаде.

Ион протянул руку и указал на здание заводского ночного санатория:

— Да вот вам наглядная иллюстрация, как изменилась наша жизнь. Недалеко от этого места 16 февраля 1933 года были расстреляны жандармами мои товарищи по забастовке... Они погибли за наше рабочее счастье...

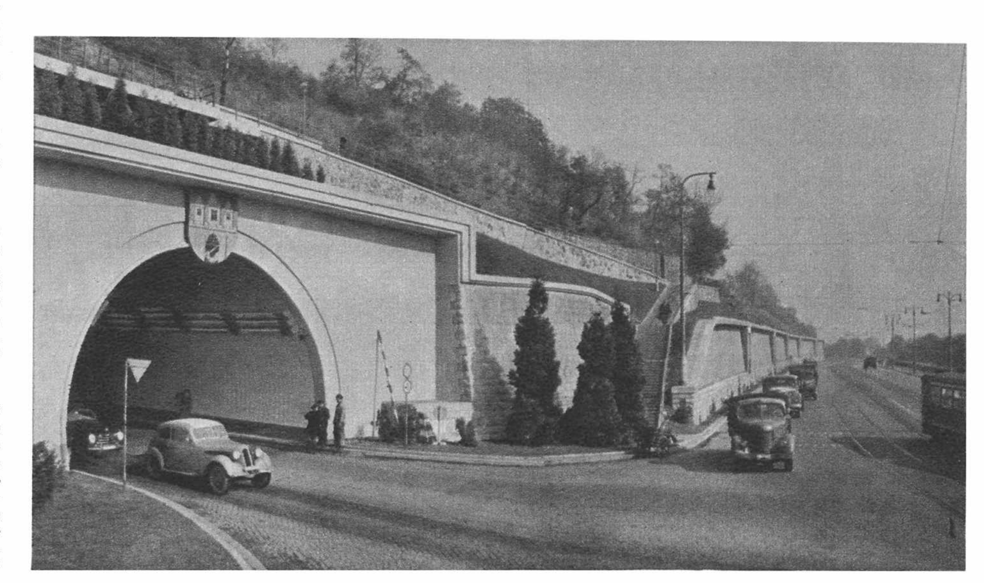
Наш собеседник стал рассказывать о своих детях. Старший сын уже окончил Московский государственный университет и теперь работает в Клуже. Второй сын тоже учится в Советском Союзе — в Саратовском государственном университете на механико-математическом факультете. Третий сын и дочь— школьники, и им все дороги будут открыты в жизни.

О своих планах на будущее Ион Бэрбэцяну говорит со спокойной уверенностью. За последние годы он обучил на заводе передовым методам труда четырнадцать молодых рабочих. Теперь он поставил своей целью: все его ученики должны стать лучшими из лучших на заводе.

— Да, есть у меня еще одна мечта!— воскликнул Ион Бэрбэцяну, когда мы уже прощались.— Жду, когда сын вернется из Советского Союза. Он у нас на заводе инженером-механиком работать будет. Так вот хочется показать, на что способны вместе отец и сын Бэрбэцяну, его знания и мой опыт, понимаете?

С. ПЕТУХОВ

Бухарест.

Недавно в Праге сдан в эксплуатацию туннель, соединяющий два района столицы Чехословакии. Длина туннеля — 426 метров. Он значительно облегчает сообщение между районами города.

На снимке: въезд в туннель со стороны моста имени Швермы.

Советский народ клеймит изменников

Весь советский народ гневно клеймит тягчайшие преступления, совершенные предателем Родины Берия и его сообщниками. Маска с заговорщиков сорвана! Выражая свое возмущение чудовищными злодеяниями этой шайки, советские люди с глубочайшим удовлетворением говорят о том, что группа презренных наймитов международного империализма разоблачена и обезврежена.

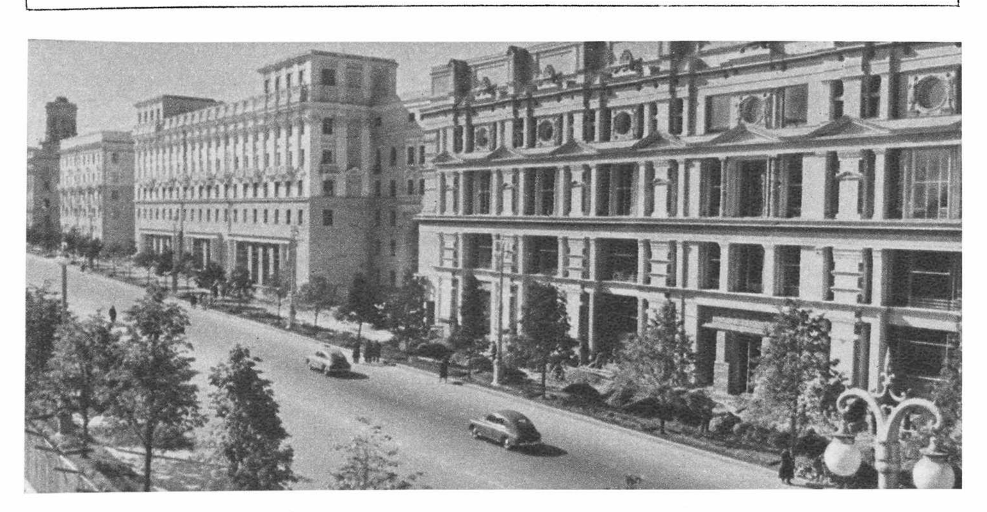
— Пусть они узнают теперь всю силу гнева народного! — так сказал сталевар «Серпа и молота» Т. Гребешков.

Трудящиеся заявляют на своих собраниях, что они еще выше поднимут революционную бдительность — испытанное оружие против всех и всяческих врагов Родины, умножат свои усилия в борьбе за укрепление могущества Советского государства.

— Еще теснее сплотим свои ряды вокруг Центрального Комитета КПСС и Советского правительства,— говорится в резолюциях, принятых на заводах, фабриках и в учреждениях.

На снимке: собрание коллектива рабочих и служащих Московского завода имени Владимира Ильича.

Фото А. Невежина и А. Стужина (ТАСС).

Минск. Проспект имени Сталина. Фото В. Лупейко.

1 января 1954 года исполнится 35 лет со дня образования Белорусской ССР. Неузнаваемо расцвела в братской семье советских народов белорусская земля. Из отсталой окраины царской России она превратилась в передовую республику с мощной промышленностью и сельским хозяйством.

Растет и хорошеет белорусская столица. Сейчас в Минске строится много крупных промышленных предприятий: камвольный комбинат, хлебозавод, мясокомбинат, кондитерская фабрика, полиграфический комбинат. Разворачивается также большое жилищное и культурно-бытовое строительство.

Все красивее становится главная магистраль города — проспект имени Сталина. Здесь выстроены новые жилые дома, открыты десятки магазинов, разбиты скверы и парки.

Товары доставлены на дом

Во двор въезжает обыкновенный по виду «Москвич». Из машины выходит девушка в белом халате с корзиной, полной разных продовольственных товаров. Здесь и мука, и сахар, и табачные изделия, и масло. Машина принадлежит симферопольскому магазину № 22, организовавшему развозную торговлю и прием заказов с доставкой на дом.

Первые же выезды увеличили товарооборот магазина на несколько тысяч рублей. Особенно довольны этой системой торговли жители далеких окраин города.

Подъехала машина с продовольственными товарами. Фото К. Матвеенко.

Теплоход «Ленинградец»

«Ленинградец» спущен на воду. Фото Г. Дембовицкого.

По широким просторам Невы плывут белоснежные льды, образуя у берега кружевную кромку. Скоро река покроется ледяным покровом. А в цехах Невского судоремонтного и судостроительного завода уже готовят флот к навигации 1954 года.

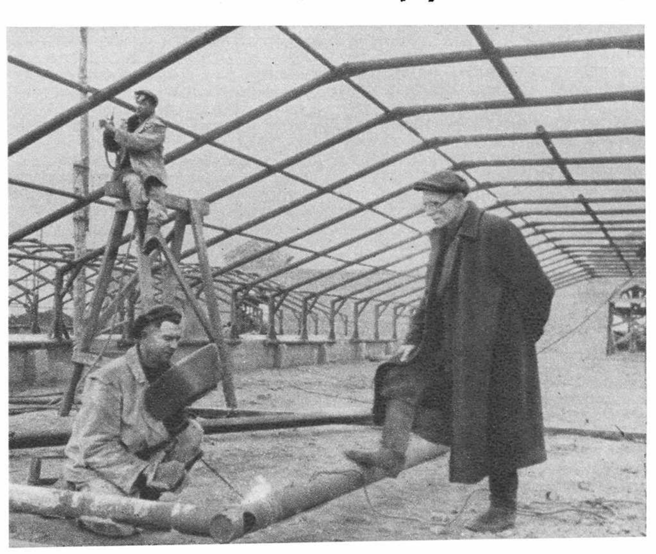
На Неве стоит новое судно изящной обтекаемой формы. Это первый речной пассажирский теплоход «Ленинградец», спущенный со стапелей на прошлой неделе. Начальник проектно-конструкторского бюро Северо-Западного речного пароходства В. А. Липинский рассказывает:

— Новые речные теплоходы будут курсировать на линиях, связывающих городские пристани с Кировскими островами и стадионом имени С. М. Кирова. «Ленинградец» рассчитан на сто десять пассажиров. Особое внимание обращено на внутреннее устройство, комфортабельность судна: стены салонов отделаны под орех, обставлены мягкой мебелью, полы устланы дорожками, цветным линолеумом. Теплоход радиофицирован и электрифицирован.

Сооружение теплоходов типа «Ленинградец» организовано на поточных линиях. Весной речники получат целую серию подобных теплоходов.

К. ЧЕРЕВКОВ

Свежие овощи—круглый год

На строительстве теплично-парникового комбината. Фото В. Лещинского.

В Новосибирске, на левом берегу Оби, возводится теплично-парниковый комбинат — один из крупнейших в стране. Более семнадцати миллионов рублей отпустило государство на его строительство.

В ближайшее время здесь правильными рядами станут двадцать шесть теплиц. Площадь их составит пятнадцать тысяч шестьсот квадратных метров. Комбинат рассчитан на производство трех тысяч тонн овощей в год.

Строятся также два жилых двадцатичетырехквартирных дома для работников комбината, гараж на десять автомашин, склад для парниковых рам.

Опыление растений в теплицах будет производиться с помощью пчел. За теплицами на полгектара раскинутся теплофицированные парники, а за ними — широкие поля. Немного дальше, в пойме Оби, начато строительство летних рамных теплиц. По плану они займут шестьдесят гектаров.

Сейчас в Новосибирске стоят сильные морозы, но строители не прекращают работу. Для шести теплиц уже возведены каркасы, смонтированные из труб, по которым пойдет горячая вода. Обогревающие трубы прокладываются и под землей. Высокая температура в теплицах будет поддерживаться отходящим теплом от городской ТЭЦ. Заканчивается прокладка теплотрассы длиной почти в километр. В январе в теплицы поступит горячая вода.

К. ЛЕОНИДОВ

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

Заметки французского журналиста

Клод МОРГАН

Новый год... Триста шестьдесят пять дней...

На заре первого из этих дней бесчисленные газеты на всех языках мира выйдут из типографий, и каждая будет говорить о новостях. Одни расскажут правду, другие раскинут сети лжи, как охотник расставляет капканы. Одни с наслаждением будут смаковать на своих страницах преступление и жестокость, другие прославят человечность и творческий труд.

В метро Лондона, Москвы, Парижа, в нью-йоркском собвее, в берлинском унтергрунде, в автобусах, троллейбусах, трамваях всех городов земли развернут газетные листы рабочие, клерки, врачи, мужчины и женщины, юноши и старики. И первым встанет в сознании каждого вопрос: суждено ли нам жить в мире?

Сможем ли мы, спросит себя каждый, спокойно трудиться, заводить семью, воспитывать детей? Вправе ли мы мечтать о будущем? Можем ли надеяться на спокойную старость? Освободимся ли от черной тучи, возвещающей горе, кровь, разрушения?

Будут ли дни человечества ясными и безмятежными или окутанными кровавым туманом,— это зависит от нас, от нас самих. Мы несем на себе груз наших прежних действий. Но в наших силах сделать так, чтобы все изменилось.

Человечество слишком часто содрогалось от грохота орудий — вспомните картины Брейгеля, они есть в Брюсселе, Амстердаме, Вене. Крестьяне, которых изобразил Питер Брейгель в «Избиении младенцев», не в силах были отвести руку убийц, упившихся кровью. Но страшная действительность мировых войн, особенно последней, намного превзошла ужасы полотен Брейгеля. Целые народы не смогли предотвратить две мировые военные катастрофы, порожденные соперничеством допотопных чудовищ, одетых во фраки современных капиталистов.

Сейчас человечество уже обладает достаточной силой для того, чтобы остановить войну. Эта сила — лагерь сторонников мира. Ленин и Сталин учат нас, что войны исчезнут навсегда только с победой социализма во всем мире. Но впервые в истории человечества у мирных поселян, таких же, каких мы видим на картинах Брейгеля, уже родилась надежда помешать пожарам и избиениям.

Будущее зависит от нас. Мы можем сохранить жизнь или отдать ее на уничтожение. Мы можем все стать творцами и не быть более разрушителями.

* * *

Приближается 1954 год. С каким наследием вступаем мы в него?

Движение сторонников мира поднялось на новую ступень — об этом говорит мощный отклик, который получил Конгресс народов в защиту мира, заседавший в конце 1952 года. Воля народов к миру оказалась способной принудить сторонников войны заключить перемирие в Корее. Мы обязаны этим также той настойчивости и последовательности, с которой правительства Советского Союза и Китайской Народной Республики добивались и продолжают добиваться смягчения напряженности в международных отношениях.

Призывы Всемирного Совета Мира к переговорам между великими державами вначале, казалось, звучали в пустоте. Сейчас они вызывают могучее эхо во всех уголках земного шара. Не только миллионы простых людей подают свой голос за переговоры, но к этому склоняются на Западе политические деятели с большим именем. Все глубже проникает в сознание мысль, что политика силы должна уступить политике соглашения.

Было бы глупо думать, что эти первые успехи идеи мирного урегулирования оставили безучастными претендентов на мировое господство, мастеров холодной войны. Они пускаются в «контрнаступление» в Западной Европе, на Дальнем Востоке. Упрямство, с которым американцы мешают Индии занять принадлежащее ей по праву место на политической конференции по Корее, вызывающее смех высокомерие, с которым Соединенные Штаты отказывают полумиллиарду китайцев в законном праве быть представленными в ООН своим народным правительством,— все это свидетельствует о стремлении продолжать политику силы.

Год 1954 должен стать началом победы творчества над разрушением. Разумеется, надо трезво видеть те трудности, которые встают перед нами, но было бы грубой ошибкой считать их непреодолимыми. Ибо если оказалось возможным достигнуть в Корее перемирия на основе переговоров, почему же невозможно добиться в Корее прочного мира на такой же основе?

Корейский народ показывает человечеству великолепный пример веры в мирное будущее. Едва только смолкли пушки, он начал восстанавливать свои города и села. Эта вера в силу справедливости глубоко волнует всех людей доброй воли и указывает им их долг. Надо помешать новой вспышке войны в Корее в новом году. Тем, кто заинтересован в новой войне, нужно противопоставить твердую волю народов добиться заключения мира в Корее, приемлемого для всех.

* * *

«Европейское оборонительное сообщество» должно, по мысли американцев, быть логическим продолжением «плана Маршалла» и Атлантического пакта. Пропагандисты старались убедить народы Западной Европы согласиться на вступление перевооруженной Западной Германии в эту коалицию. Но слишком свежо еще воспоминание о зверствах и кровавых расправах, которые чинили гитлеровские орды в Европе. И вот шулеры, жонглеры и фокусники, специализировавшиеся на бесчестной игре в «европейскую политику», стали искать удобную вывеску для перевооружения Германии. Они нашли эту вывеску: «Европейская армия». Под их ловкими перьями эсэсовские генералы перевоплощались в благовоспитанных джентльменов, чуть ли не в «товарищей по оружию».

Франция не согласилась с этой предательской игрой. Вначале французы просто скептически усмехались: для них «европейская армия» еще была смутной абстракцией. Но мало-помалу они стали понимать, что это и есть действительная угроза с Востока во плоти и крови.

Большое впечатление произвели на французов угрожающие декларации боннского канцлера, последовавшие сейчас же за выборами, на которых Аденауэр получил большинство с помощью американцев. Угрозы из-за Рейна прозвучали, как набатный колокол, во всех рабочих кварталах Парижа.

Многим французам открыла глаза мудрая политика Советского правительства. Своими повторными предложениями о созыве совещания великих держав Советский Союз ясно показал, что он бесконечно далек от какой бы то ни было политики силы, что цель его прямо противоположна и хочет он лишь одного — достигнуть мирного разрешения всех спорных вопросов путем переговоров.

Все это породило во Франции мощное движение против «европейского сообщества» и «европейской армии». Теперь уже нет француза, который не понимал бы, что ратификация боннского и парижского соглашений приведет к гегемонии вооруженной до зубов Западной Германии над Западной Европой, а следовательно, к гибели Франции.

Международное движение сторонников мира уже однажды оказалось в нужный момент на посту. Ему удалось поднять народы всего земного шара против применения атомной бомбы. Это была большая победа Стокгольмского воззвания. Если Франция отвергнет «европейское оборонительное сообщество» — а она может это сделать в начале 1954 года,— движение сторонников мира одержит еще одну большую победу.

«Европейское сообщество», перевооружение Германии — все это не может быть осуществлено без Франции. Французы отдают себе отчет в этом и знают меру своей ответственности.

* * *

Враги мира не хотят отказаться от своего намерения господствовать с помощью силы. Но мы можем заставить трубадуров холодной войны отступить, снизить тон.

Мы можем и должны сделать так, чтобы народы мира, от Аляски до Огненной Земли, от японских островов до «мыса бурь», каким является сейчас Западная Европа,— на всех этих необъятных пространствах освободились от той пассивной покорности судьбе, которую с такой глубиной когда-то изобразил на лицах крестьян Брейгель.

Рабочие завода «Рено» подписываются под петицией, требующей отказа Франции от ратификации боннского и парижского договоров. Плакат предостерегает французов: «Если эти договоры будут подписаны, над Францией, лишенной собственной армии, вновь нависнет угроза возрожденного рейхсвера во главе с гитлеровскими генералами».

ВОДА — ДРУГ И ВРАГ ПУСТЫНИ

Б. ФЕДОРОВИЧ

Фото автора.

Чуть светало, когда мы сели в «Победу». Машина мягко зашуршала по асфальтовой глади. Утопающие в зелени улицы Ашхабада были погружены еще в предутренний сон. Воздух был влажен, чуть прохладен и напоен тонким ароматом цветов.

И вдруг за окраиной города, на повороте дороги к аэродрому, сквозь аллею деревьев взору открылась пустыня. Плоская, серая в предрассветном полумраке, она казалась холстом будущей картины, лишь загрунтованным двумя тонами — темным для земли и светлым для неба.

Даже не верилось, что все только что виденное: дома, зелень, прохлада и влага — искусственно создано трудом человека на самом краю этой опаляемой зноем пустыни. Сколько же умения и упорного труда надо было затратить на то, чтобы так преобразить ее!

Семьдесят лет назад здесь создали город. Сначала к нему подвели все окрестные горные ручьи. Их воды тихо журчали по арычкам. Но город рос, и воды стало не хватать. Тогда начали строить подземные водосборные галереи — кяризы. Их закладывали в горных долинах, и из толщи подрусловых галечников выводили струи воды. Но и этой воды стало не хватать, когда Ашхабад превратился в столицу молодой Туркменской Советской Социалистической Республики.

И вновь вода была найдена, на этот раз в еще более глубоких слоях. Оттуда ее вывели артезианскими скважинами. И теперь водопровод доставляет воду к каждому дому, к каждому дереву и кусту, требующим постоянного полива.

Журчат прохладой фонтаны. Манит ашхабадцев просторный бассейн для плавания. Вода дала городу красоту и уют. Так разрешалась проблема снабжения города водой, так знание и упорный труд побеждают природу пустыни.

Следы на песке

Вскоре после приезда в аэропорт мы поднялись в воздух. Большой пассажирский самолет взял курс на север, к низовьям Аму-Дарьи. Мелькнули последние участки орошаемых полей и садов, и сразу же началась пустыня. Впереди открывалось желтое море песков.

Кто впервые летит над песками, не сразу освоится с внезапно открывшимся внизу зрелищем. Что это? Крупная рябь на желтом песке? Но не крупнее ли она обычной ряби? А что за темная цепочка мельчайших бусинок тянется по какой-то узкой черте?

Да ведь эти бусинки — караван верблюдов! Значит, черточка, по которой они идут,— тропа. А вот рядом тончайший двойной штрих, очевидно, автомобильная дорога? Так и есть. Вот малюсенькая точка оставляет после себя дымящийся след — это едет автомобиль. И от этих обычных предметов становится реальным представление и об окружающем ландшафте. Значит, это не рябь, а сплошные оголенные барханы, потому они так ярко желты, что вечно перевеваются их пески и нет на них растительности.

Но только успели вы приобрести ощущение масштаба, как окаймляющая оазис полоса оголенных барханов кончилась. Внизу — Кара-Кумы. С высоты самолета пустыня кажется лепной моделью необычного, словно неземного, ландшафта. Нет, это не серповидные голые барханы, а полузаросшие узкие и длинные песчаные гряды, похожие на застывшие волны моря.

Внизу среди песка показалось красноватое пятно, окаймленное высокими желтыми барханами. На нем видны маленькие четырехугольнички плосковерхих домов. А рядом с ними какие-то коричневые горошины, очевидно, кибитки. Вот и отара овец. Не у водопоя ли она? Ну, конечно. Эти радиально сходящиеся черточки — водосборные канавки — чили. По ним собираются талые и дождевые воды с водонепроницаемой поверхности такыров. Вот и «ой» — пониженное место, к которому по чилям подводится вода. А вокруг «оя» видны колодцы: туркмены, чтобы улучшить соленые грунтовые воды, спускают сюда собранные с такыров пресные воды.

Пролетая над пустынями Средней Азии, во многих районах можно видеть колодцы, оборудованные ветряными двигателями и бетонными резервуарами. Казалось бы, не такая уж важная это механизация. А на самом деле значение ее очень велико: она обогатила пустыню водой, так как позволяет постепенно накапливать воду и значительно продуктивнее использовать колодцы.

Трудно было освоить эти пески. Но теперь они приносят далеко не малую пользу. Ведь пески — это круглогодовые пастбища для овец, дающих ценнейший каракуль.

Но дело не только в водопое: овцы могут пить и соленую воду. Требуются хорошие корма на зиму, а для растений нужна совершенно пресная вода. Исследования показали, что такая вода местами в пустыне есть.

Подземные клады барханов

Что может быть более ярким олицетворением пустыни, чем массивы голых барханов? Громоздясь один на другой, они создают целые сыпучие горы. Казалось, что здесь не может быть никакой жизни. Между тем именно в таких барханных массивах и заключено самое важное для жизни пустыни — обильные «залежи» пресных вод.

Дело в том, что, чем лучше отвеяны ветром пески, чем меньше в них пылеватых частиц, тем более жадно пески поглощают влагу. Копните бархан, и вы убедитесь в том, что весной на глубине 5—10, а летом на глубине 30—40 сантиметров песок окажется влажным. Он, как губка, впитывает воду талых снегов и дождей, бережно хранит и накопляет ее.

Однако дождей в пустыне выпадает немного. И, тем не менее, как показали наблюдения, запасы воды в оголенных песках создаются весьма большие. Каким же путем?

Раскаленный воздух пустыни, казалось бы, может служить синонимом сухости. В нем подчас содержится всего лишь 5—6 процентов того количества влаги, которое необходимо для его насыщения при данной высокой температуре. Однако это количество мало лишь сравнительно. Ночью песок быстро остывает. Резко охладившийся воздух уже не может сохранить то количество влаги, которое он содержит в дневные часы. И вот она оседает на песке, происходит своеобразная ее конденсация в сыпучих барханах. Подчас пески накопляют влаги больше, чем поглощают ее во время дождей и снега. Явление это было известно давно, но никто не проверял, какое же количество пресных вод может образоваться и накопиться таким путем.

Только в прошлом году был разведан один из барханных массивов Кара-Кумов. Когда подсчитали, какие громадные запасы пресной воды заключены в нем, то сразу стало ясно: районы, окружающие барханные массивы, можно превратить в орошаемые кормовые базы животноводческих хозяйств. От барханного подземного клада протянутся нити водопроводов к промышленным поселкам.

Мороз добывает пресную воду

Борьба за воду в пустыне ведется и будет вестись также и другими способами. Как, например, получить воду там, где нет барханов, где пески поросли травами и кустарниками, жадно высасывающими запасы влаги? Лишать пески растительности? Нет, в этом случае приходится изыскивать иные пути.

Один из них — вымораживание соленых грунтовых вод в зимние студеные ночи. Научный сотрудник Института географии Академии наук СССР доктор географических наук С. Ю. Геллер разработал метод, позволяющий при таянии льда дешево и эффективно получать из замораживаемых соленых вод большие количества совершенно пресной воды.

Способ Геллера, проверенный в низовьях Аму-Дарьи и у Кара-Богаз-Гола, прост и потому широко применим. Зимой насосы ветродвигателей откачивают соленую воду из колодцев на специальные бетонированные площадки. Морозной ночью вода замерзает. При этом кристаллизуются прежде всего капельки пресной воды. Соленая вода не успевает превратиться в лед и сохраняется в виде капель рассола. После восхода солнца этот соленый рас-

соль сразу же отделяется от льда. Первые порции растаявшей воды сливают из бассейна. С ней уходит вся соль. Остальную талую воду собирают в специальные хранилища.

Другой способ разработан сотрудниками Энергетического института Академии наук СССР. Созданная ими аппаратура по улавливанию солнечного тепла позволяет дистиллировать воду в таких количествах, что теперь эта аппаратура становится экономически и практически выгодной для любого хозяйства в пустыне.

Так две крайности — мороз и жара — позволяют по-новому разрешать вопросы водоснабжения тех районов пустыни, где имеются лишь соленые грунтовые воды.

Мертвые пятна среди полей

Но вот впереди, на севере, открывается другая картина. Земля словно расчерчена какими-то многочисленными линиями на квадраты и прямоугольники. Видна яркая зелень необозримых просторов орошаемых полей. Это оазис низовьев Аму-Дарьи.

Сколько каналов рассекает здесь равнину, насыщая землю водой и порождая обильные урожаи! Давно и упорно трудится в этих краях человек.

Кажется, что летишь над каким-то гигантским муравейником, заново перестраиваемым. Здесь нет ни одного клочка земли, не возделанного или не использованного, не перекроенного заново: тут сотни новых прямолинейных каналов, заменивших собой прежние извилистые русла-каналы, от которых остались следы в виде заросших валов; геометрически точно расчерчены различными машинами просторы новых полей, натянутые струны линий новых автомобильных дорог. Поблескивает нить железной дороги Чарджоу — Кунград. Вдоль полотна тянутся красивые, хорошо распланированные поселки.

Но с самолета бросается в глаза и другая, оборотная сторона медали. Ее не замечаешь, когда ездишь по этим землям, когда новое затмевает собой все остальное. Недаром наблюдения с самолета для географов, геологов и других ученых являются теперь незаменимым методом исследования.

Среди прекрасно возделанных полей слишком велики еще площади неиспользуемых земель и всяких «неудобей». Это или древние, заброшенные поля, превратившиеся в перелоги и пустыри, или озера с пресной прозрачной водой, или желтые мутные озера, в которые только что сброшены излишки оросительных вод. А что за странные пятна фиолетово-розового цвета с белой каймой? Это соленые озера. Мелькают то серовато-коричневатые пятна влажных, то белые «снежные» лысины злостных пухлых солончаков.

Когда вода становится врагом

Самолет делает крутой вираж и идет на посадку. В открытую дверь врывается горячее дыхание пустыни.

Под ногами хрустящая земля солончака. Он лежит здесь мертвым пятном, свидетельствуя о прежней хищнической деятельности людей и их беспечности. Солончак — наследие прошлых веков, когда человек, борясь за воду и желая как можно обильнее оросить свои поля, не думал о последствиях.

Своеобразие знойного климата требует особенно внимательного отношения к природе пустынь. Воздух здесь очень сух. За год с поверхности водоема испаряется слой воды в 30 раз больший, чем выпадает на землю в виде осадков. Когда просыхают поверхностные слои почвы, начинается испарение грунтовых вод, содержащих много солей. Следует напомнить, что чем больше орошались земли, тем ближе к поверхности поднимался уровень грунтовых вод. Всюду, где они залегают не глубже полутора метров, влага интенсивно испаряется. В воздух уходят пары химически чистой воды, а вся соль остается на поверхности. Оседая, она постепенно осолоняет землю. Теперь на ней уже ничто не растет и ничто не живет. Так вода иногда становится врагом пустыни.

Много тысячелетий существовало в низовьях Аму-Дарьи земледелие. И сейчас, когда вся оросительная сеть заново перекроена, когда в основном битва за воду в существующих оазисах победно завершена, наступает время борьбы с излишней водой.

Во всех капиталистических и колониальных странах орошаемое земледелие ежегодно вызывает засоление сотен тысяч гектаров. Из хозяйственного обихода выпали миллионы гектаров орошавшихся ранее земель.

В нашей стране эти прежде бросовые, мертвые земли вновь возрождаются. Поздней осенью их обильно поливают или затапливают, покрывая слоем воды в 30—40 сантиметров. За зиму, когда испарение бывает наименьшим, вода постепенно уходит вниз вместе с солями, присоединяясь к грунтовым водам.

Но такая «промывка» почвы целесообразна в том случае, когда вмытые внутрь соли вместе с излишками грунтовых вод могут быть уведены в сторону. Прежде их «сбрасывали» во всякие низины на окраинах оазисов. Теперь все большее внимание приходится уделять строительству дренажной осушительной сети. Только с ее помощью можно быстро снизить уровень грунтовых вод, вывести за пределы оазиса накопившиеся в его почвах вредные соли, удалить тысячелетнюю «накипь».

Одни каналы, заложенные в валах выше уровня полей, служат как бы артериями, подающими пресную воду для самотечного орошения земли. Растения успевают использовать лишь часть этой воды. Остальная ее часть пополняет грунтовые воды. Поэтому другие каналы, подобно венам, должны удалять из организма оазиса продукты его жизнедеятельности — излишние просочившиеся сквозь почву и осолонившиеся воды. Эти дренажные каналы закладываются глубже уровня грунтовых вод.

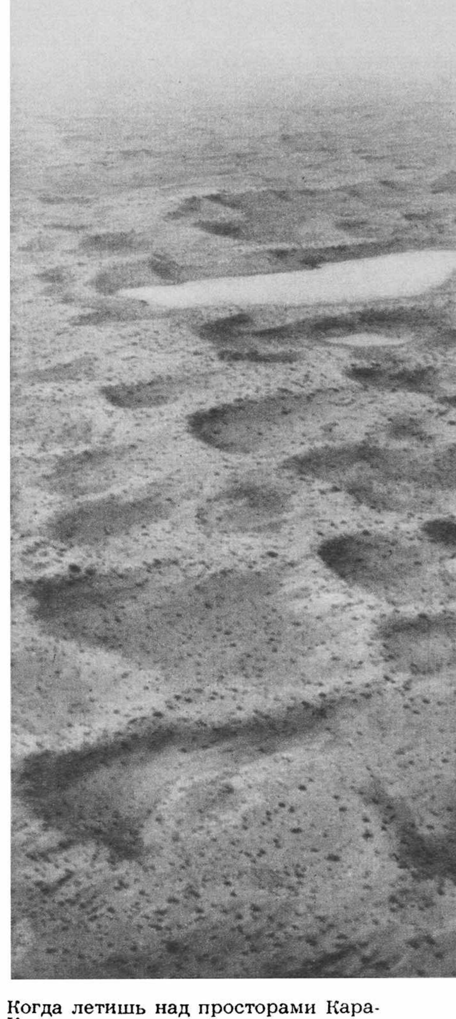
Изучается и новый способ — вертикального дренажа. Вместо глубоких каналов роют колодцы и ставят на них ветряные двигатели. Ветер выкачивает грунтовые воды, и по мелким каналам они удаляются из оазисов. Наш грандиозный парк машин позволит применить оба способа дренажа — горизонтальный и вертикальный, в зависимости от местных условий.

Новая жизнь старых оазисов

В ближайшие годы в пустынных районах Средней Азии будут освоены громадные площади прежде никогда не орошавшихся земель. Но не следует пренебрегать и «внутренними ресурсами» существующих оазисов, где нередко используют лишь четвертую часть территории. Путь к освоению этих ресурсов — высокая культура орошения.

Экспедиция Академии наук СССР ведет сейчас исследование системы орошения в низовьях Аму-Дарьи. Установлено, что некоторые каналы несут слишком много воды, что ее можно использовать дважды. Если дренажные воды достаточно пресны, то их ветряками следует снова поднять и пустить на поля. Если же они солены и непригодны для орошения, то можно собрать их по окраинам оазисов в крупные магистрали и направить в Сарыкамышскую впадину.

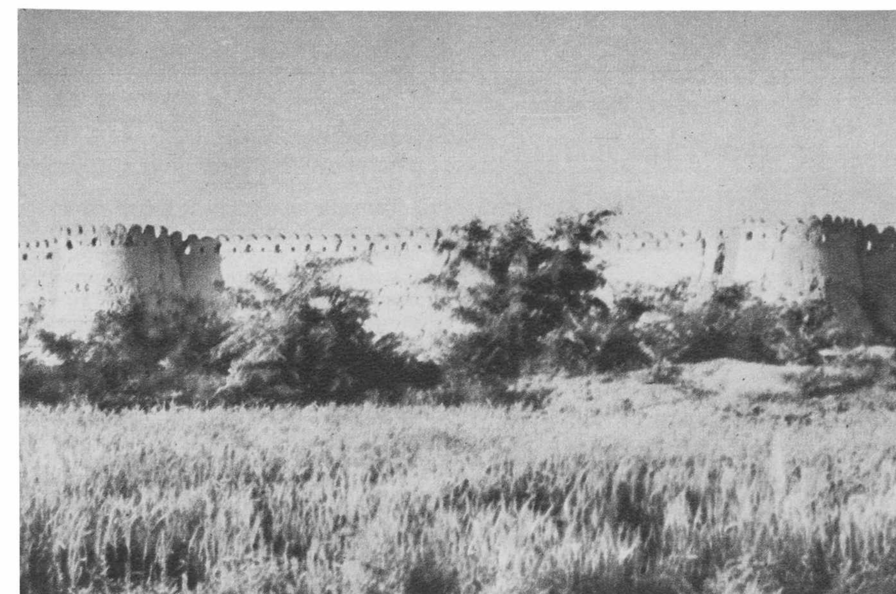
Богатейшие оазисы Ферганы, Зеравшана, Мургаба и многих других районов Средней Азии, рационально расходуя и используя воду, уже в течение этой пятилетки смогут дополнительно получить многие сотни тысяч гектаров хлопковых полей. На возрожденных землях будут выращивать не только «белое золото», но и разнообразные овощи и фрукты. Так борьба за воду и с излишней водой в зоне пустынь принесет нашей Родине новые богатства.

Когда летишь над просторами Кара-Кумов, кажется, что среди моря песков светлеют тихие лагуны. Это островки такыров с твердой глинистой поверхностью.

В руках советских людей и пески не бесплодны. Этот черно-саксауловый лес создан руками человека десять лет назад.

Бросовые земли можно снова превратить в богатые житницы. У стен древней крепости густо поднялись всходы.

Из китайских поэтов

ПРОРОЧЕСТВО

ТЯНЬ ЦЗЯНЬ

Предсказанья отвергаю я,
И гаданья отвергаю я.
У Тянь Цзяня точный гороскоп —
Вера непреклонная моя.

Если ты родился в этот век, —
Значит, ты счастливый человек!

Новый Мир несем мы на плечах,
За него сражались мы в боях.
Огненных знамен взметнулся
шелк —
Час его рождения пришел.

Старый Мир, тебе кричу:
«Долой!»
Новый Мир встречаю всей
душой.
Новый Мир, тебе я отдаю
Песнь непокоренную свою.

Связан с революцией навек
Я, свободный, новый человек.
Для тебя и стих и жизнь моя,
Мой большой народ, моя семья!

ГАНЬБЭЙ!

Е ШЕН-ТАО

Друзьям во всем мире

За дружбу народов
Выпьем до дна!
Ганьбей! *

За мир и свободу
Выпьем до дна!
Ганьбэй!

За народно-демократический
строй
Выпьем до дна!
Ганьбэй!

За дружбу культур,
Твоей и моей,
Выпьем до дна!
Ганьбэй!

Живем мы на разных землях,
друзья,
Несхожа и речь у нас.
Без переводчика нам нельзя
Сердечный слушать рассказ.

Но есть золотое слово —
«ганьбэй».
Тут ни к чему перевод.
«Ганьбэй!» — это слово больших
друзей,
«Ганьбэй!» — это дружба зовет.

Только услышишь слово
«ганьбэй»,
И ясно, за что «ганьбэй»;
И дружба становится все
тесней,
И наша любовь — сильней.

«Ганьбэй!» — провозглашает
Китай,
«Ганьбэй!» — говорит Москва,
В Америку Южную и на Дунай
Эти летят слова.

Их произносят с чистой душой
Миллионы наших друзей.
Я тост поднимаю самый
большой
За
«Гань-
бэй!»

Перевел с китайского
Л. Черкасский.

* Пей до дна!

Премьер Государственного административного совета Чжоу Энь-лай беседует с Ци Бай-ши.

Народный художник Китая

Нам довелось недавно пробыть полмесяца в Китае. Трудно забыть эти впечатления. Гостиница, в которой я жил, называется «Гостиница для друзей». Встречая советских друзей, люди приветливо улыбались, окружали нас тесным кольцом. Им хотелось рассказать нам самое главное, самое существенное о новой их жизни.

— Ходите, друзья, по нашим паркам, заводам, улицам, дворцам, выставкам, — так напутствовал нас старый китаец. — Смотрите вокруг внимательно, и вы увидите, какие горы может свернуть настоящая дружба — дружба, какая спаяла воедино китайский и советский народы.

Мы многое увидели в Китае. Мы увидели, с каким счастьем и воодушевлением китайский народ при помощи братского русского народа, используя его пример, строит свою новую жизнь.

Мне пришлось разговаривать с девяностотрехлетним художником Ци Бай-ши и смотреть его работы. Этот старый человек был в прошлом и пастухом и столяром и всю жизнь связан с трудящимися своей страны. Ци Бай-ши — великолепный мастер кисти. Я видел, как в его руках буквально оживала бумага. Вдруг на ней затрепетали листья водяного каштана, расцвел лотос, возникла чарующая и живая песня, которая убедительнее любых слов говорила о радости жизни.

Раньше искусство в Китае было заперто в дворцах, теперь оно вышло на простор — к народу. Сотни тысяч, миллионы зрителей могут любоваться творчеством своих любимых художников. Впервые в музеях и на выставках появились книги записей, которым художники придают особенно большое значение.

Я спросил, может быть, несколько наивно, у Ци Бай-ши:

— Почему вы так много говорите об этих книгах?

— Видите ли, — ответил Ци Бай-ши, — раньше мы пытались разговаривать с народом, но его ответы нам не давали слушать. А теперь все ясно, все открыто и, самое главное, не только мы получили возможность обращаться к народу, но и сам многомиллионный китайский народ начал своим мощным голосом разговаривать со своими художниками. Он требует от нас того, что ему нужно, и... настаивает на выполнении своих требований. Я и не мечтал, что доживу до такого счастья.

Выходец из народа, Ци Бай-ши горячо любит свой труд, работает очень много и увлеченно. Как мне рассказывал его ученик и друг, художник Ли Кэ-жань, Ци Бай-ши за всю свою более чем 60-летнюю творческую деятельность только два раза оставлял кисть: один раз из-за тяжелой болезни, второй, — когда умерла его мать.

В первый период своей деятельности Ци Бай-ши рисовал людей и предметы с натуры и в изображении их достиг высокого совершенства. Позднее он стал рисовать картины, создаваемые его творческим воображением. Изумительным искусством передачи действительности отличаются рисунки Ци Бай-ши. Простой тушью с поразительной быстротой и кажущейся легкостью он изображает твердые клешни краба, лягушек и водяные каштаны, цветы весны и плоды осени, летящую бабочку и неподвижно застывшего рака. Некоторые из таких его рисунков воспроизводятся на наших вкладках.

Свои произведения Ци Бай-ши сопровождает обычно стихами. Так, например, одну из работ, направленных против социальных порядков старого общества, — карикатурный портрет чиновника — художник сопроводил сатирическими стихами, смысл которых можно передать так:

В руках белый веер,
А душа — черная.
Сколько ни бей,
Все равно поднимется.
Ах, как много самодовольства
В этом ничтожестве!

К другому произведению, полной своеобразного очарования акварели, Ци Бай-ши сделал такую подпись:

Сегодня осень.
По гладкой воде
плывет лебедь,
И его крылья в инее...
Мне сегодня немного грустно.
Мне 93 года. Ци Бай-ши.

...В один из дней начинавшейся осени я приехал к художнику; его домик расположен в тихом переулке на окраине Пекина. Нас он ждал, отдыхая в глубоком кресле, в окружении ближайших, любимых учеников.

Ци Бай-ши, опираясь на узловатую красную палочку, выточенную в виде дракона, встал, сделал широкий жест рукой, как бы сразу знакомя и со своими друзьями и со своими произведениями, что были в доме. Он захотел порисовать при мне. Подошел к столу, чтобы не спеша выбрать любимые кисти.

Взяв кисть и проведя первую смелую линию, которая потом расцвела красивыми красками, Ци Бай-ши преобразился. Это был уже не утомленный жизнью человек, а сильный и яркий художник. Я невольно взглянул на часы. Прошло 19 минут, а на листе белой бумаги уже цвели лотосы и будто слышалось кваканье лягушек.

Ци Бай-ши — подлинно народный художник, продолжающий замечательные традиции национального искусства. Своими произведениями он обогащает это искусство.

В. КЛИМАШИН

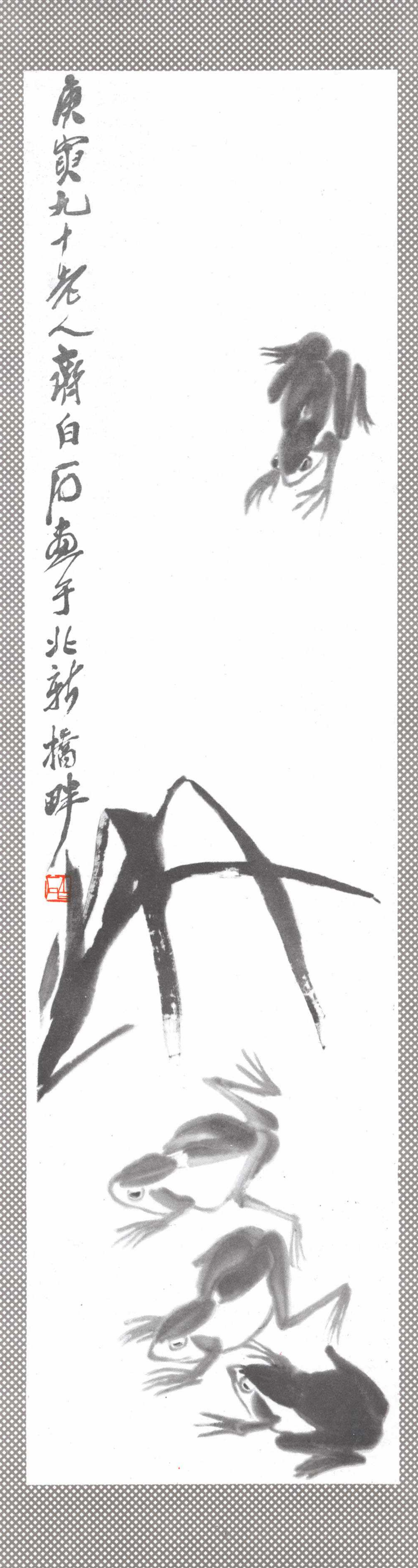
РАБОТЫ
китайского художника
ЦИ БАЙ-ШИ

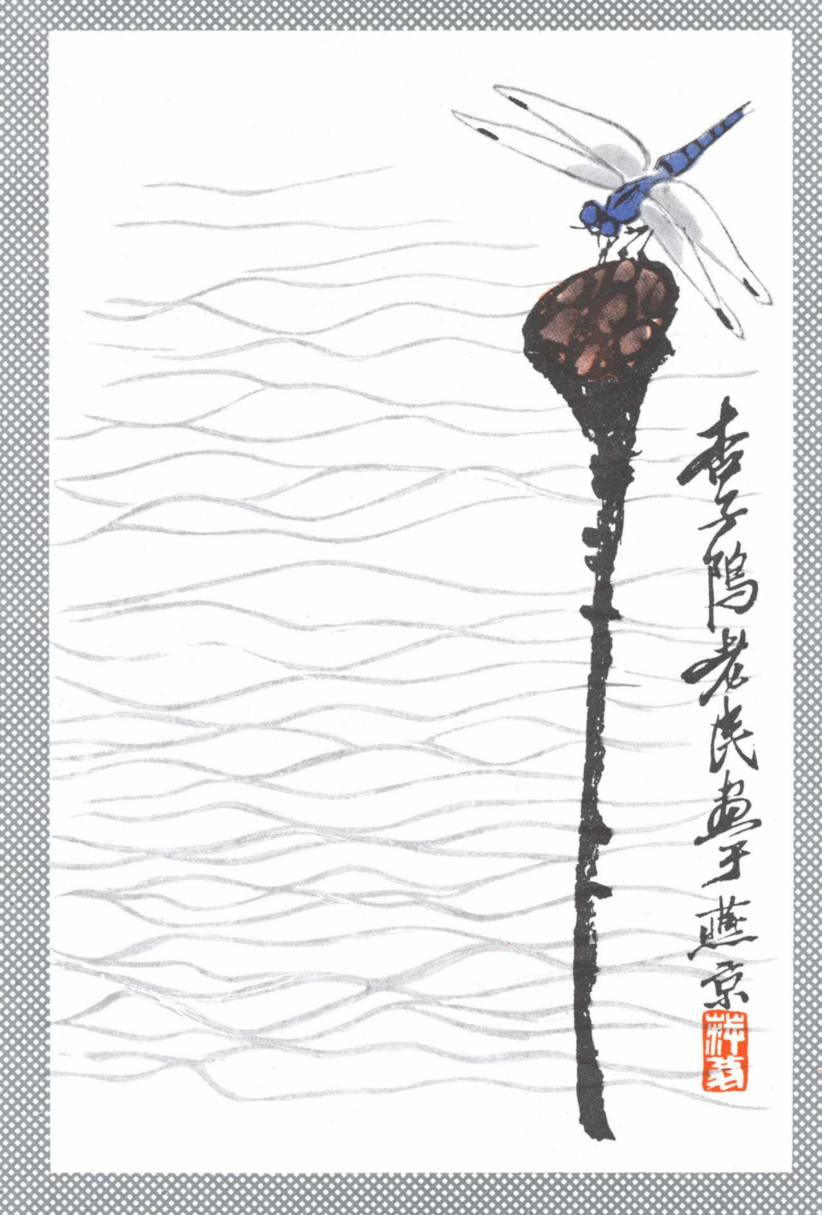
ЦИ БАЙ-ШИ.

Рисунок художника Е Цянь-юя.

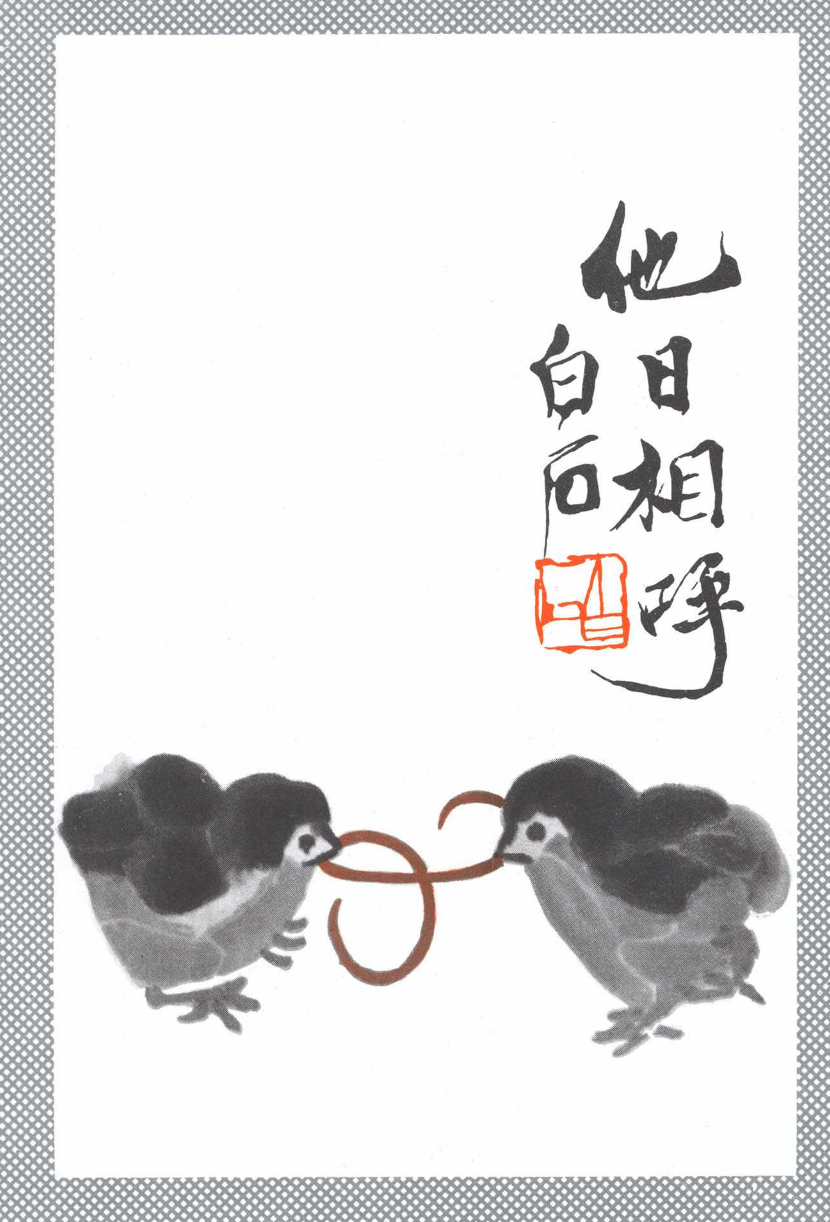

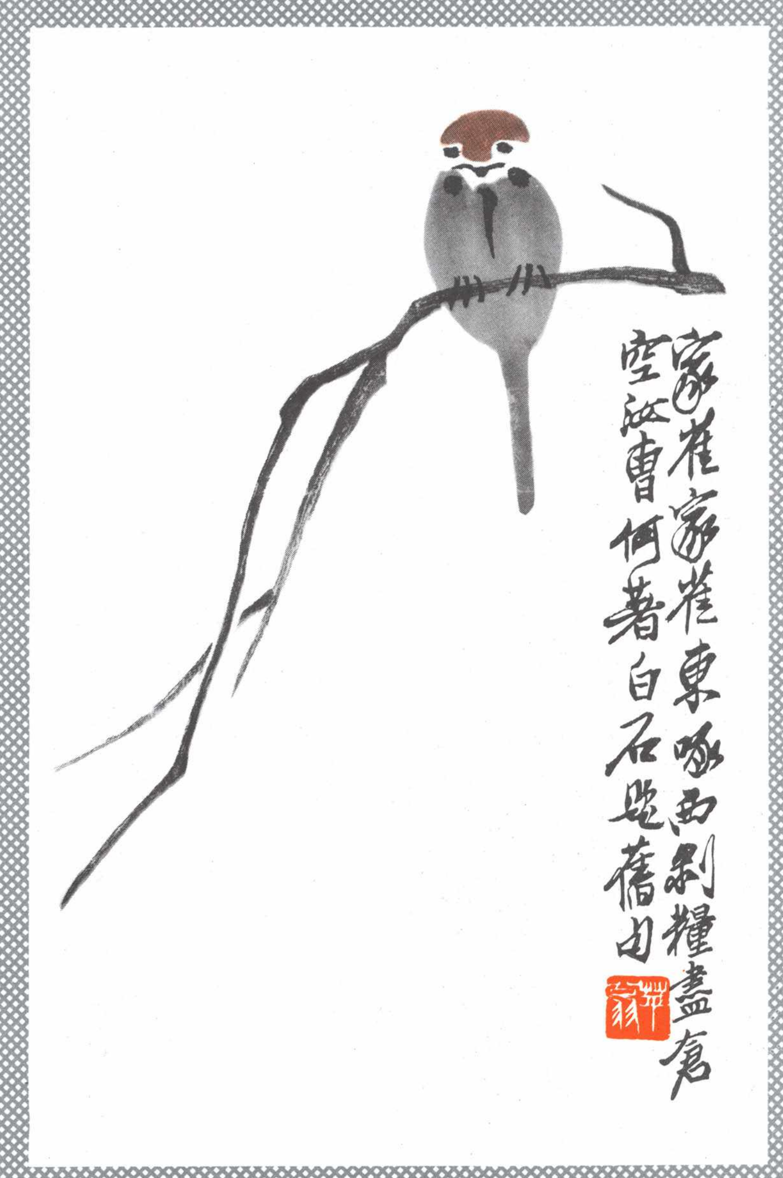

白石

杏子塢老民畫于燕京

寄萍堂老人白石

九十二歲白石

他日相呼
白石

家雀家雀東啄西剝糧盡倉
空汝曹何著白石題舊句

菊酒
寄萍老人

借山老人

ДЕДУШКА

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунки П. Караченцова.

Днем в курень к Прокофию Никитичу пришла комиссия. Колхозники давно поговаривали, что станица попадает в зону затопления и придется переезжать на гору, а Прокофию Никитичу все казалось, что произойдет это очень нескоро и он успеет еще помереть на том месте, где родился. Но несколько человек во главе с председателем сельсовета и техником уже ходили по его двору, по саду, пересчитывали яблони, виноградные кусты, считали даже лозины, посаженные в прошлом году, глядели в колодец, проверяли, двойной или одинарный пол в горнице, надсекали топором бревна амбара, чтобы было видно, гнилые они или нет. Вслед за техником таскался пастух Егор, губастый парень, два года гуляющий в женихах и переменивший множество невест. Вчера оценили его хозяйство, и теперь он с самого утра ходил за комиссией, глядел, как оценивают у других, проверял, не обидели ли его.

— Шел бы хоть лозу подвязывать,— сердился Прокофий Никитич. — Путается тут...

— Сесть у тебя некуда, вот и путаюсь, — отвечал Егор. — Дожил, дед, до старости, а стульев не нажил.

— Что у меня — театр? На что мне комнаты стульями заставлять? Иди отсюда!

Прокофий Никитич жил один. Горница его была почти пуста. В углу стоял буфет со створками без стекол и с белым электрическим изолятором вместо ручки, в другом углу — стол, заставленный кринками и немытыми тарелками, в третьем углу — сундук, в четвертом — кровать. И только развешанные по стенам потемневшие фотографии, с которых глядели какие-то казаки, старухи да бородатые старики, несколько украшали комнату и придавали ей жилой вид.

К вечеру комиссия все перемерила. После грубых подсчетов оказалось, что Прокофию Никитичу причитается получить на переселение, кроме досок, стекла, кирпича и железа, около двадцати тысяч рублей деньгами.

— Ну, что ж! Двадцать, так двадцать. Шут с ним,— сдержанно согласился Прокофий Никитич, стараясь не показать вида, что техники, по его мнению, что-то напутали и переплачивают чуть ли не вдвое.

Подписав бумаги, председатель сельсовета ради приличия начал разглядывать фотографии, а хозяин, тоже ради приличия, стал объяснять, кем ему доводятся многочисленные старики и старухи и как их имена и фамилии. Оказалось, что все это такая далекая родня, что для нее не придумано еще и названия.

Потом комиссия отправилась в соседний курень, к Наталье Игнатовне, и на улице долго было слышно, как Егор кричал технику: «Это из каких соображений ему двадцать, а мне шестнадцать? Из каких соображений?!»

Когда совсем стемнело, к Прокофию Никитичу прибежала растерянная Наталья Игнатовна. Муж ее погиб на фронте, и жила она с двумя ребятами. Между ней и старым Прокофием Никитичем давно установилась спокойная, деловая дружба. Она прибирала в его горнице, а дедушка, с легкой руки Егора прозванный «виноградным знахарем», присматривал за ее садом.

— Вон как наследили! — ахнула Наталья Игнатовна.— Может, пол тебе помыть?

— Разбирать его надо, а не мыть.

— Нам бы, дедушка, на новом месте рядышком строиться.

— Там поглядим,— строго ответил Прокофий Никитич, довольный в душе тем, что Наталья Игнатовна первая заговорила об этом.— Это не лавку с угла в угол переставить. Дело серьезное. Тебе сколько посулили?

Оказалось, что хозяйство Натальи Игнатовны было оценено в двадцать шесть тысяч.

— А мне даже за колодец записали девятьсот рублей,— похвастался дедушка.— Гляди-ка, за колодец, и то записали! Как думаешь, никакой тут ошибки нет?

Наталья Игнатовна говорила, что никакой ошибки нет и что половину денег будут давать теперь же, а другую половину — после переселения.

Они побеседовали еще немного, потом дедушка достал из сундука серый казачий мундир, попросил Наталью Игнатовну починить его и погладить, и она побежала на улицу загонять ребят спать.

А на другое утро чуть свет Прокофий Никитич ходил по садику в обычной своей белой исподней рубахе, в брюках, заправленных в сапоги по-казачьи, с напуском.

И, глядя на желтые утренние зори, на покойный дым, поднимающийся из труб, как-то не верилось, что станица с садами и куренями, с колодцами и вкопанными у ворот скамейками, с притоптанными тропками и белыми тополями, с вросшими в почву камнями, положенными у дороги, чтобы подводы не сбивали плетней,— не верилось, что вся эта большая станица, вольно разметавшаяся по берегу Дона, оторвется от обжитой земли, двинется и куда-то поедет.

Летом на общем собрании были решены все самые мелкие вопросы, связанные с переездом. На гору машинами начали возить строительный материал, и стало понятно, что ждать больше нечего. Через несколько дней после собрания техники стали нарезать участки, и станичники с женами и ребятами несколько раз в день бегали на гору выбирать места. Каждому хотелось не прогадать, но какие участки лучше, а какие — хуже, никто не знал, и от этого было много бестолковщины, шума и скандалов, и к вечеру техники совсем выдыхались. Только дедушка Прокофий Никитич не принимал участия в общей суматохе, словно это его не касалось. Попрежнему бродил он по саду, перебирая листики на кустах, разглядывая букашек, и ни разу не ходил на гору.

Несколько раз к деду забегала Наталья Игнатовна, торопила его, но он с каждым днем становился все мрачней и наконец сказал:

— Ты езжай сама. На меня не оглядывайся. Я погожу еще.

Наталья Игнатовна начала было сетовать, что он заморочил ей голову, что все хорошие участки уже разобраны, что если бы не он, она давно жила бы на новом месте, но дед так цыкнул на нее, что она отступилась и стала собираться.

Дружба их рушилась. Они перестали ходить друг к другу, и однажды станичники видели, как дед во дворе сам развешивал на просушку белье. Не подошел он к ней даже и тогда, когда, погрузив свое разобранное по бревнышку жилье на машину, она голосила, прощаясь с родными местами. И только осенью, увидев, что Наталья Игнатовна вместе с сыновьями выкапывает виноградные кусты, он прислонился к плетню, долго следил за ее работой и, не утерпев, сказал сердито:

— Разве шампанчик с землей на корнях можно перевозить, голова — два уха?!

Наталья Игнатовна молчала.

— Затрясет на машине твои кусты, земля посыплется, корешки повредит.

Она и на это ничего не ответила.

— Ты землю-то обчисти, только полегоньку, смотри, чтобы мочковые корни не тронуть. А тогда и вези.

— Как я их без земли повезу? — отозвалась наконец Наталья Игнатовна.— Корешки-то без земли засохнут.

— А ты их в сырую соломку. — Дед еще больше рассердился.— Губят доброе! — И, махнув рукой, пошел в курень.

Время шло, а Прокофий Никитич не только не готовился к переезду, а стал чинить крыльцо и вкопал лавочку перед воротами.

— Прямо не знаю, как его расшифровать,— пожимал плечами председатель сельсовета.

Станичники вспоминали, как на собрании дедушка агитировал за переезд, как спорил с теми, кто сомневался, приживется ли на суглинке шампанчик, и тоже удивлялись.

У деда появились новые привычки. Вечерами, когда со станции обычно приезжали ма-

шины, надевал он свой старый чекмень, шаровары с розовыми застиранными лампасами и садился перед воротами на скамейке, словно дожидаясь кого-то.

Стали поговаривать, что он немного свихнулся. А Егор кричал, что дело тут глубже и что ему известно, из каких соображений он тянет время: вот нарежут усадьбу председателю сельсовета, тогда дед сразу к нему пристроится,— дед понимает, что председателю достанется наилучшее место.

Но переехал и председатель, а Прокофий Никитич попрежнему вечерами сидел на лавочке, покуривая, обдумывая что-то, и всякий раз поднимал свою белую голову, когда слышал далекий шум машины.

— Тебя, что же, дед, водяным тут прописать? — спрашивал председатель.

Прокофий Никитич туманно объяснял, что срок еще не вышел, что перевезти курень — дело плевое, и старался увести разговор вбок: рассуждал, как, к примеру, теперь будет с письмами, не перепутают ли теперь, куда их возить, спрашивал, сколько дней идут письма из Курска, сколько — из Ленинграда.

Председатель жалел дедушку и терпеливо отвечал на все вопросы, но толку от таких разговоров все равно никакого не получалось.

И вскоре только один Прокофий Никитич остался на прежнем месте.

По ночам с горы было хорошо видно над горизонтом ровное и спокойное зарево строительства, широкую поляну неподвижного Дона, словно остановившего течение и заснувшего под ясными звездами, и недалеко у берега — одинокий огонек, мерцавший в курене упрямого деда.

Иногда Прокофий Никитич ненадолго появлялся в станице. Он пригонял коров, забредавших по привычке на старые места, и, побранив колхозников за плохие посадки, уходил обратно.

Наконец в сельсовете решили поручить Наталье Игнатовне в последний раз добром уговорить старика.

Она пришла к нему днем, сказала, что все сроки вышли, пообещала пособить при перевозке.

— Пособить не главное,— строго отвечал дедушка.— Главное — обдумать все, место подобрать правильное. Ты гляди сама: тут у меня шампанчик от ветра берегом заслонен. Тут, сама знаешь, ковырнешь заступом два раза — и вода. А там у вас что? Суглинок, суходол. И колодцы я ваши видал. Разве это колодцы? В них и воды-то нет: видать, как на дне ведро на бок ложится. Ты думаешь, я для себя хозяйство блюду? Мне оно не нужно — мне помирать скоро. А у меня два сына существуют — им все достанется. И ты скажи: какое я имею право без них хозяйство перестанавливать? Вот приедут сыны, обдумаем, разберемся, как и что, тогда и стану курень разбирать, так и скажи сельсовету.

— Сыны-то женатые? — спросила Наталья Игнатовна.

— Кто их знает,— хмуро ответил дедушка, отошел и стал смотреть в окно.

Теперь, когда станица переехала, вокруг куреня стало просторно, и за разломанными печами, за поваленными плетнями, за свежими ямами, уже поросшими лебедой, из окна стали видны, как из вагона, далекие пустынные займища, блестящая полоса Дона; стало видно, как на том берегу тракторами выдергивают телеграфные столбы, и недомашний, степной свет стоял в горнице с раннего утра до позднего вечера.

— Ты бы пустил им письмо,— посоветовала Наталья Игнатовна.— Написал бы: так, мол, и так...

— Пущено было,— сказал дедушка, не оборачиваясь, и по голосу его Наталья Игнатовна догадалась, что ему трудно и совестно.— Два раза пущено было.

— Ну и что?

— Ну и ничего... Не было еще ответа.

— Вот так сыны!

— А ты почем знаешь, какие у меня сыны? — закричал вдруг Прокофий Никитич.— Только у них и дел, чтобы письма писать. Только ученым людям и дум, в какую сторону окнами курень ставить. Ставь, где хошь, хоть на болотине. Им-то что!

— Поедем, дедушка,— уже безо всякой надежды уговаривала Наталья Игнатовна.— Вода скоро подойдет.

— И пускай подходит! Пускай заливает! Им хозяйство не нужно, так и пускай заливает!.. А ну, иди отсюда!

— Дедушка, да ты что?..

— Иди, тебе говорят, отсюда!

Когда Наталья Игнатовна ушла, дедушка достал из сундука балалайку с грязным бантом, балалайку, подаренную младшему сыну Коле, когда ему исполнилось десять лет, осторожно тронул расстроенные струны и, тряся головой, заплакал, удивляясь, что в глазах его еще не пересохли слезы.

На другой день к нему пришел Егор.

— Если тебя уговаривать послали,— предупредил Прокофий Никитич,— так нечего тебе тут делать.

— Чего мне тебя уговаривать? — усмехнулся Егор.— Я из станицы уезжаю. Мне теперь тут делать нечего: займища зальет — где скотину пасти? Пускай без меня разбираются. Я на железную дорогу поеду, у меня там друг есть. Хочешь, дед, бери деньги за хозяйство да поедем со мной. Устрою тебя стрелочником или еще кем...

— Да ты что! — испугался дедушка.

— Ты подумай сперва, куда теперь тебе переезжать? Хорошие участки разобрали, а тебе вон за сельсоветом сулят нарезать.

— Да уж, место! — задумчиво протянул дед.— Такое место прежде на погост нарезали.

— Так вот, до завтра и решай. Народу тут много. Поедем. Дон Иваныч и без нас обойдется... И чего тебе тут делать? Люди, гляди, смеются.

— Чего же они смеются?

— Да как же: «Шампанчик, говорят, выращивает, а сынков вырастить не сумел».

— Кто говорит?

— Да вся станица говорит.

— Это Наталья набрехала,— сказал Прокофий Никитич и ушел в курень.

Он не спал всю ночь и, дождавшись утра, вышел в сад. Солнце еще не всходило. Вокруг было пустынно и одиноко. На виноградных кустах висели поблекшие, тяжелые от росы листья. В сарае прокричал кочет, но ему никто не ответил. Прокофий Никитич зябко поежился и сказал сам себе:

— Надо ехать.

Через два дня сборы были окончены. Колхозники пробовали отговаривать дедушку — жалели терять специалиста-виноградаря,— но он никого не стал слушать, продал козу и в воскресенье вместе с Егором поехал на станцию.

На железной дороге Прокофию Никитичу дали несложную работу: выходить с флажком к поездам и опускать полосатые шлагбаумы на переезде. Прокофий Никитич развесил по стенам своей будки фотографии, быстро научился узнавать в лицо машинистов и сердился, если опаздывали поезда. В марте его премировали. В свободное от дежурства время Прокофий Никитич рассказывал сменщику, такому же, как и он, одинокому старику, зачем обрезают виноградные кусты, или объяснял, кто такой был в казачьих войсках есаул, кто — хорунжий. Иногда он заводил разговор о детях. Прокофий Никитич рассуждал, что теперь у каждого своя жизнь и детям за родителей нет нужды держаться. Теперь стукнет парню четырнадцать лет — он сам себе и хозяин. Пойдет в ремесленное, его обуют, оденут, и не нужны ему ни мать, ни отец.

— Мать и отец всегда понадобятся, Прокофий Никитич,— возражал сменщик.— Родитель — это человек особенный, необыкновенный. Не зря Родину-то матерью величают. Видал, на плакатах написано: Родина-мать?

— Видал.

— Ну так вот. И у каждого есть в душе чувство к родителю, если он не растерял душу-то. Вот у меня трое дочерей в колхозе, все замужние, а, спасибо, ни одна не забывает, и письма пишут, а бывает, и гостинцы пришлют.

— Так то в колхозе. А в городе, глядишь, пристроится сынок — вот и позабыл и родителей и родную деревню.

— Совести, значит, нету,— настаивал на своем сменщик.— Позабыл, значит, где его вспоили и вскормили...

Весной от Натальи Игнатовны начали приходить письма. Она сообщала, что в колхозах прибыло воды, что Егор снова вернулся в колхоз, и звала дедушку обратно. А на последней странице десятилетний сын ее Васятка рисовал цветными карандашами всегда одно и то же: море, солнце с толстыми лучами и пароход на самом краю моря.

Каждое новое письмо Прокофий Никитич прочитывал сменщику и аккуратно заворачивал в общую пачку, где хранились все полученные им за много лет письма и открытки, документы, облигации займов и какие-то потрепанные накладные и извещения.

Душа Прокофия Никитича зачерствела, и с каждым месяцем он все меньше думал о станице, реже вспоминал сыновей.

Но с младшим сыном ему все-таки пришлось встретиться.

Однажды через переезд проехала большая легковая машина и остановилась неподалеку. В этот день на ветке меняли шпалы, и девушки с совковыми лопатами и тяпками подошли посмотреть, кто приехал. По откосу насыпи поднялись несколько железнодорожников в белых кителях. «Начальство из управления приехало»,— подумал Прокофий Никитич и вышел поглядеть, все ли в порядке на переезде. Один из приехавших, грузный и усатый, прошел по шпалам, с трудом нагнувшись, поворошил рукой балласт и вытер пальцы носовым платком. Потом, заметив у одной из девушек рваные рукавицы, стал выговаривать мастеру. Мастер оправдывался, упирал почему-то на нехватку шпал и срочность работы. «В первую очередь о людях надо думать, а потом о шпалах»,— строго сказал грузный человек и пошел к переезду, и двое в белых кителях, держась поодаль, двинулись за ним.

Чтобы не стоять без дела, Прокофий Никитич стал выковыривать ломиком сор из ложбинок между рельсами и дощатым настилом.

— Что это за ломик? — услышал он за своей спиной голос начальника.— Неужели ломик для старика полегче нельзя найти?

Прокофий Никитич обернулся. Он хотел объяснить, что ломик в самый раз, что зимой, например, легким ломиком ничего не сделать. Но начальник вдруг отступил на шаг, растопырил руки и медленно проговорил:

— Каким образом ты очутился здесь, батя?

— Это ты, Колька? — спросил Прокофий Никитич, моргая глазами, и, вместо того, чтобы поздороваться, заплакал и проговорил растерянно: — Станица-то твоя... переехала...

Начальник обнял и поцеловал отца. Их обступили.

— Ну что же...— несколько смущенно сказал сын. — Пойдем ко мне в машину, что ли...

— Нет, сперва ты к отцу пожалуй,— строго пригласил Прокофий Никитич.

Они вошли в будку, и Николай, опасливо осмотрев бурую от керосиновых пятен табуретку, положил на нее газету и сел. Прокофий Никитич смотрел на полного, чисто выбритого, усатого человека, стараясь найти в нем что-нибудь от прежнего Кольки, и не находил ничего, кроме вихра на темени, такого же неподатливого для гребня, как в детстве.

— Странно,— сказал Николай,— отец работает на моей дороге, а я ничего не знаю.

Прокофию Никитичу почему-то стало совестно, и он, как бывало давным-давно, потрепал сына за вихор, но получилось это до того робко и неловко, что дедушка еще больше сконфузился.

— Обидел ты меня, сынок, вот что я тебе скажу,— проговорил наконец Прокофий Никитич.— Хоть бы ты на письма отвечал.

— А ты когда писал?

— С полгода прошло или еще больше... Прямо на институт писал.

— Вот так здорово! Я же три года назад институт окончил. Несправедливо обиделся, отец, несправедливо... А Ленька пишет?

— И он нет.

— Вот безобразник!

— Да я не на письма в обиде, Коля.— Прокофий Никитич подумал, как бы попроще растолковать сыну то, что у него на сердце, пожевал губами.— Ты знаешь, что это такое,— хозяйство перестанавливать? Как его везти? Куда курень ставить? К примеру, как шампанчик наверху расти будет. Там ведь вода глубоко, суглинок... Другие, честь по чести, всей семьей думают, а я остался один, как перст... Сижу да гляжу, как мимо меня куреня едут...

— Тракторами возили? — спросил Николай.

— Тракторами.

— На полозах?

— На полозах. Да ты погоди. Ведь это не простое дело — одному на пустом месте хозяйство становить... Знаешь, какие расходы?..

— Тебе денег надо, батя?

— У меня, сынок, денег поболе твоего,— мягко остановил его отец.— Да какие уж теперь деньги! Над нашим куренем теперь пароходы плавают. Ждал я от тебя или от Леньки весточки. Вижу, нет ничего, взял да и уехал. Хочешь, ругай меня за это, хочешь — что хочешь. Людей совестно стало. Теперь вот у нас с тобой ни куреня, ни сада... Проживаю на казенной квартире.

— Знаешь что, отец? Поедем жить ко мне.

— Зачем я к тебе поеду? Я за переезд отвечаю... Обидел ты меня, сынок, обидел...

— Я не понимаю тебя, отец,— сказал Николай, раздражаясь.— Правда, писем я давно не писал, но по этому поводу ты особых претензий не имеешь. Денег тебе не надо. Жить со мной не хочешь...

Дедушка смотрел, отыскивая своего прежнего Кольку, и, снова ничего не найдя, спросил:

— Значит, не понимаешь моей обиды?

— Не понимаю.

— Ну, тогда бог с тобой. Не серчай на меня. Я не за себя обиделся, а за всю деревню. Ты что же думаешь, городской стал, так тебе и деревня не нужна? У тебя, небось, каждый день белые булки на столе. А кто об этом заботится, чтобы у тебя булки были? Кто? Мы заботимся! А ты, брат, о своих кормильцах перестал душевно заботиться. Вот и подумай, хорошо это или худо.

Прокофий Никитич опоясался и со строгим лицом вышел на переезд. Вскоре мимо него прогромыхал теплый паровоз, и в окнах вагонов замелькали молодые лица. Дедушка держал свернутый желтый флажок, и ему казалось, что весь поезд наполнен детьми, навсегда уезжающими от отцов и матерей.

«Может, оно так и надо,— думал дедушка, глядя в хвост убегавшего от него с огромной скоростью поезда.— И чего я ему хочу доказать? Только разругаемся — и больше ничего. А мне бы, старому, поумней надо быть. Мириться надо, а не ругаться. Гостинец ему какой-нибудь подарить, что ли?.. — Дедушка стоял и думал, пожевывая губами, до тех пор, пока гудки автомобилей у закрытого шлагбаума не отвлекли его.— Вот что. Отдам-ка я ему балалайку!» — решил он и, пропустив машины, с легкой душой побежал в будку.

Николай стоял у стены и осматривал фотографии так же, как год назад от нечего делать осматривал эти же фотографии председатель сельсовета. Прокофий Никитич достал балалайку и, положив ее перед сыном, спросил, улыбаясь:

— Помнишь?

— Как же не помнить! Моя музыка.

Николай тоже улыбнулся и стал на мгновение очень похожим на отца.

— Вот и бери ее,— сказал торжественно Прокофий Никитич.— Вырастет внук, ему подаришь... Это что гудят?

— Меня зовут. Заехал бы хоть внука посмотреть, если жить со мной не хочешь. Вот мои координаты,— и Николай написал адрес, заняв размашистыми буквами целый лист бумаги.— А насчет балалайки... Я ее как-нибудь в другой раз заберу... Неудобно, знаешь... Народ в машине... А тут этот бант.

— Ну, ладно, иди, иди... — нахмурился Прокофий Никитич.— Хотя погоди-ка... Не знаешь, где сейчас Ленька? Может, я ему тоже не туда писал?

— Право, не знаю, отец. Он с концертами ездит. Мне тоже года два не писал, черт этакий!

— Ну, иди, иди...

Николай побежал к машине. В будку зашел сменщик.

— Сын у меня сейчас был,— сказал Прокофий Никитич, задумчиво поглаживая балалайку.

Он хотел было рассказать обходчику о разговоре с сыном, но чувствовал, что нет у него в сердце радости: ему казалось, что забежал в будку случайно какой-то чужой, хорошо выбритый человек, обидел и его самого, и балалайку, и его маленького Колю и побежал обратно к машине.

— Да... Сын у меня был...— повторил он глухо.— Ученый.

Он положил балалайку на стол, и она грустно загудела всеми своими струнами.

Славный путь

Советская общественность тепло отметила шестидесятилетний юбилей Анны Александровны Караваевой.

Юбиляршу сердечно приветствовали и «товарищи по оружию» — советские писатели, и читатели, и библиотечные работники.

Анна Караваева сложилась как писательница в послеоктябрьские годы; материал для произведений она щедро черпала из окружающей жизни; в центре ее творческого внимания неизменно стоит советский человек.

О нем, героически восстанавливающем хозяйство родной страны после разрухи, голода и борьбы с интервентами, рассказала писательница в известном романе «Лесозавод», о внутреннем росте и творческом возмужании этого человека в условиях новой, советской деревни — в повестях «Двор», «Баян и яблоко», в цикле рассказов о деревне.

Молодому человеку нашей страны посвятила Караваева такие бодрые по настроению, запоминающиеся произведения, как «Лена из Журавлиной рощи», «Крутая ступень», «Восхождение».

В годы Великой Отечественной войны Анна Караваева была корреспондентом «Правды» на Урале. В документальных повестях «Сталинские мастера» (1941—1942 годы) и в романе «Огни» (1943 год) она запечатлела трудовой патриотический подъем уральских производственников.

Остры и выразительны путевые очерки, которые были созданы Караваевой в послевоенное время в результате многократных зарубежных поездок.

С малых лет Анну Караваеву окружали простые, рядовые труженики.

Дед ее был уральским доменщиком; в доме отца, мелкого служащего, с детства окружали ее рабочие мотовилихинского завода, железнодорожники, учителя... Впечатления ранних лет, безотрадные картины жизни дореволюционной деревни, где после окончания гимназии несколько лет учительствовала Караваева, сыграли значительную роль в творческом формировании писательницы. Впоследствии, горячо включившись в партийно-пропагандистскую работу, объездив многие, подчас отдаленные места Сибири, она творчески обогатилась свежими впечатлениями, сталкиваясь с новыми, «рожденными Октябрем» людьми...

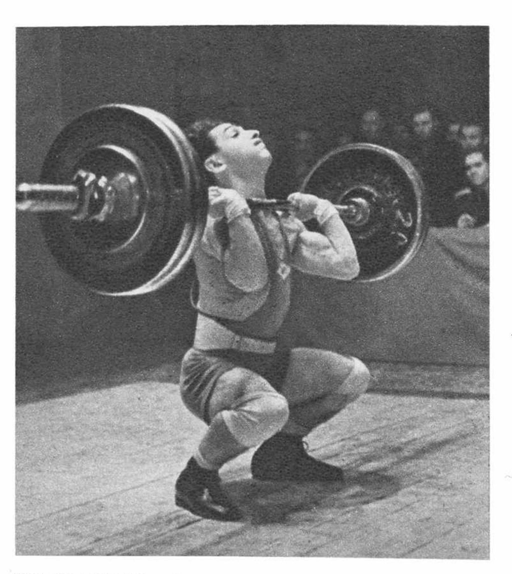
Общественная и литературная деятельность Анны Караваевой как и в первые годы ее творческого пути, так и в настоящее время тесно связаны между собой.

Валерия **ГЕРАСИМОВА**

Новые успехи штангистов

Сильнейшие штангисты страны провели последние соревнования 1953 года: в Свердловске было разыграно командное первенство СССР.

За последние два года наши тяжелоатлеты добились исключительно высоких успехов в борьбе с сильнейшими командами мира. Как известно, на XV олимпийских играх советская команда оставила на втором месте спортсменов США. Три атлета СССР — И. Удодов, Р. Чимишкян и Т. Ломакин — завоевали первенство в своих весовых категориях. Летом нынешнего года, снова встретившись с американцами на первенстве мира, штангисты СССР завоевали первое место, а И. Удодов, Н. Саксонов и А. Воробьев стали чемпионами мира. И вот знаменательный факт: уже в самое последнее время выдвинулось много молодых спортсменов. Идет непрерывный приток новых сил, и это говорит о том, что наш тяжелоатлетический спорт становится все сильнее и сильнее.

На командном первенстве страны по штанге. Выступает атлет легчайшего веса В. Вильховский.

Фото А. Грахова (ТАСС).

Под знаком выдвижения новых имен, установления новых всесоюзных и мировых рекордов прошло и первенство СССР. В каждой весовой категории молодежь успешно вела борьбу с мастерами. В легчайшем весе второе место вслед за мастером спорта В. Вильховским занял молодой спортсмен И. Волченков. В полулегком весе вслед за Р. Чимишкяном и Н. Саксоновым на третье место выдвинулся Л. Бронштейн, а другой молодой штангист, З. Абрамов, установил всесоюзный рекорд в жиме, подняв 103 килограмма 700 граммов.

Особенно острая борьба развернулась в легком весе, где встретились два молодых штангиста: Д. Иванов и Н. Костылев. Эти имена за последние месяцы упоминались часто. Иванов и Костылев непрерывно улучшали мировой рекорд в рывке. И снова борьба между ними закончилась установлением двух мировых рекордов. Двадцатидвухлетний студент Смоленского института физической культуры Н. Костылев улучшил свой мировой рекорд в рывке, подняв на этот раз 120 килограммов 600 граммов, а Дмитрий Иванов в сумме трех движений поднял 375 килограммов.

В среднем весе борьбу за первое место вели два известных атлета: Н. Меркулов и В. Пушкарев,— а третьим оказался К. Датриев, также представитель молодежи.

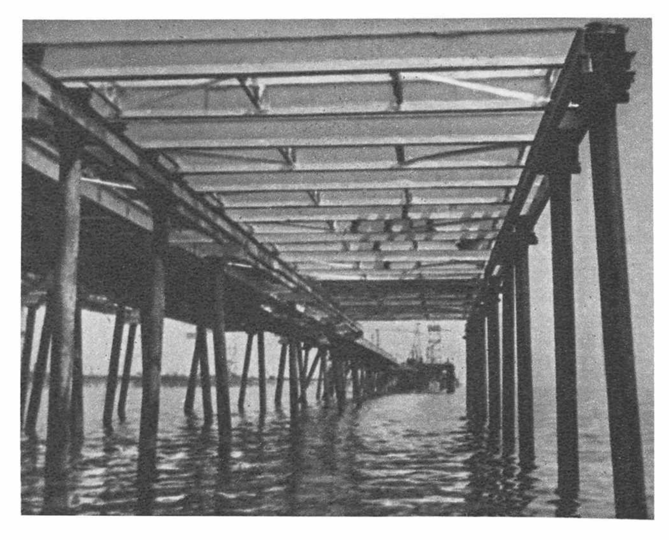
Пожалуй, наиболее ярким моментом командного первенства страны была встреча штангистов полутяжелого веса. На помосте сошлись давние соперники — А. Воробьев и Т. Ломакин. Каждая новая встреча этих двух выдающихся атлетов — чемпиона мира Воробьева и олимпийского чемпиона Ломакина—заканчивается обычно новыми рекордами. И на этот раз Воробьев установил мировой рекорд. Он поднял в рывке 140 килограммов 500 граммов, перекрыв достижение американского штангиста Н. Шеманского. Второе место занял Ломакин, а третье почетное место завоевал молодой спортсмен из Белоруссии В. Турукин.

Выступления штангистов тяжелого веса еще раз показали, что в этой важнейшей весовой категории мы не имеем сейчас сильных атлетов. Лучший результат был у А. Медведева, поднявшего в сумме трех движений всего 430 килограммов.

Звание чемпиона Советского Союза завоевала команда Москвы. На втором месте — первая команда РСФСР.

В. ВИКТОРОВ

Кинoповесть о нефтяниках

Над морем протянулась стальная дорога — эстакада.

Только что вышедший на экраны документальный фильм «Повесть о нефтяниках Каспия» — большая творческая удача нашей кинематографии. Режиссер этой поэтической кинокартины, талантливый оператор Р. Кармен, давно и хорошо известен зрителю.

Этот новый фильм — подлинная кинопоэма о смелых и сильных советских людях. Когда смотришь на экране историю рождения города, созданного... в открытом море, на память приходят слова Горького: «...наше время включает в область поэзии совершенно новые темы, например: борьбу коллективно организованного разума против стихийных сил природы...»

Строительство нового промысла было сопряжено с огромными трудностями. Фильм повествует о том, как, кем и в каких условиях строился морской городок нефтяников.

...Четыре года назад было решено начать разведку нефти в открытом море, в ста километрах от Баку, у пустынной каменистой гряды. На голые скалы высадились разведчики недр, вооруженные передовой техникой. Скоро здесь был выстроен первый домик на сваях, появилась первая буровая разведывательная вышка. Сто пять дней пробивались к нефти мастера бурения. Тревожило ожидание: есть ли нефть под этими скалами?

Но вот из буровой хлынула нефть. Предположения ученых оправдались: на дне моря оказалось богатое месторождение. Началось широкое наступление нефтяников на Каспий.

Шесть месяцев прожила съемочная группа — Р. Кармен, операторы Д. Мамедов, А. Зенякин, С. Медынский (подводные съемки Ф. Леонтовича) — в открытом море. С нефтяниками делили они все их невзгоды и радости. Это позволило не упустить для фильма ничего значительного, интересного.

...Морские недра щедро выдают нефть. Идет строительство нового резервуарного парка. И вот за несколько часов до окончания стройки начался жестокий шторм. Все наличные цистерны полны нефтью, а танкеры не могут подойти, чтобы принять все растущий поток нефти. Неужели придется выпускать ее в море? Строители решили не допустить этого и под ураганным ветром, в опасных условиях, закончили свою трудную работу. Рядом с ними все время были кинооператоры, запечатлевшие на пленке трудовой героизм советских людей.

Киноработники запечатлели еще один подвиг нефтяников Каспия — укрощение внезапно хлынувшего из не законченной бурением скважины нефтяного фонтана. Один из самых напряженных эпизодов фильма — грифон, редкое явление природы: осколки кремнистых камней вместе с газом с невероятной силой, подобно вулкану, выбрасываются со дна моря. Обычно это вызывает пожар. Именно так и случилось 25 апреля 1953 года. Выше облаков поднимались столбы черного дыма. Пламя разлилось по морю. Огонь подбирался к вышкам, к эстакаде, к резервуарам. Шесть часов длилась героическая борьба людей с огнем. Люди отстояли промысел.

В фильме засняты строители, разведчики, эксплуатационники. Зрители запомнят первого бурильщика Кaверочкина, бурового мастера Курбана Абасова, укротителя фонтанов Прокофьева. Люди сняты в повседневном труде, мы видим их перепачканными нефтью, небритыми, озабоченными. И когда рабочие промыслов, приложив ухо к трубе, напряженно ожидают выхода нефти из скважины, их волнение невольно передается и нам. Из этих отдельных портретов складывается образ коллектива — отважного морского отряда нефтяников.

Немало места отведено в киноповести о нефтяниках быту трехтысячного населения этого своеобразного острова. Здесь заботятся о людях. После трудовой вахты их ждут хорошее жилье, клуб, книги, спортплощадка. Сюда приезжают лучшие актеры Баку. Коллектив морского промысла живет жизнью всей страны. Полон глубокого смысла финал фильма, в котором показана первая демонстрация, проведенная в этом городе на море в день Первого мая.

Фильм о нефтяниках Каспия необычен и увлекателен по своему материалу. Но главная сила его воздействия — в точности жизненных наблюдений, в том, что авторы и в героике труда и в мелочах повседневного быта сумели правдиво показать черты советских людей — строителей, покорителей стихии.

Ирина **ВЕНЖЕР**

Так выглядит с воздуха один из участков дальнего промысла, «Нефтяные камни», находящийся в открытом море.

ИСПЫТАНИЕ

Рассказ

Инна ГОФФ

Рисунки В. Высоцкого.

Сирень уже отцвела, а жасмин только еще раскрыл бутоны, и его сладкий, чуть пряный запах казался самим дыханием летнего утра.

Дойдя до колонки, где молодая женщина брала воду, Устинов остановился, подождал, пока женщина наполнит ведро, и спросил, не знает ли она, где живут Виноградовы.

— А вы идите все прямо, прямо, потом в первый проулок направо сверните, там сразу увидите,— охотно отозвалась она.— Возле дома березка растет, их по этой березке все находят...

Женщина с интересом оглядела его невысокую, но крепкую, ладную фигуру, остановила взгляд на парашютном значке, привинченном к пиджаку, скользнула глазами по смуглому лицу и светлым, выгоревшим волосам. Видимо, он понравился ей, потому что она улыбнулась и сочувственно добавила:

— Вы, наверное, к Алексею Петровичу? Так ведь они уехали с первым поездом. Я корову выгоняла, и они мне попались...

Устинов почувствовал, как гулко, толчками забилось сердце.

— Оба, что ли? — спросил он охрипшим от волнения голосом.— Зина тоже?

— Нет, зачем оба! Алексей Петрович одни уехали, а Зинаида Васильевна дома. Дочку-то с кем же оставить! У них мама Алексея Петровича гостила, так теперь она к себе уехала...

Устинов уже не слушал. Сейчас он увидит ее. Какой она стала за семь лет разлуки, как встретит?

Все равно, что бы ни сказала, как бы ни встретила. Главное, она здесь, совсем близко, осталось только свернуть в переулок и найти дом с березкой...

Дойдя до поворота, он остановился на минуту. Дом ее был уже виден отсюда, с угла, бревенчатый, под зеленой крышей. У калитки росла березка, молоденькая, но с крепким, уже не гнущимся от ветра стволом, с листвой, пронизанной утренним солнцем.

Волнение Устинова достигло предела, но он шел, не ускоряя шага, внешне спокойный, привыкший скрывать свои чувства от посторонних глаз.

Возле дома никого не было видно. Устинов открыл калитку, прошел по узкой дорожке мимо смородиновых кустов, поднялся на крыльцо и очутился в просторных, светлых сенях. На сундуке в лукошке пищали и суетились, налезая друг на друга, желтые шарики — цыплята.

Он открыл дверь и вошел в комнату. На ковре возилась с кубиками девочка лет двух в красном платьице. Он не обратил внимания на нее, на то, как расширились ее и без того большие голубые глаза.

— Кто там? — послышался из соседней комнаты женский голос.

Это был ее голос. Устинов узнал его сразу и, ничего не отвечая, сделал еще шаг и еще...

Она стояла перед зеркалом и расчесывала волосы. Услышав, что кто-то вошел, она обернулась. Никогда потом она не была так похожа на ту, прежнюю Зину, как в эту первую минуту их встречи. И за одно это сходство, еще не зная, что прощает, Устинов уже простил ей все. Он подошел к ней и остановился, не зная, что сделать — поцеловать Зину или пожать ей руку, а когда она сама поцеловала его, он не испытал того счастья, которого ждал, может быть, потому, что в глубине души все время помнил, что она замужем...

И все же он был счастлив видеть ее. Ему казалось, что он хорошо помнит ее лицо, но лишь теперь, совсем близко увидев ее карие глаза, по-детски пухлые губы, нежный подбородок с ямочкой посредине, он вспомнил ее лицо заново, до мельчайших подробностей.

Он хотел поцеловать ее, но она мягко его отстранила. В дверях, держа в одной руке половинку куклы, в другой кубик, стояла девочка в красном платьице, которую он уже видел.

— Ма-а! — сказала она плаксиво; засеменив толстыми ножками к Зине, обхватила ее колени.

— Не бойся, Люсенька. Это дядя Дима, он хороший... Посмотри-ка, что у него есть.— Она подняла девочку на руки и, покраснев не то от тяжести, не то от смущения, поднесла к Устинову и показала на парашютный значок.— Видишь, как зонтичек?

Но девочка не хотела смотреть и прятала голову у матери на плече.

— Боится,— виновато сказала Зина и опустила девочку на пол.— Ты, наверно, устал... Хочешь есть? Сейчас я тебя накормлю...

То, что говорила она, было так буднично, обыденно в сравнении с тем торжественным, высоким, наполнявшим его душу, что он растерялся.

А она уже хлопотала, приводя в порядок опрятную, но еще по-утреннему не прибранную комнату. Видимо, она волновалась, потому что по нескольку раз переставляла предметы с места на место, начинала стелить постель, не кончив, хваталась за веник и вдруг, бросив выметать сор, открыла шкаф, чтобы достать чистую скатерть.

Но заметить это мог только человек, спокойно наблюдавший. Устинов же следил за ней со смешанным чувством восхищения и тревоги, старался понять, зачем это все... Зачем новая скатерть, хранившая слежавшиеся складки, зачем цветы?..

Она немного успокоилась и двигалась легко, перебегала от одного предмета к другому, и комната преображалась на глазах. На лету она задавала ему вопросы:

— Как ты попал к нам? Был в Москве? Так ведь это от нас два с половиной часа езды! — и хвалила: — Ой, какой ты молодец, что заехал!

Он слушал ее и не понимал, за что она хвалит его. Разве мог он не приехать к ней, очутившись так близко? Да ведь, если бы не подоспела эта поездка, он приехал бы к ней в отпуск за две тысячи километров, пусть только за тем, чтобы побыть с ней вместе один день. Но, думая так, он сказал вслух:

— Решил посмотреть, как живешь...— и, усмехнувшись, добавил: — Ты, я вижу, стала хозяйкой... Вот уж не думал, что из тебя в этом деле толк получится.

Это были совсем не те слова, которые он берег в душе для этого дня, но теперь он уже не мог сказать тех, береженых слов. Они и ему самому показались вдруг нелепыми, наивными, почти смешными.

Он не хотел есть, но, чтобы не обидеть ее, сел к столу. Она поставила перед ним тарелку с жареной картошкой, стакан чая.

Устинов вспомнил, что такую же тарелку, но уже пустую, и стакан с недопитым чаем приняла она со стола, когда прибирала в комнате. Подумал: «Его на клеенке, а меня на скатерти... Эх, Зиночка!..»

А она подошла к нему и робко, словно он мог запретить ей это, сказала:

— Я уложу Люсю, ладно? Она привыкла спать днем... А то будет капризничать...

— Иди, иди! — ответил он и вздохнул.

В соседней комнате слышалась возня. Детский голосок, капризный и сонный, просил:

— Пой! Ма-а, пой!..

Зина отвечала шепотом:

— Спи, маленькая, спи, солнышко!..— Потом она запела нежным, чуть вздрагивающим голосом:

Легла Люся на бочок,
Под головку кулачок,
Баюшки, баюшки...

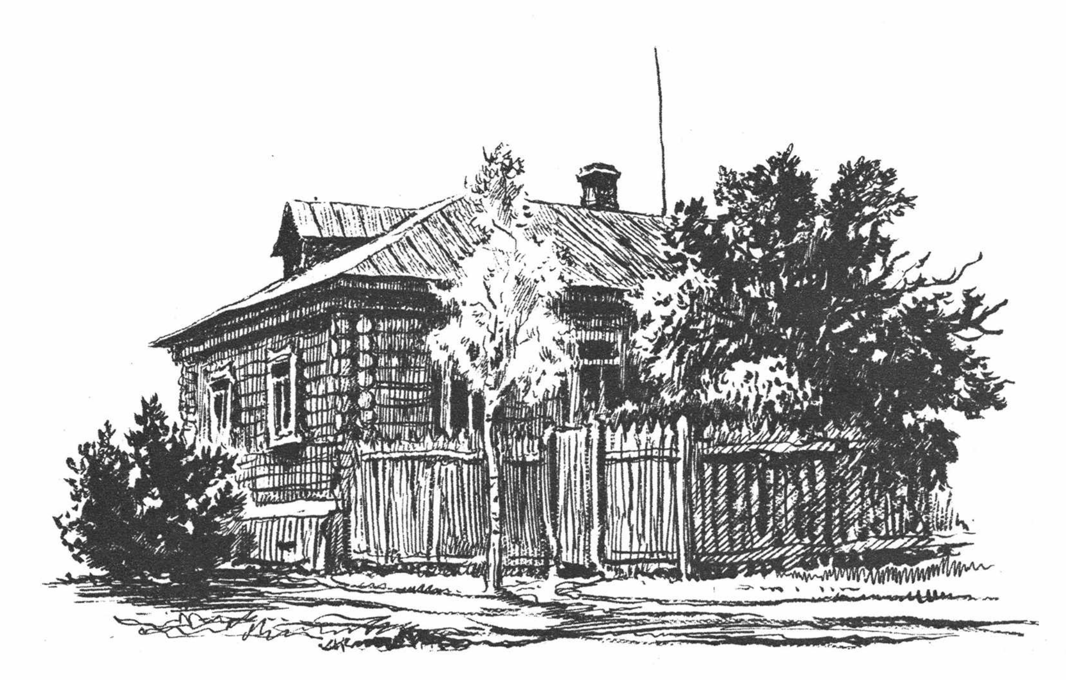
Эта возня, сонный шепот и песня почему-то напомнили ему, как в теплый летний вечер укладываются спать птицы,— тот же шелест, те же тихие, воркующие звуки, та же нежность и чистота... Он лишь теперь полностью осознал, что Зина — мать, что эта девочка в красном платьице — ее ребенок...

Вскоре песня смолкла, но Зина еще долго не выходила, и он сидел, прислушиваясь к тишине, и ревниво изучал окружающие предметы, стараясь определить по ним, как живет она здесь, счастлива ли.

На стене — карта Советского Союза, на тумбочке — глобус. Значит, Зина работает, преподает... На гвозде над кроватью — охотничье ружье, на шкафу — свернутая в трубку калька, у стены — чертежная доска. Инженер... даже, как слышал Устинов, главный инженер. Посмотреть бы, что за человек!.. На полке в углу — книги, подписные издания: Пушкин, Толстой, Горький. Стоят ровненько, как на смотру, не шелохнутся...

«Не читают их,— подумал Устинов. — А это читают...» — Он взял с подоконника растрепанный томик Пушкина, нашел близкие сердцу стихи.

Устинов знал их наизусть и чувствовал так глубоко, что иногда ему начинало казаться, будто он сам сложил эти простые, грустные слова. Но на этот раз последняя строчка не понравилась ему, — он не хотел, не мог поверить, что кто-то

мощью главного штаба, прислала ему коротенькое письмецо... В то время их десантную бригаду уже расформировали, и он служил в автобате.

Началась переписка. Зина писала ему чаще, пространней, он ей — реже, сдержанней. Зина обижалась. Она не понимала того, что его мучило. «Зина — студентка, будущий педагог, — думал он, перечитывая ее письма, наполненные Москвой, театрами, сдачей зачетов,— а я рядовой солдат, шофер...»

Война уже кончилась, и он писал ей о том, как дождь стучит о брезент палатки, о том, как машины мокнут на перегонах, и просил прислать новые песни, какие поют в Москве, и книги.

Как-то случилось, что Зина не ответила на его письмо. Можно было объяснить это тем, что письмо затерялось. Но он объяснил иначе. Переписка оборвалась. Часть перевели на другое место, изменился номер полевой почты, он не сообщил Зине свой новый адрес.

Пока служил, было легче. Временами ему казалось даже, что он уже забыл Зину. Но, вернувшись к прежней, гражданской жизни, Устинов с новой силой почувствовал, что не может забыть свою первую любовь.

Все чаще приходило желание разыскать Зину, узнать о ее судьбе. Он почти не сомневался в том, что она замужем, и когда ее мать сообщила ему об этом, Устинов не удивился. Он надеялся на встречу. Он любил ее. Теперь он имел право сказать это...

другой, пусть даже муж, может любить Зину так, как любит он.

Устинов помнил Зину пятнадцатилетней девочкой, школьницей, в платье с оборками, в белых резиновых тапочках, то мечтательно тихую, то озорную, насмешливую. Помнил город над рекой, белые майские ночи с удушливым запахом черемухи и позднее кино, когда, возвращаясь, впервые по-взрослому взял Зину под руку...

Они шли по мостовой, встречные машины обдавали их ярким светом горящих фар, и Зина смущалась, старалась вырваться, говорила: «Нас видят!»

Зина любила быть первой во всем, и это ей удавалось. Подруги ходили за ней стайкой и ловили каждое ее слово. Мальчишки чувствовали в ней равную и, влюбившись, молчали, чтобы не уронить своего достоинства перед ней. Пока они учились вместе, она, казалось, не обращала на Устинова особого внимания. Когда на фронте погиб его отец, Устинов бросил школу, ушел на завод, и они не виделись долго. А когда встретились снова, все было уже по-другому. Глаза Зины смущенно опускались, не выдержав его взгляда, Зина краснела... Может быть, в спецовке, перепачканной машинным маслом, он показался ей старше, мужественнее... Она видела в нем необычное, героическое, и любила его за это, и гордилась им — и тем, что он работает для фронта на заводе, и тем, что хранит военную тайну. Даже ей не рассказывает о заводских делах...

Потом они расстались. Его призвали в армию, Зина окончила десять классов, уехала в Москву, стала студенткой. Они потеряли друг друга из виду, и Зина сама нашла его с по-

Устинов услышал шаги и, захлопнув книгу, положил ее снова на подоконник. Зина вошла, улыбаясь, присела рядом с ним на узкий диван, вздохнула:

— Ну, вот. Дай хоть я тебя рассмотрю как следует...

Она успела уже переодеться. Платье на ней было пестрое, в оборках, оно красиво облегало ее фигуру, и Устинов только сейчас заметил, что Зина располнела и стала как будто меньше ростом. Он сказал ей об этом, и она засмеялась:

— Да, Димка... Была девочка, а теперь у самой девочка... А насчет роста ты ошибаешься, просто ты сам вырос... Ты у нас переночуешь? — спросила она вдруг и почему-то покраснела.

— Нет, я с вечерним поездом уеду,— сказал он.

— Жалко. Алеша приедет сегодня вечером.— Она встала с дивана и, выйдя в соседнюю комнату, принесла оттуда карточку.— Вот Алеша. Здесь больше всего похож... А вообще он в жизни лучше...

С карточки на Устинова смотрел еще довольно молодой человек с улыбающимся, спокойным, пожалуй, даже чересчур спокойным лицом.

— Он очень талантливый,— сказала Зина, глядя на фотографию через плечо Устинова.— Его ценят не только здесь, но и в Москве. Он наладил работу всего завода, и теперь там все время перевыполняют план...

— Ты давно замужем? — спросил Устинов.

— Давно, уже больше двух лет. Он очень хороший человек, Димка. Ты даже не представляешь, какой...

— Почему? Я представляю! — сказал Устинов и встал, попросив разрешения закурить.— За плохого ты бы не пошла, верно? За какого-нибудь там солдатика рядового с семиклассным образованием... Ты себе цену знаешь. Ну, что ж, это даже хорошо...

В его голосе звучала горькая, почти детская обида, и она, наверно, заметила это, потому что весь налет довольства слетел с нее сразу.

Она спросила негромко:

— А ты женат?

— Если б я был женат... — начал он, но комок в горле помешал ему досказать фразу. Он глотнул воздух и, помолчав, закончил:— Я бы к тебе не приехал...

Она еще ниже склонила голову. Вьющаяся прядка русых волос, свисая, покачивалась возле ее маленького уха.

— Ты тогда так странно исчез, перестал писать. Я не знала, что думать...— Она хотела добавить что-то, помолчала с минуту, попросила: — Расскажи о себе...

Он рассказывал о себе, о том, как, придя из армии, вернулся на свой завод, о том, как трудно было учиться и работать и как неловко он чувствовал себя в вечерней школе среди пятнадцатилетних ребятишек. Но зато теперь он рад, что окончил школу с отличием и может поступить в любой институт без экзаменов. Вот подал документы в машиностроительный: хочется придти на свой завод инженером...

Зина слушала его, не перебивая, но лицо ее становилось все задумчивей.

— Все это ерунда,— грубовато сказал он, вдруг прервав себя на полуслове.— Ты скажи мне... только правду, слышишь? Я хочу знать правду... Ты счастлива?

Она молчала. В открытое окно широкой струей врывалось солнце, и в свете этой струи были видны мельчайшие пылинки, танцующие в воздухе. Жужжала муха, с размаху ударяясь о верхнюю, застекленную часть окна.

— Нет, ты не молчи.— Он повернул Зину лицом к себе, стараясь заглянуть в глаза, но она отвернулась.— Молчишь? — Ему показалось, что у нее в глазах стоят слезы, и он поспешно проговорил: — Ну, ладно, молчи... Молчи...

Но она подняла глаза, слез в них уже не было, и ответила почти твердо:

— Счастлива...

Тогда он встал, отошел к окну и, стоя спиной к ней, сказал:

— Ну, что ж. Рад, если так...

За окном было все так же солнечно и зелено, перекликались петухи, где-то поблизости стучал топор и потрескивали расколотые с одного удара поленья. Заводской гудок отмечал полдень.

Устинову хотелось дождя, проливного, хорошо бы с грозой, но два белых облака, безмятежно и медленно плывущих в небе, говорили о том, что если и будет дождь, то не раньше вечера. Вконец обессилевшая муха все еще билась в верхнее стекло открытого окна.

— Ты молодец, Димка,— раздался позади него голос Зины, и прозвучал он так странно, что Устинов оглянулся. Зина сидела на диване, сложив руки на коленях и глядя прямо перед собой, словно его и не было здесь, в комнате.— Молодец... Я всегда верила, что ты добьешься многого в жизни... В тебе есть упорство...— Она перевела взгляд на него и невесело улыбнулась: — А еще мама не хотела, чтоб мы дружили... Ты этого не знаешь, я тебе не рассказывала... В кино с тобой не разрешала ходить, я тайком от нее ходила... А теперь что я? Работу бросила... Ты на глобус не смотри, я этот глобус так держу, на память, что ли... И карту тоже. Может, Люське потом пригодится...

От волнения Зина раскраснелась и, чтобы не так горели щеки, приложила к ним руки тыльной стороной ладони,— так делала она когда-то, выходя из класса, где шел экзамен.

— Алексей тоже виноват, очень легко отнесся к этому. Только и сказал: «Ничего, заработаю. Не пропадем...» Мать его у нас один месяц жила. Как заговорю с ней об этом, она сразу: «Надо же кому-то, Зиночка, в доме порядок держать. Не Алеше ведь службу

бросить!.. У него положение солидное, оклад. А ты не столько заработаешь, сколько сбережешь, если хозяйство поведешь умело...» А тут Люська появилась, в ясли отдать жалко. Вот и сижу... Огород завела от скуки, цыплят... Привыкла... А все же как первое сентября, так сердце сжимается...

Зина отвернулась к стене. Устинов испытывал острую жалость и раскаяние. Он готов был уже возненавидеть Алексея, и его мать, и себя за то, что до сих пор не решился сказать все прямо... Он подошел к ней, сел рядом.

— Что же, так и будет теперь всю жизнь?— Он заглянул ей в глаза, увидел, как дрогнули ресницы.

Она не успела ответить. Проснувшись, заплакала Люся, и Зина поспешила к ней. Плач сразу прекратился, а Устинов снова сидел один, нервно просыпая на пол табак, мял в пальцах папиросу. В соседней комнате кто-то всхлипнул,— он не понял, девочка или Зина.

Люся выспалась. Она весело лопотала что-то непонятное ему, но понятное матери. На этот раз девочка не испугалась Устинова, сама потянулась к нему. И Зина обрадовалась:

— Видишь, тогда она просто хотела спать!

Зина посадила Люсю к нему на колени и ушла варить кашу. Люся быстро освоилась. Она болтала толстыми ножками, вертела парашютный значок, а Устинов сидел, боясь пошевелиться, и вздохнул облегченно, когда в дверях появилась Зина с кастрюлькой. Повязав Люсе передник с вышитой лягушкой, Зина усадила девочку к себе на колени и стала кормить.

Устинов сразу замкнулся, стал суровей и весь остаток дня старался держаться подальше от Зины: ни разу не сел рядом, не взял за руку,— с нетерпением ждал, когда же наступит вечер и кончится наконец это тяжелое испытание.

Но долог летний день.

Они успели еще пройтись по поселку, ходили к озеру, глубокому и чистому, заросшему по краям осокой, обедали, сидели в саду возле дома. Сад был небольшой, окруженный живой изгородью — кустами акации. Здесь было множество цветов: лиловые ирисы, красные пионы, розовые садовые колокольчики. Тут же на грядках росли укроп, петрушка, зеленый лук...

— Вот так мы живем,— говорила Зина, чертя на песке палочкой и следя одновременно за тем, как Люся подбирается к цветам.— В кино ходим каждый понедельник... У нас по понедельникам меняют... Иногда в Москву ездим, но редко. Алеша, правда, часто ездит по делам... Вот телевизор купим, тогда веселей будет. Только трудно его достать...

Зина вздохнула, посмотрела на Люсю, перевела взгляд на Устинова. Ее словно удивляла и беспокоила его неожиданно возникшая отчужденная сдержанность, а он жалел ее, любил так сильно, как не любил еще никогда, но знал, что ничем уже не в силах разорвать эту скованность движений, суровую сдержанность отрывистых фраз... Он видел, как с приближением вечера Зина становится все печальней. Видимо, ее тревожило скорое расставание, и было неловко за недавнюю откровенность. И она говорила о себе, об Алеше — талантливом и хорошем человеке, о том, как он любит ее и как любит дочку... И вдруг, хоть он и не спрашивал ее больше об этом, сказала, словно убеждая себя:

— Нет, я счастлива, Дима. Я очень счастлива...

Вечером, спрятав цыплят в чулан и отведя Люсю к соседке, Зина пошла на станцию провожать Устинова. Солнце уже садилось. Небо на горизонте было золотисто-красное, светлое, а прямо над головой висели клочковатые, лиловые от заката тучи. Низко, почти касаясь земли, с тревожным писком носились ласточки.

На маленькой станции было пустынно, несколько человек ждало поезда, сидя на скамьях под навесом.

Стал накрапывать дождь. Еще раньше, чем первая капля упала ему на лицо, Устинов увидел, как на кустах калины, растущих вдоль ограды, дернулся сперва один лист, за ним другой, третий...

— Ты бы пошла,— сказал Устинов.

Зина напряженно вглядывалась вдаль, туда, где за хвойным лесом исчезало железнодорожное полотно.

— Нет, все равно... Я подожду Алешу. Его поезд придет через двадцать минут...— Она пристально поглядела на Устинова и задумчиво, как бы себе самой, сказала: — Зачем ты приехал? Как все хорошо было!

Он молча смотрел на Зину. От дождя ее лицо порозовело, прядка волос прилипла ко лбу, с нее струйкой стекала вода.

— Идет! — услышал он и словно очнулся.

Поезда еще не было видно, но над лесом быстро двигался белый дым.

Вскоре из-за леса вынырнул поезд, издали он казался маленьким, игрушечным. Но вот он приблизился и, будто нехотя, вздыхая и охая, остановился.

— Не садись в первый,— сказала Зина.— Там дымно...

— Ничего, зато можно курить...

Поезд тронулся. Устинов не спеша стал на нижнюю ступеньку уже медленно плывущего вагона, поднял руку, улыбнулся. Зина кивнула ему в ответ. Ее лицо было спокойно, руки крепко сжаты. Устинов поднялся на площадку вагона и, стоя в дверях, смотрел, как сначала медленно, потом все быстрее уплывает маленькая станция. Вот она скрылась из глаз, вот снова показалась, и Устинов в последний раз увидел Зину.

Она стояла на том же месте, не двигаясь. Ее лица уже нельзя было разглядеть, и Устинов не мог понять, все ли еще она провожает его или уже встречает мужа.

Вдумчивый мастер

Десять лет тому назад в Москве после тяжелой болезни скончался замечательный советский писатель Юрий Николаевич Тынянов. Его имя и его книги известны десяткам и сотням тысяч наших читателей.

Три романа Тынянова: «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и «Пушкин» — связаны между собою изображением пушкинской эпохи, общностью в трактовке исторической темы. Это романы о становлении русской культуры в двадцатых годах прошлого века, в годы национального подъема после грозы двенадцатого года; это рассказ о том, как среди дворянской молодежи того времени росло движение, приведшее к декабристскому восстанию. Главные действующие лица романов Тынянова — поэты Кюхельбекер, Грибоедов, наконец, великий Пушкин. Но справедливее сказать, что все три романа Тынянова посвящены Пушкину, солнцу русской поэзии, посвящены раскрытию роли Пушкина в истории нашей культуры.

Тынянов был тончайшим знатоком прошлого. По намекам забытых мемуаров, по никому не известным архивным документам он умел восстановить живые, полные психологической правды, движения и страсти картины былого. В этом было высокое и трудное искусство писателя.

Тынянов заставил читателя полюбить нескладного, несчастного и благородного Кюхлю (Кюхельбекера), с тревогой следить за судьбой поэта и государственного деятеля Грибоедова, чрезвычайного посла в Иране, охваченном международными интригами. Но с еще большей властностью привел нас писатель к колыбели Пушкина. Ему здесь помогло все: и знание души человеческой, и тонкий юмор, и тонкая наблюдательность; ожили знакомые по биографии Пушкина его мать, отец, дядя — поэт Василий Львович; с особой силой показана фигура крепостной няни Пушкина знаменитой Арины Родионовны, еще молодой тогда — в годы детства и отрочества ее питомца. Тынянов дал нам в своем романе возможность увидеть, как из ребенка вырастал гений.

Благодаря неослабному вниманию автора ко всем подробностям жизни и роста героя его роман должен был разрастись в многотомную эпопею. К несчастью, этот труд остался незавершенным. Смерть его оборвала. Но уже будучи тяжко больным, в суровые дни ленинградской блокады, прикованный к постели, Тынянов продолжал свой роман. Последние написанные главы, посвященные послелицейскому периоду, расцвету пушкинской юности, работе над «Русланом и Людмилой», особенно настойчиво, с особой силой говорят о том, как росло и крепло в молодом Пушкине чувство национальной гордости, чувство связи с родным народом.

Кроме художественной прозы, Тынянов оставил значительное число литературоведческих работ.

Это был очень своеобразный и глубокий ум. Те, кто знал его лично, никогда не забудут Юрия Николаевича как увлекательного собеседника, раскрывающего перед своим слушателем яркие страницы прошлого, часто непосредственно связанные с живой современностью.

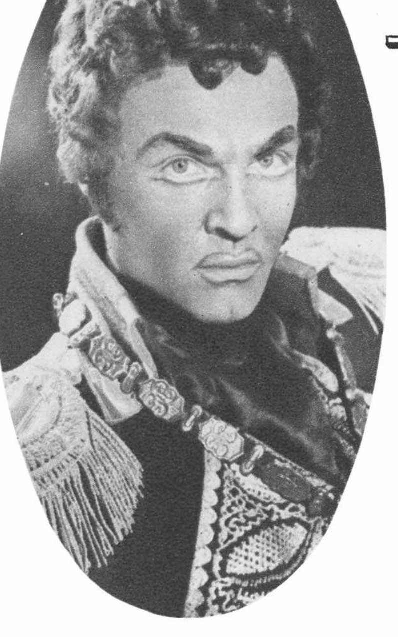
П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ГАИТИ

Спектакль Московского театра драмы и комедии

Л. СЛАВИН

Фото М. Демиховского.

Анри Кристоф — Г. Поклонский.

Туссен-Лувертюр — Л. Князев.

В гербе республики Гаити фригийский колпак — символическое изображение свободы,— унаследованный от революционной Франции 1789 года. И это, кажется, все, что осталось в Гаити от демократических свобод. Гаитянское крестьянство обезземелено. Негры, арендаторы и батраки влачат полурабское существование. Власть находится в руках кучки крупных дельцов, тесно связанных с американским капиталом. Гаити наших дней фактически является колонией Соединенных Штатов Америки.

Но во времена, описанные в пьесе Уильяма Дюбуа «Гаити», эта маленькая негритянская республика сумела завоевать национальную независимость.

Воодушевленные идеями французской революции, гаитяне восстали против своих угнетателей.

То было в начале прошлого столетия. Народ Гаити изнывал под пятой французских колонизаторов. Королевский «Черный кодекс» различал три вида имущества: движимое, недвижимое и самодвижущееся, то есть рабов. Беглый негр рассматривался как вор, укравший у помещика рабочую силу. Он вор, он же и краденое имущество. Королевские юристы не затруднялись этим противоречием.

...Во Франции уже утвердился тиранический режим Наполеона, а в восставшей французской колонии Гаити восторжествовало народно-освободительное движение. Один из персонажей пьесы, негритянский генерал Кристоф, восклицает:

— Какое мне дело до Бонапарта! Конвент дал нам свободу еще десять лет назад. Робеспьер сказал: «Все способы владения одного человека другим и все способы торговли людьми незаконны и противоестественны».

Пьеса Уильяма Дюбуа начинается в тот момент, когда на острове Гаити высаживается экспедиционная армия генерала Леклерка. Интервенты думали, что это будет увеселительная морская прогулка. Но вместо скопища рабов их встретила крепкая армия, воодушевленная идеями свободы, закаленная в боях с испанскими и английскими захватчиками.

Войска Леклерка были разбиты и изгнаны из Гаити. Это поражение наполеоновской армии, хотя о нем и мало известно, было таким же решительным, как и широко известное поражение Наполеона в Испании. Как и там, война в Гаити с наполеоновскими захватчиками носила общенародный характер.

Уильяму Дюбуа сейчас 85 лет. Член Всемирного Совета Мира, лауреат Международной премии мира, крупный историк, социолог и антрополог, доктор Дюбуа известен и как писатель. Большинство его произведений посвящено судьбам родного негритянского народа. Полная страсти и мужества пьеса «Гаити» написана им в 1938 году.

Московский театр драмы и комедии заслуживает всяческого одобрения за выбор этой пьесы, проникнутой благородным духом борьбы за равноправие наций. В пьесе изображены события, происходившие полтораста лет назад, но «Гаити» воспринимается как остро современное произведение. Освобождение от колониального рабства составляет содержание и той борьбы, которую в наши дни ведут народы Вьетнама, Малайи против британских, французских, американских колонизаторов.

В пьесе Дюбуа наряду с персонажами, являющимися плодом творческой фантазии автора, действуют и подлинные исторические лица. События, которые могут показаться поэтическим вымыслом, например, пожар столицы, или бегство генерала Кристофа с бала, или безумно смелое проникновение Кристофа во французскую штаб-квартиру через потайной ход, являются исторически подлинными.

В Московском театре драмы и комедии пьеса «Гаити» (перевод Е. Голышевой и Б. Изакова) в постановке И. Анненского получила верное и интересное воплощение. Выразительно передан романтический и мужественный дух пьесы. Ее образы, за исключением некоторых частностей, решены правильно. Мизансцены естественны и живописны, а некоторые просто превосходны, например, в том напряженно-драматическом эпизоде, когда французские солдаты приводят полковника Жака, переодетого дворецким (2-я картина).

Полковник армии Гаити Жак — наиболее глубокий образ пьесы. Человек с суровым и нежным сердцем, страстный патриот, он проникает в логово врага под маской дворецкого в доме Леклерка, возглавляя разведку революционных войск.

Исполнение артистом Л. Вейцлером роли Жака составляет одну из значительных удач спектакля.

В первой картине генерал Кристоф (Г. Поклонский), говоря об интервентах, восклицает, обращаясь к Жаку:

— ...Кто может их ненавидеть больше, чем ты?

И Жак в ответ говорит всего одно слово, негромким, глуховатым голосом. Он неподвижен, но тем явственнее вы ощущаете, какой вулкан ненависти бушует в его душе. Он говорит:

— Никто.

Одно это слово стоит монолога.

Оба революционных вожака одушевлены одними и теми же благородными стремлениями, но какой контраст между внешне невозмутимым Жаком и шумным, порывистым Кристофом!

Поклонский хорошо передает не только пылкость Кристофа, но и его непосредственность, доходящую почти до наивности, постоянную увлеченность молодого негра в генеральском мундире.

Поэтому не может не вызвать протеста явное позирование Кристофа в начале спектакля, когда молодой генерал картинно опускается на ступени, и в сцене фехтования (3-я картина), которая выглядит по-оперному эффектно. Кстати сказать, такой сцены вообще нет в пьесе Дюбуа.

Бывший конюх помещика Бреда, «негритянский Спартак» генерал Туссен-Лувертюр (Л. Князев), за которым Наполеон признавал крупное военное дарование, в пьесе Дюбуа — лицо эпизодическое. Туссен появляется всего лишь два раза.

Туссен жертвует собой, чтобы спасти родной народ. К этому времени, к моменту высадки генерала Леклерка, негритянские вожди уже знали цену лживым обещаниям Наполеона. Но народ Гаити еще сохранял иллюзии. Сцена, когда Туссен решает отдаться в руки врага,— одна из наиболее сильных и трогательных в пьесе.

— Нам трудно,— говорит Туссен,— собирать людей на эту войну. Они ведь помнят Францию Робеспьера и Марата... А если французы захватят меня, они сразу разоблачат свои намерения и покажут людям Гаити, чего стóят все их посулы... А я просто старый негр. И я готов умереть за мой народ...

Он передает шпагу и звание главнокомандующего своему другу и помощнику Кристофу с великолепной по энергической краткости репликой:

— Теперь это твоя война.

Артисту Л. Князеву в общем удалось соединение глубокой человечности, мягкости с непоколебимой силой воли, столь характерное для Туссена, которого народ называл своим отцом.

Образ циничного и жестокого полковника Буше удачно воплощен С. Бардиным в согласии с характеристикой автора: «Нечто среднее между Талейраном и Фуше».

Неровен Леклерк в изображении В. Кабатченко. Он хорош во 2-й картине — напыщенный, галантный царедворец и одновременно грубый солдафон. Но верно взятый тон в дальнейшем искажается, образ становится порой неврастеничным.

Излишне шаржирован, на мой взгляд, сержант Буль (Г. Ронинсон). В пьесе «Гаити» нет шаржа. Он привнесен театром незаконно.

Оформление спектакля (художник М. Виноградов) точно воспроизводит замысел автора. Очень удачна музыка В. Мурадели: композитор добился ее полного слияния со спектаклем. Музыка несет мысль пьесы, ее дух. Но и тут одно исключение, в котором, впрочем, композитор нисколько не повинен. Генерал Леклерк, допрашивая с пристрастием Жака и Одетту, начинает вдруг по прихоти постановщика играть на клавесинах. Это лишает один из самых патетических эпизодов пьесы жизненной правды, сообщает ему дурной привкус.

Зритель горячо принимает спектакль. Это понятно: в самой пьесе есть большая притягательность. «Гаити» — из ряда никогда не стареющих романтических пьес.

Слова Кристофа о том, что народная война гаитян — это война «за право быть человеком», или другая его реплика: «Свобода не может погибнуть, пока люди готовы умереть за нее!» — вызывают восторженные аплодисменты всего зала.

Спектакль, хотя и не лишенный ошибок, сделан не равнодушной рукой и поэтому волнует.

П. П. Смукрович. ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ.

Дипломные работы

В залах Академии художеств СССР выставлены дипломные работы студентов художественных вузов страны. Молодые живописцы, скульпторы, графики, театральные декораторы посвятили большинство работ различным темам современности.

О событиях Великой Отечественной войны, о развернувшемся строительстве, о жизни социалистической деревни, а главное, о наших людях рассказывает искусство начинающих художников.

Студент Киевского государственного художественного института Евгений Харитоненко представил на выставку картину «Электросварщица». Это портрет молодой работницы. У нее ясный, смелый взгляд, волевой характер. Автор умело находит живописное решение, но композиционно произведение Харитоненко несколько статично. Напрасно художник заставил девушку принять такую позу: она и не отдыхает и не работает. Хорошо, что художник старается обогатить, дополнить характеристику героини, показывая ее в рабочей обстановке, на фоне индустриального пейзажа. Но это все только фон. Насколько глубже сумел бы раскрыть живописец внутренний мир девушки, если бы показал ее активно действующей рядом с ее товарищами,— в этом было бы больше жизненной правды, а следовательно, и подлинной художественности.

Тепло, лирично рассказал в своей дипломной работе «За боевые заслуги» студент Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры Петр Смукрович о партизанах Отечественной войны.

...Сын полка получает заслуженную в боях награду. С гордостью смотрят партизаны на своего маленького однополчанина. Любовью к людям согрета картина. Темновато-серый колорит подчеркивает суровость обстановки, но нисколько не разрушает общий оптимистический тон картины. Художник сумел создать яркие характеры героев. Удачен образ мальчика. На обаятельном озорном детском лице расплылась счастливая улыбка. Он восторженно смотрит на свою награду, неловко и смущенно отвечает на рукопожатие командира.

Зимний пейзаж написан Смукровичем с профессиональным мастерством.

Много надо еще учиться выпускникам художественных институтов. Но их первые самостоятельные шаги в искусстве говорят о том, что они стоят на верном творческом пути.

Т. Троицкая

ХОККЕЙ—САМАЯ БЫСТРАЯ ИГРА

Московский стадион «Динамо» в день хоккейного состязания.

Всеволод БОБРОВ,
заслуженный мастер спорта

Фото А. Бочинина и Н. Волкова.

Морозный вечер. Сумерки спустились на заснеженный стадион. И вдруг ярко вспыхивают мощные прожекторы, освещая переполненные зрителями трибуны. Под ударами световых лучей заблестел, засверкал лед хоккейного поля, и тут же на небольшую площадку, огороженную высокими прочными бортами, выехали три десятка хоккеистов. Они разом заполнили ледяной прямоугольник, стремительно передвигаясь, ловко орудуя легкими деревянными клюшками, борясь за маленькую литую резиновую шайбу.

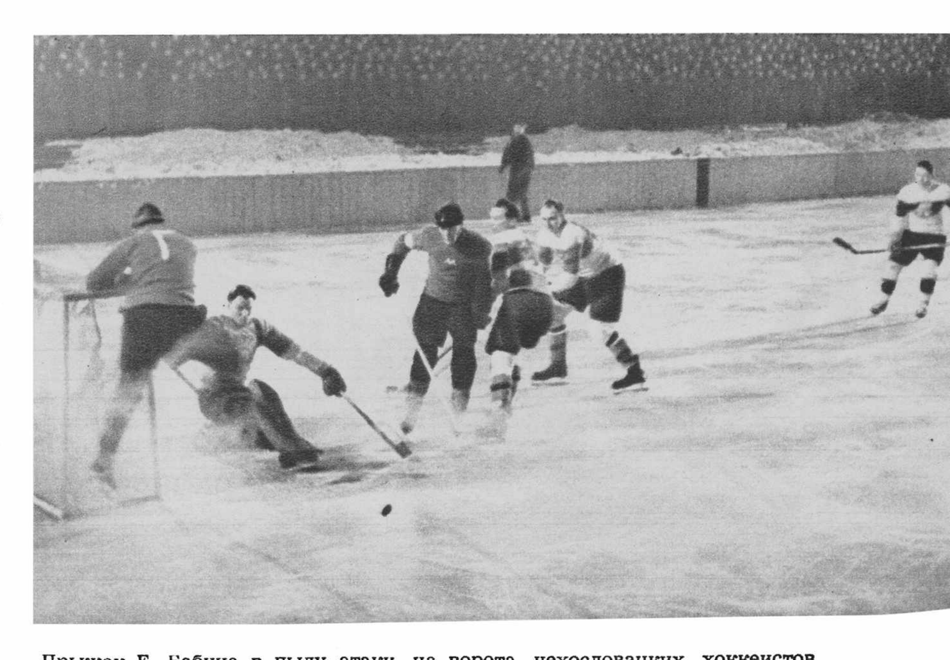
Как же можно вести борьбу на таком небольшом «пятачке»? Да, всем тридцати хоккеистам это было бы невозможно, но сейчас идет только разминка, вступление к игре. Когда же на лед выезжают двое судей, когда звучит в морозном воздухе протяжный свисток, на площадке остаются только двенадцать игроков. Они начинают борьбу, остальные ждут своей очереди на скамейках запасных. Ждать им придется недолго. Пройдет немного времени — и «пятерки» будут сменены. Темп хоккея так высок, что даже самые неутомимые, самые опытные спортсмены выдерживают его только в течение двух — трех минут!

Ни секунды покоя не знает эта игра, в ней нет спадов: маленькая шайба то и дело перелетает от одного игрока к другому с такой скоростью, что не всегда возможно уследить за ней. Не менее стремительны движения спортсменов. Они ведут борьбу на скорости 40 километров в час. Головокружительный темп — таково первое впечатление от хоккея с шайбой. По быстроте и стремительности хоккей значительно превосходит все другие спортивные игры.

Много раз приходилось мне участвовать в состязаниях на льду, и никогда я не переставал поражаться тому, что хоккеистам удается создавать на поле при столь поразительной быстроте хитроумные комбинации. Они проводят на самом стремительном ходу точные передачи, молниеносно «обрабатывают» шайбу и, преодолевая сопротивление противников, осуществляют меткие броски по воротам.

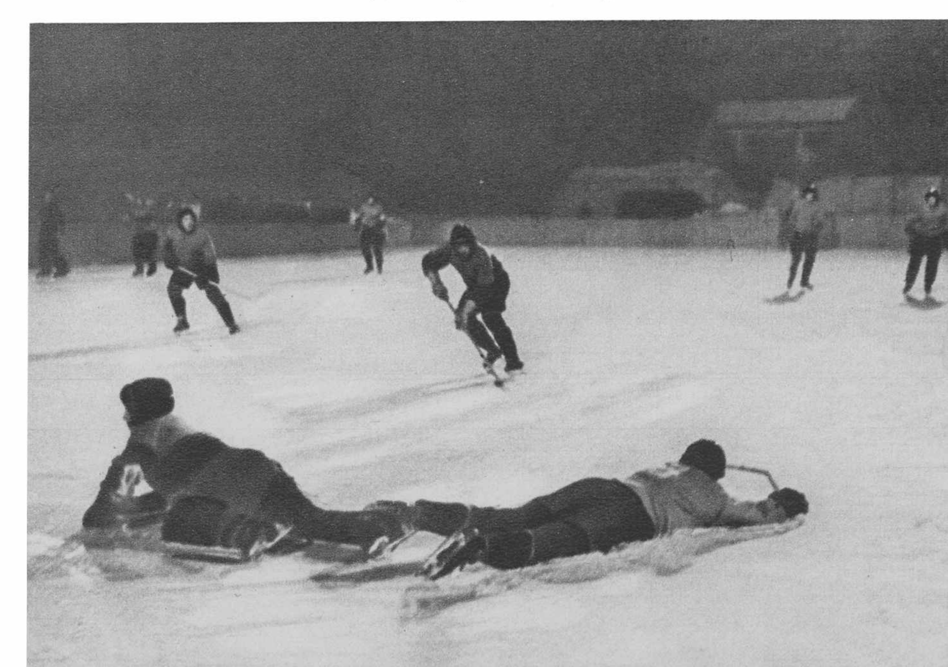
Мы восхищаемся бегом конькобежца на дистанцию 500 метров. Действительно, прекрасно зрелище несущегося по ледяной дорожке спортсмена! В хоккее такой темп удерживает не один человек, а команда, и движется она не по прямой линии, а преодолевая встречный напор, мгновенно меняя направление, то развивая предельную скорость, то внезапно останавливаясь. Игроки вертятся волчком, бросаются из стороны в сторону, и только высокие борта хоккейной площадки удерживают их в установленных правилами границах спортивного поля. Темп в хоккее — это скорость, помноженная на мастерство.

В вихре атаки, на лету, хоккеисты должны понимать друг друга. Что же удивительного в том, что «пятерки» так быстро сменяются? Хоккейное состязание длится час, но это не астрономический час, а шестьдесят минут «чистого времени». В него не входят перерывы и остановки, и для того, чтобы выдержать напряжение долгой борьбы, команда должна иметь три полноценных состава защитников и нападающих. Каждая «пятерка» — отлично сыгранный коллектив, состоящий из двух защитников и трех нападающих (вратарь, не имеющий столь большой физической нагрузки, сменяется лишь в редких случаях).

Прыжок Е. Бабича в пылу атаки на ворота чехословацких хоккеистов В. Бобров (в центре) готов к тому, чтобы забросить шайбу.

На большой скорости случаются и падения.

Е. М. Харитоненко. ЭЛЕКТРОСВАРЩИЦА.
Вторая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР, выпуск 1953 года.

Нет двух «пятерок», которые были бы похожи друг на друга. Каждая имеет свой особый характер, свои отличительные черты. Вот первая «пятерка» сборной команды Москвы, выступавшей недавно на стадионах Берлина и Праги. В нее входят лучшие игроки страны.

Защитники Александр Виноградов и Павел Жибуртович — рослые, сильные спортсмены. Тому, кто не обладает большой физической силой, в защите делать нечего: ведь хоккейные правила разрешают силовые приемы, блокировку, толчки корпусом. Не так-то просто остановить атакующий вал, несущийся на тебя с огромной скоростью.

Александр Виноградов — один из самых опытных игроков, хорошо владеющий всеми приемами блокировки, смело действующий в самые острые моменты схватки. Павел Жибуртович — молодой хоккеист, обладающий исключительной реакцией, — то, чего недостает Виноградову. Эти два человека отлично дополняют друг друга: они вдвоем имеют все качества, необходимые для высококлассной защиты.

Крайние нападающие Евгений Бабич и Юрий Пантюхов также сочетают опыт с задором молодости. Бабич — старейший наш хоккеист. У него прекрасное умение видеть поле. Пантюхова еще мало знают любители хоккея: в ведущей «пятерке» сборной столицы он выступает впервые. Но этот молодой спортсмен исключительно удачно дополняет Бабича своей азартной, неутомимой игрой, большим напором в атаках.

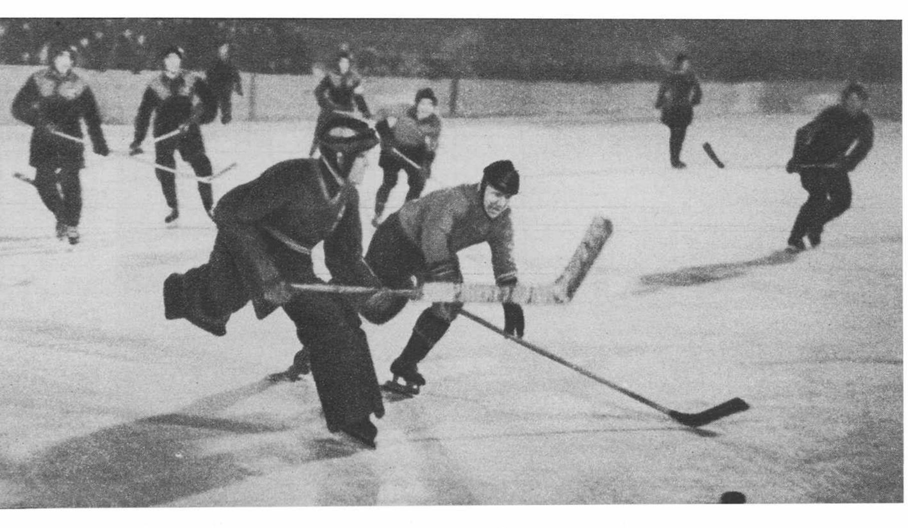
Центрального нападающего Виктора Шувалова можно назвать душой команды. Он умеет организовать игру и в атаке и в обороне. Рослый, спокойный, отчего кажется даже слегка медлительным, Шувалов и не стремится часто прорываться к воротам, умело действуя в центре площадки, направляя отсюда прорывы своих товарищей. И все же именно Шувалов — самый результативный игрок команды: обладая точным броском с хода, он часто неожиданно направляет шайбу в ворота из самых трудных положений.

Итак, перед нами пять хоккеистов, разных по стилю, по своим спортивным качествам. И все же у всех у них есть одна общая черта характера — смелость, бесстрашие. Без этого играть в хоккей нельзя. Я не ошибусь, если скажу, что хоккей так же не любит трусливых игроков, как не терпит тихоходов. Мне надолго запомнилась шайба, заброшенная Евгением Бабичем в состязании между командами ЦДСА и «Динамо» (Москва) в 1951 году. Бабич на огромной скорости шел к воротам противника. Рядом с ним следовал защитник. Кто первый подхватит шайбу? Казалось, что динамовский игрок в лучшей позиции. Невдалеке ворота и плотно сбитая деревянная стенка. Идти на большой скорости опасно, но Бабича это не остановило. Устремившись вперед, он успел ударить по шайбе и, пролетев за ворота, врезался в борт. Этот гол принес победу команде армейцев.

Хоккейный сезон уже в разгаре. Девять лучших команд страны начинают второй круг в борьбе за звание чемпиона СССР. Наряду с известными коллективами ЦДСА, «Динамо», «Зенита» успешно выступают молодые команды: клуб имени Карла Маркса (город Электросталь, Московской области), Ленинградский Дом офицера, «Авангард» (Челябинск). В каждой команде много молодых спортсменов. Быстрый рост новых способных игроков — залог дальнейших успехов советского хоккея.

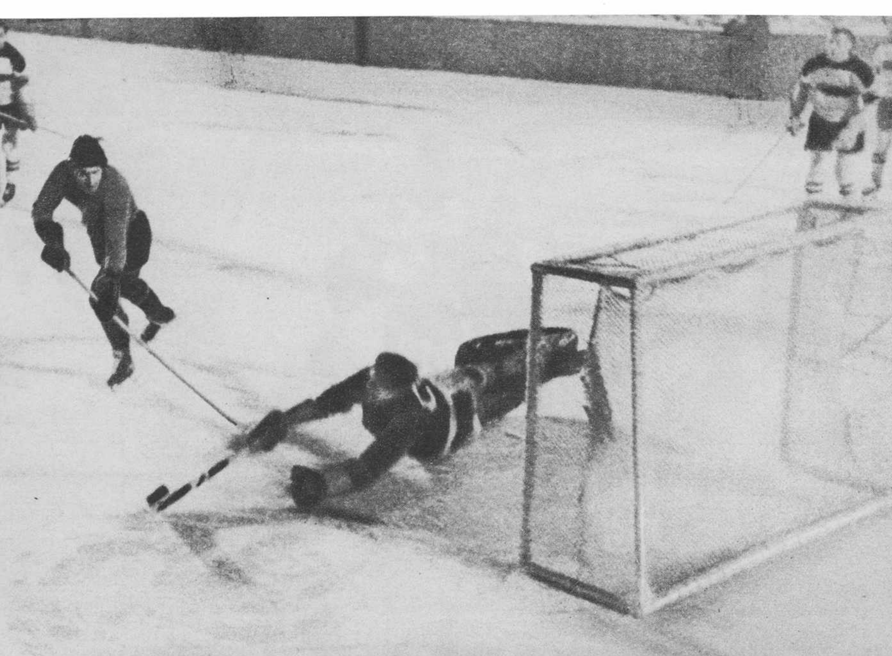
Всего семь лет прошло с тех пор, как были проведены первые состязания в хоккей с шайбой. За этот небольшой срок наши команды оказались в числе сильнейших в Европе. Уже в 1948 году нам удалось успешно сыграть с чехословацкими хоккеистами, которые издавна славятся своим мастерством. В последующие годы проведен ряд международных встреч с чехословаками, норвежцами, поляками, командами Германской Демократической Республики, и неизменно советские хоккеисты добивались победы.

Да, хоккей с шайбой — увлекательное спортивное зрелище. Немало волнений мы, хоккеисты, доставляем зрителям, которые, несмотря на зимнюю стужу, до отказа заполняют трибуны стадионов. Но и сами хоккеисты волнуются не меньше болельщиков. Стоит нам взять в руки легкие деревянные клюшки, увидеть на зеркальном льду черный кружок шайбы — и кровь уже играет в жилах. Не скрою, я люблю хоккей даже больше футбола и с радостью слежу за успехами моих молодых соратников и противников по самой быстрой, самой темпераментной спортивной игре.

Вратарь московского «Зенита» Б. Запрягаев опрометчиво вышел вперед, и теперь ему приходится защищать ворота в необычной позиции.

Нападающий сборной Москвы В. Шувалов стремительно прошел к воротам польской команды. Бросок вратаря уже не может помочь.

Борьба за шайбу.

Первые русские календари

Первые печатные календари появились в России в начале XVIII века. Старейшим считается напечатанный в 1708 году в Москве «Календарь или месяцеслов христианский» на 1709 год. Это книжечка в 16 страниц малого формата. Кроме чисто календарных сведений, в ней напечатана хронология: число лет, прошедших «от сотворения мира», «от Ноева потопа», «от начатия четырех монархий — вавилонской, персидской, греческой, римской...» Кончается хронология указанием, сколько лет прошло от начала царствования Петра I. Затем следуют статьи о солнечных затмениях, о новом годе у разных народов и астрологические предсказания о войнах, урожаях, болезнях. Заканчивается календарь указанием чисел, в которые больным следует пускать кровь.

В 1709 году вышел гравированный календарь, известный под названием «Календарь Брюса». В действительности он, как на нем и обозначено, составлен «тщанием библиотекаря Василия Киприянова», а Я. В. Брюс, известный деятель петровской эпохи, прославивший в народе колдуном и чернокнижником, только «надзирал» за изданием. «Брюсов календарь» приобрел широкую популярность астрологическими предсказаниями, а также тем, что всеми его вычислениями можно было пользоваться в течение многих лет, так что купивший его мог долго не приобретать нового. Предсказания в календаре касаются погоды, болезней, разных сельскохозяйственных работ; указываются дни, когда следует «мытися в мыльне и платье кроить, брады брить, чтоб не скоро вырастали, рыбы ловити, детей в училище отдать, чтоб были зело учены», и т. п.

Календари ежегодно издавались в Москве, а затем в Петербурге.

В 1728 году исключительное право издания календарей было предоставлено Академии наук. Деньги, вырученные от продажи календарей, шли на покупку спирта и камфары для сохранения коллекций разных монстров и чучел зверей в Кунсткамере. Составители первых, вполне научных академических календарей, считаясь с требованиями читателей, печатали в них разные предсказания, сопровождая их всякими оговорками, подчеркивая, что помещают их для забавы. Только с 1766 года в академических календарях исчезли указания дней, в которые следовало стричь волосы, рубить лес, пускать кровь, но предсказания погоды печатались до 1804 года.

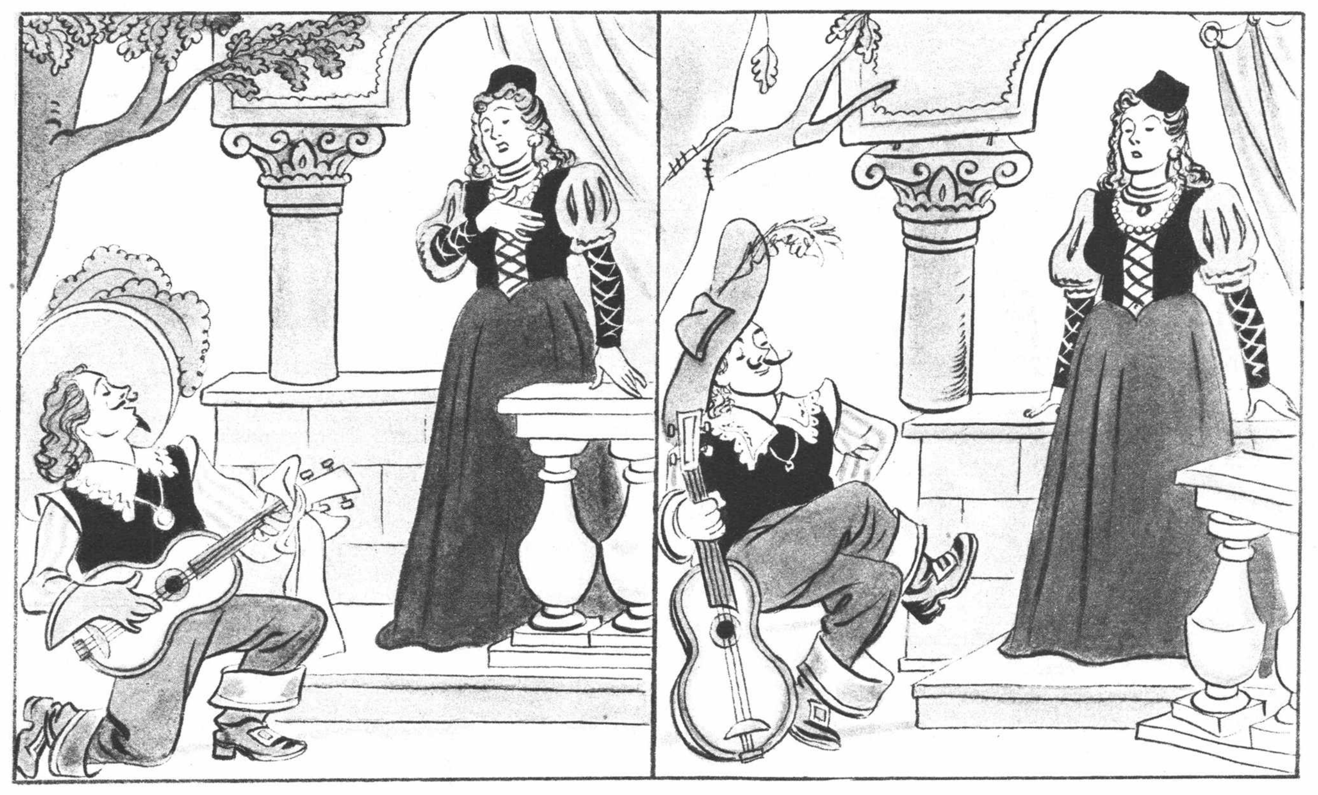
Несмотря на то, что особыми указами было велено покупать только академические календари, вначале они расходились плохо. С ними соперничали листовые гравированные календари и переиздания «Календаря Брюса», которые еще в начале XIX века печатали издатели-лубочники.

Монополия Академии наук на издание календарей была отменена в 1865 году. С этого времени появились разные календари частных издателей. В 1866 году вышел первый дешевый народный календарь, изданный в Москве, и стенной отрывной — в Петербурге. Как отзвук далекой старины, во многих отрывных календарях долгое время печатались нелепые предсказания погоды.

Н. АШУКИН

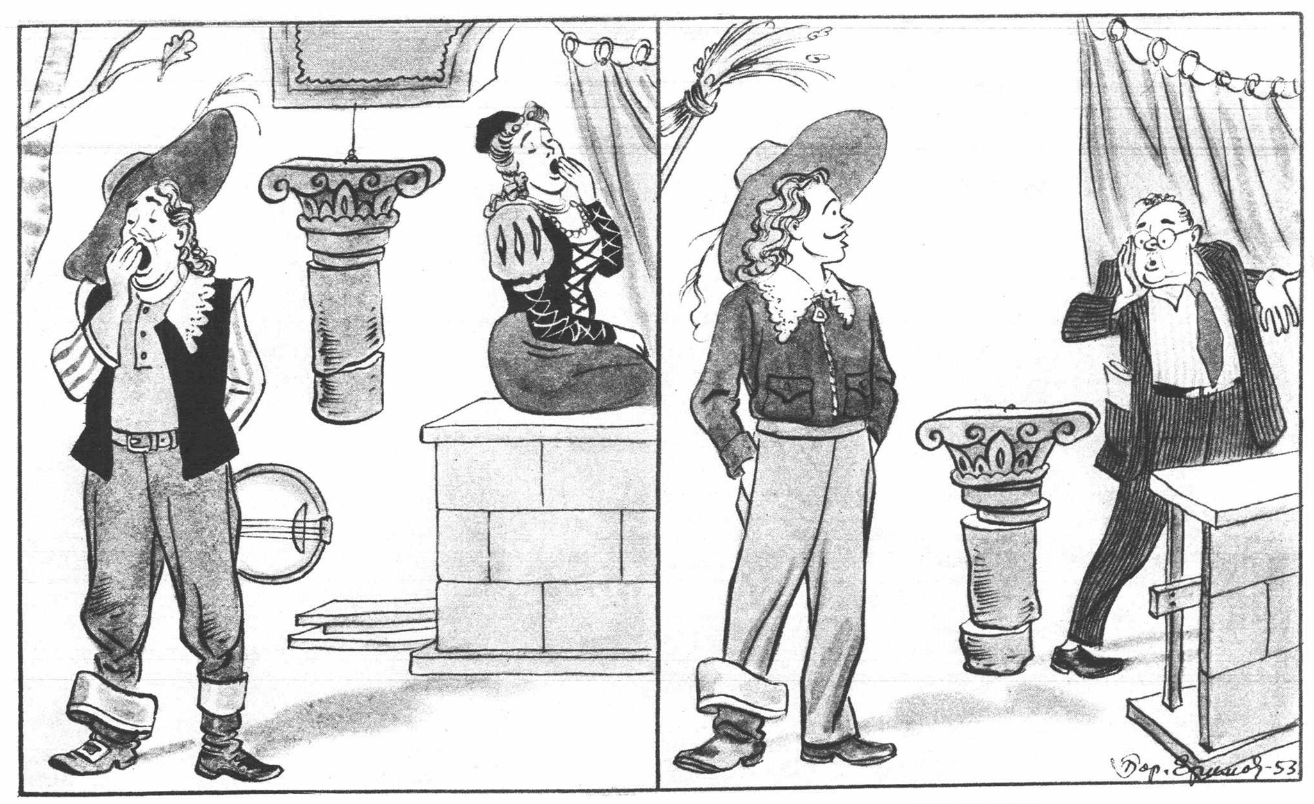
История не одного спектакля

Рисунки Бор. Ефимова.

НА ПРЕМЬЕРЕ.

ТА ЖЕ СЦЕНА НА ДЕСЯТОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ.

НА ДВАДЦАТОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ.

ЧЕРЕЗ ГОД.

Необыкновенный маскарад

В доме Толстых в Хамовниках в 1891 году встретились два Льва Николаевича Толстых. Несмотря на поражающее сходство, один из них был, конечно, не настоящий. При этой встрече присутствовали очень похожие, но тоже не настоящие И. Е. Репин, А. Г. Рубинштейн, виолончелист А. А. Брандуков, известный московский доктор, профессор Г. А. Захарьин...

Произошло это так. При пробах грима на генеральной репетиции «Плодов просвещения» в Ясной Поляне актер В. М. Лопатин, игравший третьего мужика, примерил широкую седую бороду и неожиданно для присутствующих стал очень похож на Льва Толстого. Участники спектакля вспомнили об этом два года спустя, когда задумали на «святках» устроить в Москве у Толстых костюмированный вечер.

От Льва Николаевича всю эту затею держали в секрете. Гримировал участников необычного маскарада художник своего дела Я. И. Гремиславский, впоследствии гример Художественного театра.

Когда наступил назначенный вечер и к Толстым начали съезжаться гости, участники маскарада появились в зале. Вошли мнимые Рубинштейн и Брандуков, за ними — Захарьин и Репин. Двойник Толстого вошел последним. Появление второго Льва Николаевича вызвало среди присутствующих вначале смущение, но вскоре оно сменилось шумным одобрением.

Вот что рассказывает об этом В. М. Лопатин, который был загримирован под Льва Толстого:

«Одевшись в блузу Льва Николаевича, надев его пояс и засунув руки за пояс, я со всей компанией отправился в залу... Под шум аплодисментов я подошел ко Льву Николаевичу. Он подал мне руку. И вот, под общий громкий смех, общие аплодисменты и визг детей, два Льва Толстых жали друг другу руки. Сам Лев Николаевич разразился заразительным смехом и с добродушным любопытством начал осматривать меня.

— Блузу-то откуда вы взяли? — спросил он.

— Тайно похитили у вас...

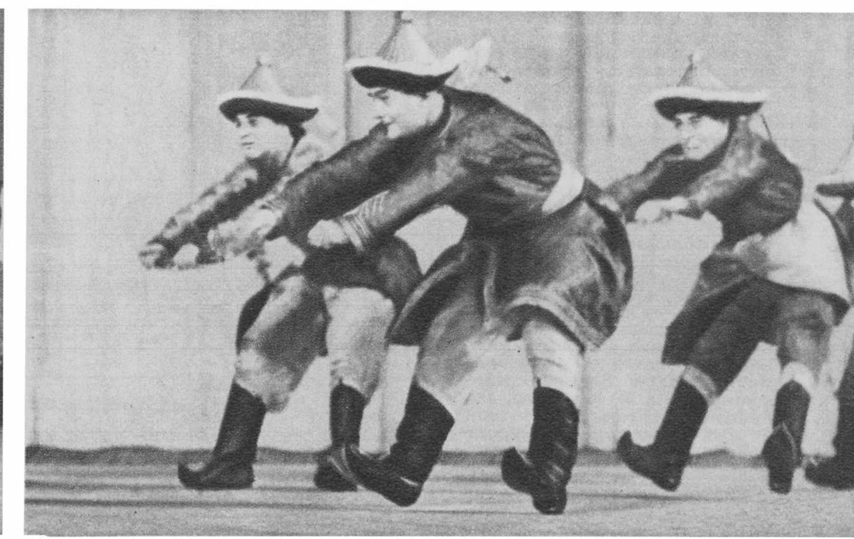
...Грим оказался настолько правдоподобным, что когда начали приезжать группы ряженых, а я стоял у лестницы и встречал приезжавших, то маски... отдавали мне самый почтительный поклон, очевидно, принимая меня за подлинного Льва Николаевича... И надо было видеть крайнее недоумение, когда гости тут же следом встречали другого Льва Николаевича».

Б. АЛЕКСЕЕВ

Чешская сюита.

Албанский танец «Зерчан».

Румынский танец «Бриул».

Танец из болгарской сюиты.

Монгольский танец наездников.

Корейский танец с мечами.

„Мир и дружба"

Новая программа Государственного ансамбля народного танца СССР

В. СУХОВ

Фото О. Кнорринга.

Если бы какой-нибудь досужий статистик сделал опись всех ансамблей, кружков, курсов, где люди учатся танцам, совершенствуются в них, выяснились бы потрясающие цифры: с восторгом и упоением, с умением и талантом танцуют в нашей стране миллионы людей. И не мудрено: счастливой и радостной стала наша жизнь, и где же, как не в танце, выразить свою радость и силу, свою бодрость и удаль!

Государственный ансамбль народного танца СССР давно стал собирателем лучших сокровищ, созданных советскими людьми в новой по духу и стилю танцевальной культуре. Без чуткого внимания к народному творчеству, без ясного направления в отборе, истолковании и воплощении танцев, создаваемых в народе, искусство ансамбля не развивалось бы так ярко и стремительно.

Новая программа ансамбля называется «Мир и дружба». Эти слова сейчас выражают самые сокровенные желания и надежды всех честных людей земли.

Два года работал ансамбль для того, чтобы в танцевальных сюитах, в танце, со всем его неповторимым национальным своеобразием, показать искусство советских людей, искусство стран народной демократии, объединенных под знаменами мира и дружбы.

Большого успеха ансамбль и его художественный руководитель Игорь Моисеев добились не только потому, что у коллектива горячая любовь к народному танцу, значительный опыт, знания, но и потому, что в создании новой программы в качестве постановщиков принимали участие балетмейстеры и композиторы дружественных стран. Музыка ряда танцев написана композиторами демократических стран. Болгарские танцы поставлены болгарскими балетмейстерами — Г. Абрашевым, К. Дженевым, Х. Цоневым и другими; корейские — ставила Ан Сон Хи; чешские и словацкие — Л. Гинькова; венгерский — М. Рабаи.

Программу открывает хореографическая картина «Праздник в колхозе», посвященная жизни советского колхозного села. Что же, у этого произведения все признаки картины! Ее сюжет прост: с почетом встречают колхозники передовиков, которым присвоено звание Героя Социалистического Труда. Здесь очень много интереснейших деталей, полных юмора и лирической теплоты. Встречей распоряжается культработник — энергичный мужчина в пестром галстуке (В. Аристов). С комической запальчивостью он командует приготовлениями, дирижирует оркестром, управляет танцами. Вот ему «прочитал» наставление завхоз с портфелем; впрочем, он и слова не сказал, но так сплясал перед культработником, что всем ясно: дирижер получил за что-то нагоняй. Очень трогательна встреча матери-героини с детьми. Перед нами промелькнуло несколько влюбленных пар. Затем, как и на всяком празднике, действие завершилось общим красочным танцем.

Все эти сценки не были только пантомимой. В каждом фрагменте мы явно ощутили стремление постановщика картины И. А. Моисеева раскрыть языком танца смысл любой сцены. Перед нами прошли самые различные характеры,— скажем, две неразлучные и совершенно неутомимые в плясках подружки (И. Чагадаева и З. Ефимова), неунывающий парень с гармошкой (М. Тарасов), другой паренек, с балалайкой (В. Копачевский),— все они представились нам в танце ярко, ясно, выразительно. Здесь каждый на свое лицо, в каждом есть очень точно схваченные характерные, типические черты — и в том случае, когда постановщик любуется своим героем, и тогда, когда он его разоблачает, часто зло и «с перцем».

Радость и веселье пришли во все страны, где сброшена власть капиталистов. Счастливая и свободная жизнь, обретенная народами, отразилась в таких великолепных танцах, как болгарский «Ветренско», венгерский «Понтозоу», румынский «Бриул» или монгольский танец наездников, заставляющий вас пережить спортивный азарт конских скачек, танец, созданный ансамблем как хореографическая картина народного праздника. Все это полные удали, огня, темперамента коллективные танцы, в которых не знаешь, чему дивиться: неповторимой ли причудливости фигур или точнейшей согласованности движений.

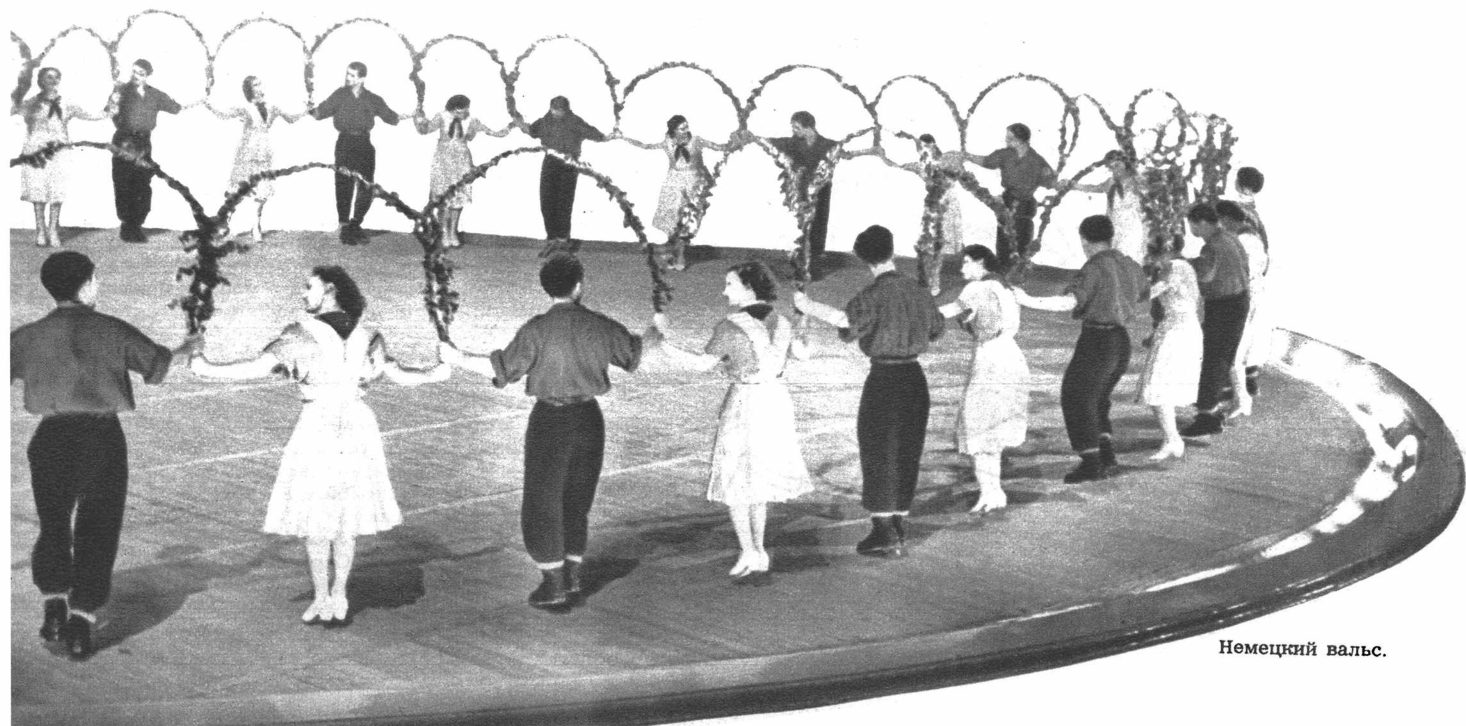
Поэтическое очарование польских и чешских танцев дополняет «Немецкий вальс», изобретательно и остроумно разработанный как большое празднество молодежи в парке. Причем сам «парк» — в руках у танцовщиков: его образуют гирлянды обвитых зеленью полукружий.

В корейском танце с мечами, в китайском танце с лентами, в которых от танцовщиков требовалось не только умение владеть своим телом, но и работать в нужном темпе и ритме с вещами, артисты ансамбля показали, что они хорошо постигли непривычную для них технику.

В этом смысле, пожалуй, самым интересным номером в программе была китайская пантомима «Санчакоу» (На перекрестке) в исполнении Л. Голованова, В. Савина и В. Носкова. Сюжет ее таков: юноша, охраняющий генерала-патриота Цзяо Цзяня, принимает хозяина гостиницы за предателя и вступает с ним ночью, в темной комнате, в борьбу. На сцене при ярчайшем освещении двое людей «не видят» друг друга, подкрадываясь один к другому, «пронзают» мечами воздух, сталкиваются спинами. В этой пантомиме исполнители проявили не только блестящую технику, но и незаурядное актерское дарование.

Есть в программе и недостатки: однообразны по рисунку некоторые парные танцы, в сюитах не всегда естественны переходы от одного танца к другому, затянут финал в колхозной сцене. Но все это легко устранимо.

Программу можно смотреть много раз подряд. Главное в ней — удивительное разнообразие стилей, приемов, средств пластической выразительности.

Немецкий вальс.

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки Е. Ведерникова.

В этот поздний вечер в огромном гастрономическом магазине царит предпраздничное оживление. Толпы народа вливаются в распахнутые настежь двери. За прилавками суетятся продавцы в белых халатах и накрахмаленных колпачках. Но как они ни стараются, как ни быстро отпускают товар, все равно у прилавков скапливаются нетерпеливые очереди. Особенный спрос сегодня на шампанское, торты, на жареных индеек, гусей, на икру, семгу, балык...

Через полтора часа Новый год.

В кондитерском отделе, прижатый к стеклу прилавка, стоит элегантный мужчина среднего роста. Он самоуверен и нетороплив. Его пыжиковая шапка уже минут десять торчит над прилавком и выводит из терпения ожидающих своей очереди покупателей: ведь каждая минута на счету!

— Этот пыжик все еще ни с места? Гражданин, выбирайте скорее, ведь торт — это не галстук!

Но он невозмутим:

— Коробку шоколадных конфет за сто двенадцать рублей. Торт. Не этот, вон тот, с кремовыми розочками.

Наконец-то человек в пыжиковой шапке получил свои коробки, выбрался из толпы и вышел на улицу. Мягко падает снег, белыми бабочками кружась в лучах фонарей. Мужчина направляется на площадь к стоянке такси, там — ни одной машины. Сегодня у шоферов горячая работа. Как же быть? Ему далеко ехать, он не успеет... А успеть нужно, необходимо. На сегодняшний вечер он возлагает большие надежды, иначе не стал бы тратить такую уйму денег. Нина любит шоколадные конфеты, и он купил самые дорогие, какие только были в магазине. Конечно, Нину не удивишь конфетами: у нее всего вдоволь, — но девушка поймет, что с его стороны это — проявление только ему свойственного, изящного внимания. Он, Сергей Борисович Пробкин, давно уже мечтал о такой девушке. Немало неудач было в его жизни; сейчас не время о них вспоминать, да и не к чему. Правда, Нина далеко не красавица: у нее длинный нос, маленькие глазки и фигура... никакой фигуры. Но это неважно. Самое важное то, что Нина — дочь видного генерала. Она живет в великолепной квартире, у них своя подмосковная дача, собственная машина, даже, кажется, две машины — с ума сойти! Сергею Борисовичу до отвращения надоела его холостяцкая грязноватая комнатенка, надоела толкотня в автобусах, опротивело работать рядовым экономистом в незаметном учреждении. Конечно, работать придется, нельзя не работать, но папа-генерал сумеет перетащить его в министерство. Вся задача в том, чтобы пленить родителей. Нину как будто уже успел пленить: встреча у знакомых, три свидания на катке, в кино. Она так мило сказала ему: «Приходите непременно, вам надо познакомиться с папой и мамой». Он умеет нравиться женщинам. Да, надо начинать новую жизнь, все старое по боку.

Однако такси все нет. Их перехватывают прямо на улице. А вон у обочины тротуара стоит какая-то машина, не такси, «Москвич» вишневого цвета. Надо попытаться. Он подбегает к машине — она пуста. Неудача. Но в эту минуту к «Москвичу» подходит женщина в замшевой куртке, в меховой ушанке, открывает дверцу, садится за руль.

«Это чья-нибудь личная машина, — соображает Сергей Борисович, — шофер — женщина. Может быть, подвезет?»

— Товарищ шофер, — говорит он заискивающе и вкрадчиво (с женщинами нужно говорить вкрадчивым тоном, если хочешь добиться внимания), — чем стоять тут понапрасну, не лучше ли сделать маленькую поездочку?

Женщина оглядывается очень быстро, так быстро, что Сергей Борисович даже не успевает разглядеть ее лица.

— Вам куда? — коротко спрашивает она.

— На Можайское шоссе. — Он называет номер нового, недавно построенного дома.

— Интересное совпадение, — говорит женщина. — И мне туда же. Садитесь, подвезу.

Сергей Борисович, посмеиваясь, лезет в машину.

— Нет, попрошу вас на заднее сиденье, тут у меня покупки, — говорит шофер.

Пожалуйста, на заднее, так на заднее, лишь бы ехать. Она сказала: совпадение? Как бы не так! Просто рассчитывает заработать. Но пусть особенно не радуется: много он не даст, и без того истратился в магазине.

Машина трогается, несется по ярко освещенной улице, сворачивает в переулок. А зачем, спрашивается, в переулок? Ведь нужно ехать все прямо и прямо...

— Товарищ шофер, милая девушка, зачем вы свернули в переулок?

— Я еду туда, куда надо, — говорит шофер.

Удивительно знакомый голос. Он даже сказал бы — неприятно знакомый. Голоса, как запахи, способны пробуждать воспоминания. Хотя сейчас не до воспоминаний: времени в обрез.

— Послушайте, если вы еще куда-нибудь будете заезжать, меня это не устраивает. Я спешу на встречу Нового года.

— И я тоже, — отвечает шофер. — Не беспокойтесь, доставлю вас во-время.

Анна! Неужели она? Не может быть... Но голос? Сергей Борисович ерзает на сиденье, пытаясь сбоку заглянуть в лицо шофера. Если это Анна, то это — действительно совпадение, и пренеприятное.

Еще один темный переулок. Шофер поворачивается в профиль — сомнения нет, она! Неужели она его тоже узнала? Бывают же такие новогодние сюрпризы! Ох, лучше бы этого сюрприза не было!..

Сколько времени они не виделись? Десять лет. Если девочка жива... как ее звали... Оля, ей сейчас двенадцатый год. Но ведь Анна не предъявляла к нему никаких претензий, когда они разошлись... Собственно, они не то, чтобы разошлись, он попросту взял и уехал. Да, уехал, потому что его тяготила семейная жизнь, открывались, так сказать, новые горизонты. Его брак оказался ошибкой. Развод был оформлен. Но, может быть, она потом разыскивала его? И теперь, когда жизнь начинает улыбаться, вдруг такая встреча! Не хватало еще встретить Маню или Кланю!.. Впрочем, ни у той, ни у другой детей нет, стало быть, и разговаривать не о чем. Но эта... Да куда же она едет, на самом-то деле, черт побери!

— Послушайте, товарищ шофер!

Что это, она, кажется, смеется? Уж не собирается ли она завезти его куда-нибудь на край города? Или разгонит машину и тарахнет об угол, сама выскочит, а из него душа вон... Бррр! Мало ли на что способны оскорбленные женщины? А она его узнала — это ясно. Надо во что бы то ни стало урезонить эту сумасшедшую!

В это время шофер оборачивается и говорит преспокойно:

— Вы, кажется, волнуетесь, Сергей Борисович, что я везу вас не по правильному пути?

Он изображает на своем лице искреннее удивление:

— Аня?

Она поправляет его:

— Не Аня, а Анна Никитична.

— Да, да, — угодливо подтверждает он. — Анна Никитична! Какая встреча, сколько лет, сколько зим! Вы не поверите, но я искренне рад. Ведь я первое время разыскивал вас, и только когда уже потерял надежду...

— Вы нас искали? Вот как!..

Она улыбается. Нет, разумеется, она не верит ни одному его слову. Но надо же что-то говорить, лишь бы она не разбила машину, не завезла его куда-нибудь...

— Искал! А вы, оказывается, здесь, в Москве? Не ожидал. Расстались с нашим сибирским заводом, шофером работаете? Что ж, и это неплохая профессия.

Она молчит, машина мчится.

— А Олечка жива-здорова? — спрашивает он так ласково, как только может.

— Оля в пятом классе, — говорит Анна. — Отлично учится.

Машина делает резкий разворот.

«Тарарахнет, расшибет!» — в ужасе думает Сергей Борисович, хватает один из свертков, кажется, это конфеты — сто двенадцать рублей, — но своя жизнь дороже, и, перегнувшись, кладет рядом с шофером. — Это ей, Олечке, на Новый год.

— Возьмите обратно, — говорит Анна. — У Оли все есть, ей ничего не нужно.

— Нет, нет, — захлебывается Сергей Борисович. — Ведь вам же не по средствам покупать дорогие конфеты ребенку. Это от меня. Она меня помнит?

— А зачем ей вас помнить? — спрашивает Анна. — Она даже никогда не слышала о вас. У нее теперь есть отец, настоящий, любящий.

«Ну, это уже легче, — у Сергея Борисовича как гора с плеч свалилась. — Наверно, и муж — тоже шофер. И машину не разобьет и никуда не завезет...»

— Значит, замуж вышли, Анна Никитична? Конечно, я не смею вас упрекать...

— Еще бы!

— С глаз долой, из сердца вон, — продолжает он в том же ласково-грустном тоне. — «Хоть бы скорей довезла, суну ей десятку — и всего хорошего». — А я частенько о вас вспоминаю, вот до сих пор холостяком живу.

Машина выезжает на ярко освещенное шоссе.

— А зачем же, Анна Никитична, вы меня по переулкам возили? — Он смеется, говорит так добродушно, по-приятельски.

— Там дорогу чинят, я выбрала кратчайший путь.

Только и всего. А он-то боялся, вот глупо! Нет, положительно, жизнь продолжает улыбаться ему.

— А вы, что же, в этом районе живете? — продолжает он поддерживать разговор со своей бывшей женой. Теперь уже не страшно.

— Да. Я живу в том же доме, в который едете вы. Такое странное совпадение... Потому я и согласилась подвезти вас. Почему же не выручить... по знакомству.

— Прекрасный дом! — восклицает Сергей Борисович.

— Да, хороший как будто, — соглашается Анна.

«И все врет, что живет в этом доме, — думает он. — Я отлично знаю: там живут академики, военные и уж едва ли шоферы. Или, возможно, во дворе...»

— Квартирку имеете или комнатку? — осведомился он.

— Квартира на восьмом этаже, — говорит Анна.

— На во... восьмом?

Вот это — уже нежелательное осложнение. Генерал Иванов тоже живет на восьмом этаже. Может быть, Анна знакома с Ниной? Как бы не наболтала про него!.. Э, была не была, надо действовать начистоту! Она устроила свою жизнь, он устраивает свою. А что, если упомянуть генерала, сказать, что он с ним в дружеских отношениях? Приврать-то можно, — не полезет же она с расспросами к генералу! Да и восьмой этаж велик. Вряд ли Нина знакома с такой простенькой женщиной, как Анна. Нет, надо сказать. И он говорит с достоинством:

— Я еду к генералу Иванову встречать Новый год.

Машина как раз останавливается у подъезда. Анна поворачивает к Сергею Борисовичу удивленное лицо.

— К Иванову? А... позвольте спросить, кто вас приглашал?

— То есть, как это — кто?! — несколько высокомерно говорит Сергей Борисович. — Я хороший знакомый...

— Чей?

Сергей Борисович чувствует, как холодок пробегает у него по спине, хотя в машине тепло, даже жарко. Анна говорит спокойно, не спеша:

— Этот дом, который вы видите перед собой, — моя дипломная работа. Я ведь теперь архитектор. Для полной ясности еще несколько слов о моем семейном положении. Несколько лет тому назад я вышла замуж за вдовца, генерала Иванова. Других Ивановых на нашем этаже нет. Таким образом, я имею повод думать, что вы намерены встречать Новый год именно в нашей семье. Но... я вас не приглашаю, Сергей Борисович...

Пауза, во время которой Сергею Борисовичу хочется ущипнуть себя, проснуться и убедиться, что это всего лишь неприятный сон в новогоднюю ночь. Но это — увы! — не сон. Анна продолжает:

— Если с вами имела неосторожность познакомиться моя падчерица Нина и пригласила вас, то я сумею объяснить ей, что это была ошибка.

Глядя на растерянное лицо Сергея Борисовича, Анна не может удержаться от улыбки.

— Вам кажется странным, что я архитектор? Или вам больше импонирует, что я жена генерала?.. А вы думали, что я шофер? Нет, это моя машина. Даже не генеральская, а моя собственная. Вам не придется платить за проезд. Ну, а обратно добирайтесь как знаете...

Дрожащими руками Сергей Борисович стал вытаскивать свои коробки. Машина дала гудок и въехала во двор.

...Снег уже не порхал легкими бабочками, он лепил до обидности мокрыми хлопьями прямо в лицо. Сергей Борисович стоял на тротуаре и чувствовал себя этаким обездоленным новогодним мальчиком из старинного рассказа, хотя в отличие от этого мальчика у него в руках был торт с кремовыми розочками и коробка шоколадных конфет, самых дорогих, какие только были в магазине.

Шляпа из фетра. Отделка — вуалетка и заколка.

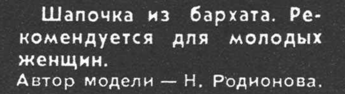

Шляпа-берет из фетра.
Автор модели — М. Бычкова.

Шляпа из фетра.

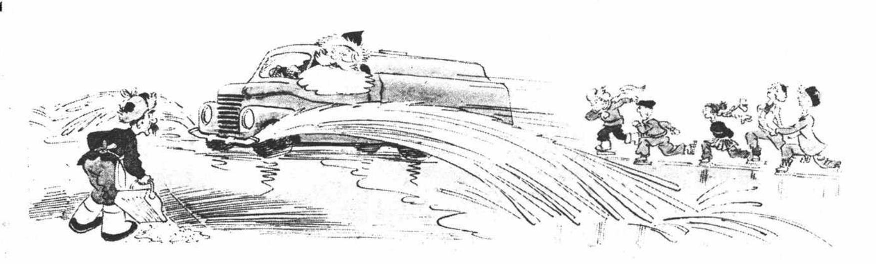

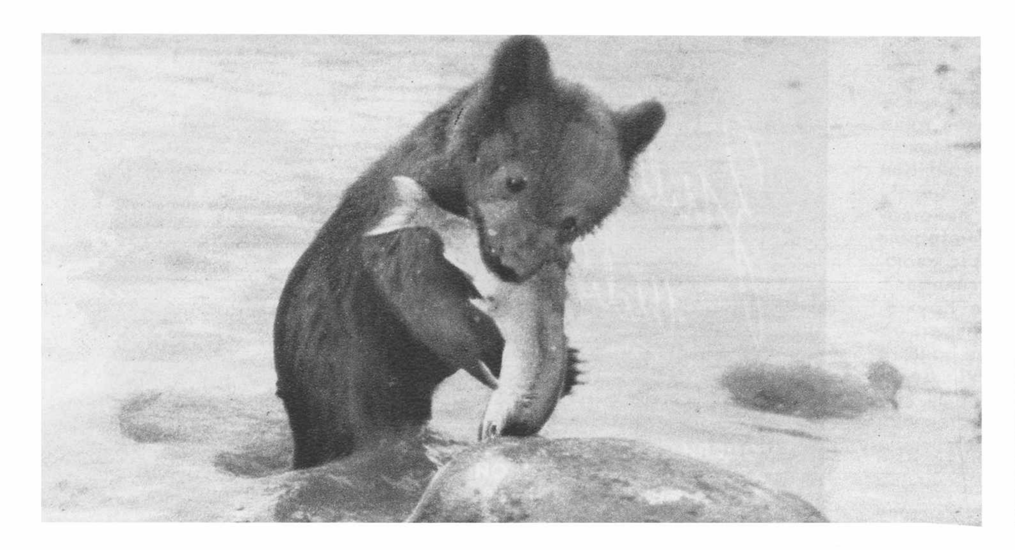
Шапочка из бархата. Рекомендуется для молодых женщин.
Автор модели — Н. Родионова.

Шляпа из бархата, отделанная мехом.
Автор моделей — В. Долля.

Забавы деда Мороза

Изошутка Ю. Черепанова.

БЕЗ СПИННИНГА...
Фото кинооператора В. Гулина (Хабаровск).

ЦИМЛЯНСКОЕ ШАМПАНСКОЕ...

В 12 ЧАСОВ НОЧИ 31 ДЕКАБРЯ НА ШЛЮЗЕ № 15 ВОЛГО-ДОНСКОГО КАНАЛА.
Рисунок Е. Ведерникова.

Забавы деда Мороза

Изошутка Ю. Черепанова.

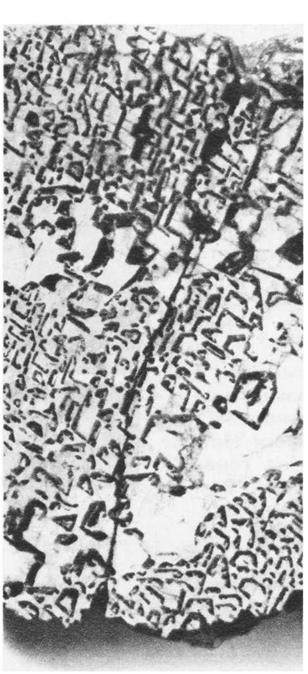

На желтоватом фоне полированного камня видны следы древней клинописи. Так кажется на первый взгляд. Однако опытный глаз геолога сразу определяет, что никакой клинописи на камне нет, что это так называемый письменный гранит, возникший сотни миллионов лет назад путем кристаллизации кварца и полевого шпата в жилах гранитов. Много поработал для установления законов срастания письменных образований академик А. Е. Ферсман; один из открытых законов назван именем ученого.

Письменные граниты сопровождают обычно месторождения драгоценных камней, природа как бы «сообщает» об этом таинственными знаками.

Н. РОЗИНА

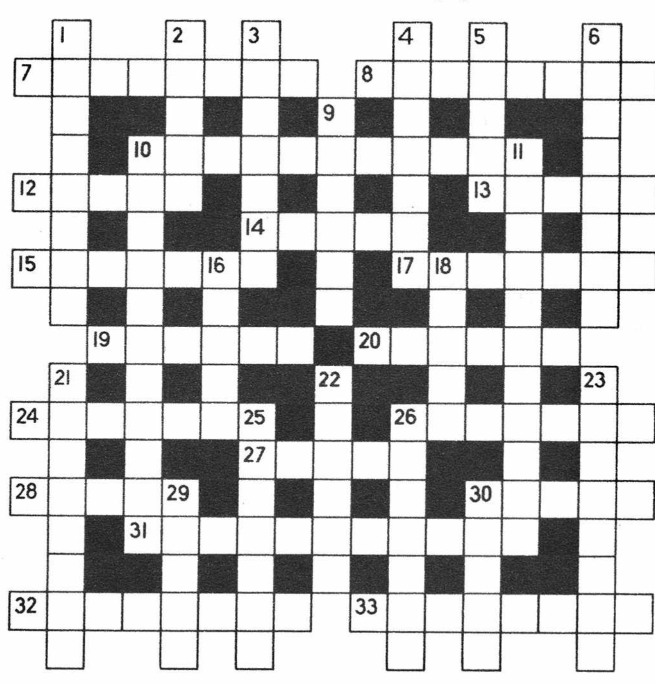

Один из образцов письменного гранита, хранящихся в Горно-геологическом институте Уральского филиала Академии наук СССР.

В номере на вкладках: репродукции картин: Д. А. Налбандяна портрет Мао Цзэ-дуна, П. П. Смукровича «За боевые заслуги», Е. М. Харитоненко «Электросварщица»; четыре страницы акварелей Ци Бай-ши и одна цветная фотография.

С этим номером рассылается содержание журнала «Огонек» за 1953 год.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Планета. 8. Скульптурное изображение. 10. Орудие для обработки почвы. 12. Цитрус. 13. Сани. 14. Специалист по вопросам права. 15. Часть слова. 17. Лицо, имеющее абонемент. 19. Рефрен. 20. Областной город в РСФСР. 24. Основное, исходное положение. 26. Озеро в Венгрии. 27. Герой произведения Шекспира. 28. Водное пространство. 30. Металлические изделия. 31. Наука. 32. Атмосферное явление. 33. Краска.

По вертикали:

1. Учебное заведение. 2. Пенистая волна. 3. Столица союзной республики. 4. Опера П. И. Чайковского. 5. Строительный материал. 6. Приспособление для прядения. 9. Итальянский художник. 10. Собрание представителей. 11. Несходство во мнениях. 16. Итальянский остров. 18. Брус. 21. Украшение. 22. Южное растение. 23. Подставка. 25. Вспомогательный материал для швейных изделий. 26. Минерал. 29. Воинское подразделение. 30. Дезинфицирующая жидкость.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 51

По горизонтали:

3. «Детство». 7. Реостат. 9. Бомарше. 10. Грот. 11. Киев. 12. Альфреско. 15. Уральск. 18. Финансы. 20. Керашев. 21. Канонада. 22. Комбинат. 24. Прозаик. 26. Свирель. 27. Квартал. 30. Атмосфера. 32. Иран. 33. Кран. 34. Наличие. 35. Зарядка. 36. Теплица.

По вертикали:

1. Кенгуру. 2. «Варвары». 4. Слон. 5. Обелиск. 6. Фабрикат. 7. Реактив. 8. Скиф. 13. Хлороформ. 14. Партитура. 16. Ромашов. 17. Кендырь. 18. Федотик. 19. Справка. 23. Известие. 24. Платина. 25. «Квартет». 26. Семинар. 28. Лыжница. 29. «Баня». 31. Трал.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 08610. Подп. к печ. 21/XII 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 9,59 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 960. Заказ 3080. Рукописи не возвращаются

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Участница сельской художественной самодеятельности Роза Именджанова учится теперь в музыкальном училище Сталинабада (Таджикистан). Занимается с ней по классу пения Александра Петровна Беляева.

Фото Н. Максимова.

